

УЖАСНАЯ ЖАТВА

**Дорогостоящая попытка уничтожить
народ Германии**

Автор: Ральф Франклин Килинг

ИНСТИТУТ АМЕРИКАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ

127 Н. Дирборн-стрит

Чикаго 1947

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ.....	3
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	7
Глава I:.....	9
ВОЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ.....	9
Глава II:.....	16
ИСТРЕБЛЕНИЕ ПУТЕМ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ.....	16
Глава III:.....	32
РАЗРУШЕНИЕ СТОЛПА ТРУДА.....	32
Глава IV:.....	65
НАПАДЕНИЕ НА ГЕРМАНСКИЙ КАПИТАЛ.....	65
Глава V:.....	87
БАСТАРДИЗАЦИЯ НЕМЕЦКОЙ РАСЫ.....	87
Глава VI:.....	101
ГОЛОД НАРОДА.....	101
Глава VII:.....	127
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЕДСТВИЕ.....	127
Глава VIII:.....	143
ОБУЧЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ НАОБОРОТ.....	143
Глава IX:.....	158
ПРОГРАММА КРЕМЛЯ.....	158
Глава X:.....	179
ФАКТЫ, С КОТОРЫМИ МЫ ДОЛЖНЫ СТОЛКНУТЬСЯ.....	179

ПОСВЯЩЕНИЕ

Эта книга посвящается тем людям во всех странах, которые руководствуются в первую очередь разумом, а не эмоциями; которые последовательно мыслят принципами, а не предрассудками; которые пытаются видеть события сейчас так, как их будут рассматривать через поколение трезвые историки; которые пытаются выявить нынешние искажения в общественных настроениях и понимании, вызванные тотальной войной и пропагандой; которые готовы оценивать проблемы мира с точки зрения национальных, а не предполагаемых личных интересов; которые не требуют от других следовать правилам и стандартам, которые они не приняли бы для себя; которые верят в равенство перед законом для целых народов, как и для отдельных людей; которые признают несправедливость попустительства акту, совершенному одной страной, при осуждении того же акта, совершенного другой; которые видят, что априорный выбор сторон и выбор фаворитов среди наций без учета их поведения является отвратительной формой расовой или национальной дискриминации; которые стремятся к улучшению человеческих отношений, помогая преодолеть шовинизм, этноцентризм и преследования по любому поводу; которые уважают человеческое достоинство и основные права человека; кто имеет демократическую веру в простую честность и разумность широких народных масс во всех странах; кто поэтому верит, что ни один народ не может быть коллективно осужден без осуждения самой человеческой природы; кто сочувствует миллионам страдающих, голодающих жертв тотальной войны, где бы они ни находились; кто стремится к миру, процветанию и счастью всех людей, включая тех, кто живет в нашей Америке - и наших бывших врагов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Через год и месяц после опубликования Потсдамской Декларации государственный секретарь Бирнс неожиданно покинул Парижскую мирную конференцию и отправился в Штутгарт, где среди Немецкого народа попытался оправдать и защитить политику Америки в отношении побежденного Рейха.

Эта готовность придать значение общественному мнению Германии ознаменовала фундаментальный и долгожданный поворот в нашем официальном отношении, поскольку ранее мы выполняли свою миссию в Германии, совершенно не заботясь о том, что Немцы могут подумать о ней или о нас.

Перемена произошла не из-за вновь открывшейся любви к нашим побежденным подданным. Бирнс уловил истинную причину, когда сказал: "Не в интересах Немецкого народа и не в интересах мира во всем мире, чтобы Германия стала пешкой или партнером в военной борьбе за власть между Востоком и Западом".

Именно это уже произошло. С запозданием мы поняли, что в то время как мы заняты и слепо отчуждаем Немецкий народ, осуществляя одну из самых жестоких и ужасающих мирных программ, когда-либо применявшихся к побежденной нации, Россия, которая нас подстрекала, спокойно готовилась выступить в качестве его защитника и предложить ему путь к спасению от нас путем создания единого, возрожденного и Коммунистического Рейха, который будет присоединен к Советскому Союзу. Это было ясно сказано Молотовым в июле в Париже.

Германия - не просто пешка в борьбе за власть между амбициозной Коммунистической Россией и Западом, она - главная цена. Мировой Коммунизм давно мечтал о Германии как о самой яркой жемчужине в своей короне. Кремль знает, и мы знаем, что вся Европа

должна будет пасть перед объединенной мощью союза Советской России и возрожденного Рейха.

Такое развитие событий не может быть терпимо для Великобритании, которая, имея за спиной враждебную Европу, сочтет под угрозой само свое существование. Мы также не можем мириться с такой угрозой для Англии, потому что отношение к Британским островам как к нашей первой линии обороны в Атлантике является одним из императивов нашей нынешней внешней политики.

Союз между Советской Россией и советизированной Германией означал бы войну. Чтобы предотвратить войну, мы должны помешать осуществлению замысла России. Следовательно, становится необходимым привлечь Германию на свою сторону и удержать ее там.

Ситуация требует тщательного пересмотра нашей Германской программы, за которым последуют любые изменения, необходимые для установления достойного мира и предотвращения того, чтобы Немцы от отчаяния перешли на сторону Русских.

Пришло время откровенно признать ошибки прошлого и мужественно взглянуть в лицо суровым фактам. Необходимо, чтобы Американский народ досконально ознакомился с тем, что происходило, и позаботился о том, чтобы были предприняты надлежащие корректирующие шаги, причем предприняты незамедлительно.

Эта книга предлагается в качестве вклада в достижение этой цели. В ней в ясной форме излагается то, что произошло в Германии, поскольку такое знание необходимо как для понимания Немецкой точки зрения, так и для ознакомления со статус-кво, от которого мы должны отталкиваться при принятии мер по исправлению ситуации. В нем излагается природа замысла России, а также описание ошибок, которые мы совершили, попав в ее ловушку. И, наконец, в нем представлены

некоторые предложения по мирному урегулированию с Германией, которое было бы одновременно справедливым и постоянным.

ВВЕДЕНИЕ

В Ялте, в Крыму, Черчилль, Рузвельт и Сталин встретились, чтобы решить судьбу Европы, и в своем совместном заявлении торжественно объявили:

"В наши цели не входит уничтожение народа Германии."

Снова в Потсдаме представители "большой тройки" встретились и в своей совместной Декларации, подписанной Сталиным, Трумэном и Эттли, официально провозгласили:

"В намерения Союзников не входит уничтожение или порабощение Немецкого народа."

Несмотря на эти и другие заверения, Потсдамские решения, как мы их сначала интерпретировали, означали, что Немецкий народ будет брошен на произвол судьбы, с запрещенной внешней помощью, после того, как необходимые средства для его выживания будут уничтожены. Это могло иметь только один результат: уничтожение Германии и Немецкого народа.

Жизнь каждой нации поддерживается тремя основными столпами: земля (все природные ресурсы), труд (как мускулы, так и мозги) и капитал (заводы и оборудование). Если сломать хотя бы один из них, нация ввергнется в катастрофу.

Война запустила этот процесс, уничтожив цветок Немецкой рабочей силы, разрушив города, заводы, железные дороги и обеднив почву пятилетним прекращением производства удобрений. И такая же угнетающая война ведется против Немецкого народа после его безоговорочной капитуляции. Опорные силы земли были подорваны жизненно важными территориальными потерями и перенаселением, вызванным притоком миллионов Немцев, изгнанных в сократившийся

Рейх из потерянных областей, из Чехословакии и Польши. Ресурсы промышленного капитала еще более сократились из-за потери всех производственных мощностей на захваченных завоевателями территориях и гигантской программы разграбления, вежливо названной "деиндустриализацией" и "репарациями натурой". Рабочая сила была сокращена за счет порабощения миллионов, выброса других миллионов с ответственных постов через "денацификацию" и ослаблена недоеданием, из-за которого рабочие падали на своих рабочих местах. Даже сама Немецкая раса была атакована программой массового нарушения безоговорочно капитулировавшей родины Германии.

В результате Германия лежит без сил, а ее народ голодает. После того, как они начали массово умирать, было принято решение о необходимости импорта продовольствия, которого, к сожалению, едва хватило, чтобы удержать огромные массы людей в сумрачной зоне между жизнью и смертью. Их агония и отчаяние были увековечены на пределе человеческих возможностей.

На следующих страницах рассказывается о том, что журнал TIME метко назвал "самым страшным миром в истории", миром, который полностью объясняет, почему многие Немцы готовы обратиться к коммунизму или даже хуже. Ибо, как ни странно, наш современный век, принесящий нам атомную бомбу, породил также нации, которые за счет своих союзников могут извлекать прибыль из производства человеческих страданий.

Глава I:

ВОЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ

Одного только опустошения Рейха в результате тотальной войны было достаточно, чтобы поставить под серьезное сомнение способность Германии выжить после войны.

Никогда еще в истории жизнеобеспечивающие ресурсы нации не были так основательно разрушены. Вернувшись после победы в Европе, генерал Брэдли заявил: "Я могу сказать вам, что Германия была уничтожена полностью и окончательно." [1]

Требование безоговорочной капитуляции заставило отчаявшихся Немцев сражаться до конца, пока их города не превратились в смертоносные руины, а их заводы, железные дороги, каналы, плотины, электростанции, коммуникации, здания, дома - все их незащищенные объекты - превратились в груды искривленных, дымящихся развалин.

Рвение Союзников уничтожить все Немецкое было выражено генералом Эйзенхауэром после открытия Рурской операции. "Наша главная цель, - заявил он, - уничтожить как можно больше Немцев. Я рассчитываю уничтожить всех Немцев к западу от Рейна и в пределах той области, на которую мы наступаем." [2]

Способность Союзников к уничтожению стала подавляющей после того, как Американский промышленный колосс был переведен с мирного на военное производство. Американское производство вскоре превзошло производство всех остальных воюющих сторон в войне вместе взятых и стало вдвое больше, чем возможности обреченной Оси. [3]

Ошеломленный Американской мощью, Герман Геринг признался своим охранникам в Нюрнбергской тюрьме: "Промышленный гений Америки - это то, о чем никто и не мечтал".

Представление о сокрушительной силе Америки, когда она посвящает себя мрачному делу массового производства смерти и разрушения, дает следующее описание, написанное военным корреспондентом с передовой:

"Катаклизмический взрыв взрывающейся, раскалывающейся стали разорвал землю перед нами, и казалось, что наступил конец света.

"Американцы прокладывали путь для нападения.

"Люди и звери вздрагивали от ужаса. Целые города распадались. Казалось, жизнь исчезала с лица земли. Это была самая ужасающая разрушительная сила войны, которую когда-либо видела Германия. И это был символ того, что должно было произойти, когда 1-я армия США нанесла этот сокрушительный удар по границам Германии.

"В течение полутора часов более 2,000 бомбардировщиков и сотни орудий наносили удары по Немецкой сельской местности, заставляя землю танцевать перед этой могучей рукотворной силой. Когда тяжелые и средние самолеты не заставляли дрожать землю на многие мили вокруг, наша массивная артиллерия устраивала им настоящий ад. Они стреляли со средней скоростью один снаряд каждые 15 секунд, взрывая все мыслимые препятствия на нашем пути. Минные поля взлетали, словно от электрического выключателя...

"В центре этой страшной сцены Немцы расположились "живой стеной". Они окопались в лисьих норах и внутри домов "укрепленных городов". Многие умерли, так и не узнав, что их поразило.

"Видя, как храбрые люди и дикие звери ломаются, как это бывает иногда в тисках страшного землетрясения, я мог бы поклясться, что не будет никакого сопротивления, когда наступит нулевой час.

"И все же, когда наши танки и донбои после шквального огня, как в битве под Верденом, шли на вершину, Немцы были еще живы, и они сражались с нами с жестокостью."[4]

Как бы ни были велики разрушения, полученные в результате наземных боев, они меркнут по сравнению с разрушениями, нанесенными нашими гигантскими воздушными налетами. Две атомные бомбы, сброшенные на Японию, возможно, были более драматичными, но вряд ли они могли быть более разрушительными, чем миллионы фосфорных, огненных и "блочных" бомб, сброшенных на Германию. В конце мы использовали 11-тонные бомбы, которые, по словам экипажей, заставляли их самолеты подпрыгивать вверх на 500 футов, когда выпускались огромные 25-футовые ракеты, поднимая "огромный клубы черного дыма и фонтан обломков", которые "затмевали ужасающие взрывы шеститонных бомб "землетрясение".

Во время войны на один только Берлин было сброшено больше бомб по весу, чем на всю Англию. Разрушения были настолько велики, что генерал Эйзенхауэр был вынужден сказать:

"Я видел много замечательных инженерных работ во время войны - например, очистку порта Шербур - но я просто не знал бы, с чего начать восстановление Берлина."[5]

Американский писатель, входивший в первую группу корреспондентов, которым разрешили провести в разрушенном мегаполисе более 24 часов, написал:

"Столица Третьего Рейха - это груда унылых, выгоревших, охваченных пламенем зданий. Это пустыня из ста тысяч дюн, сложенных

из кирпича и осыпавшейся каменной кладки. Над ней висит резкий смрад смерти... Невозможно преувеличить, описывая разрушения... Центр Берлина выглядит так, как не мог придумать ни один человек. Проезжая по знаменитой Франкфуртской аллее, я не увидел ни одного здания, где можно было бы организовать бизнес, хотя бы по продаже яблок." [6]

Все Немецкие города с населением более 50,000 человек и многие более мелкие были разрушены на 50-80%. Дрезден, размером с Питтсбург, был стерт с лица земли, и почти все его 620,000 жителей были погребены под руинами. [7] Кельн с населением 750,000 человек был превращен в гигантскую пустошь. Гамбург с населением 1,150,000 человек был взорван огромными атаками, в одной из которых пламя взметнулось на милю в небо и заживо изжарило сотни тысяч мирных жителей при температуре на улице в тысячу градусов. Франкфурт-на-Майне, город с населением 500,000 человек, был превращен в массу обломков. Все города и промышленные районы, такие как Рурская и Саарская области, были превращены в руины. [8]

История Касселя является типичным примером трагедии, постигшей остальных:

"Триста раз жители Касселя в ужасе бежали в бомбоубежища, когда гигантские Британские и Американские самолеты сбрасывали бомбы. Почти 10,000 человек были убиты во время первой ужасной бомбардировки в ночь на 22 октября 1943 года. Это была в основном зажигательная атака, которая подожгла весь центр города. Тысячи людей погибли в своих бомбоубежищах от газовых испарений от огромных куч горящего угля, так и не поняв, почему им захотелось спать, так и не проснувшись.

"С той ночи они никогда не знали когда; они просто знали, что обречены. Иногда они получали всего несколько бомб; часто рейдовые группы, которые не могли достичь целей на востоке вокруг Берлина, выбирали Кассель на пути домой. "Иногда стаи самолетов проходили прямо над головой, и ничего не происходило; в других случаях они проходили над головой, и когда жители Касселя думали, что они идут на восток, они разворачивались и возвращались, чтобы сбросить свои мощные тонны тротила.

"Они дошли до того, что знали все уловки тех, кто остался в Касселе. Постепенно на их головы обрушился город.

...Менее 15,000 из 65,000 домов оставались пригодными для жизни. Они научились окапываться, спасаться от угольного дыма и пожаров". Почему-то мне показалось, что Бургомистр сказал с легким оттенком гордости: "А потом наш последний налет, 8 и 9 марта 1945 года. Это был самый большой налет. Возможно, тысяча больших бомбардировщиков, один из самых больших налетов во всей Германии; и мы потеряли очень мало убитыми - менее 100 человек".

"А потом, перед самой Пасхой, мы услышали, что Американские войска наступают, и хотели сделать Кассель открытым городом', - рассказывала Хельга Аспен, симпатичная блондинка, которая осталась на протяжении всего этого.' Но,' - добавила она с горечью, - 'Штаб фюрера (Гиммлер) отдал приказ обороняться до последнего человека.'

"И вот Кассель, избитый 300 воздушными налетами, должен был узнать грохот Американского артиллерийского огня. Они собрали около 6,000 гражданских лиц в глубоком бункере в центре города и стали ждать - пока довольно неумелые Немецкие оборонительные подразделения постепенно оттеснялись назад.

"Итак, 4 апреля 1945 года Кассель капитулировал, из 250,000 жителей города в живых осталось не более 15,000. Тысячи людей лежали погребенными под бесчисленными тоннами кирпича, цемента и искривленной стали, которые были жилыми домами, магазинами и фабриками. "Это было год назад, и не будет преувеличением сказать, что они все еще находятся в оцепенении. Лишь немногие вышли из ступора и стали настоящими лидерами. Нередко можно увидеть, как человек разражается беспомощными слезами, если разговор переходит на воспоминания о военном терроре."[9]

Это массовое разрушение городов и производственных мощностей самой высокоиндустриальной страны Европы было успешным с чисто военной точки зрения; однако это было также нападение на средства к существованию миллионов рабочих, поскольку разрушение заводов и машин - это также разрушение рабочих мест, основных средств к жизни.

Некоторые из миллионов безработных в Германии нашли временную работу по расчистке завалов и подобную работу. Но подлинное восстановление невозможно без производства огромного количества строительных материалов и нового оборудования, ни то, ни другое не может быть произведено в Германии сегодня, потому что необходимых мощностей больше не существует. Для того чтобы построить заводы и машины, которых не хватает Германии, нужны заводы и машины, которые нужны Германии.

Чтобы вывести немецкую экономику из этого мертвого центра, требуется внешняя помощь. А пока люди, неспособные самостоятельно производить необходимые для жизни вещи, должны либо массово умирать, либо получать помощь извне, пока восстановление не пойдет достаточно далеко, чтобы они снова могли позаботиться о себе.

Источники:

1. Associated Press, New York, June 3, 1945
2. J. Kingsbury Smith, Paris, Feb. 24, 1945, [INS]
3. Cf. address by Donald M. Nelson, Chr. U.S. Production Board, Toronto, Canada. July 8, 1943; James D. White, Chicago Daily News [AP], May 7, 1945; and Chicago Sunday Tribune, Sept. 22, 1946, reporting statement by Troyer S. Anderson, War Dept. Historian.
4. Henry T. Gorrell [UP], Chicago Daily News, Nov. 17, 1944
5. Associated Press, London, June 11, 1945
6. Eddie Gilmore [AP], Berlin, June 9, 1945
7. United Press, London, Feb. 14, 1945 and Associated Press, London, March 5, 1945
8. Associated Press, London, March 24, 1945
9. Jack Bell, Chicago Daily News Foreign Service, Kassel, Germany, May 15, 1946.

Глава II:

ИСТРЕБЛЕНИЕ ПУТЕМ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ

Территориальные ампутации

Жилая площадь Германии даже в 1937 году была мала для ее многочисленного населения и располагала важными природными ресурсами только в виде сельскохозяйственных угодий и месторождений угля и калия. Ее сельскохозяйственные угодья были перегружены интенсивной культивацией в течение 1,000-2,000 лет, а во время и после недавней войны ее почва испытывала недостаток в удобрениях. Даже когда удобрений было много, а ее территория была нетронутой, Германия никогда не могла производить более 80% продовольствия и других сельскохозяйственных продуктов, необходимых для удовлетворения ее внутренних потребностей."[1]

Остальное приходилось импортировать в обмен на экспорт угля и промышленных товаров.

Поскольку сельскохозяйственные угодья стали перенаселенными, Германия прибегла к обрабатывающей промышленности. Импортируя железную руду и максимально используя свои угольные и калийные ресурсы, она создала вторую по величине в мире сталелитейную и химическую промышленность, которая, в свою очередь, стала "мастерской Европы", повысила общеевропейский уровень жизни и прямо или косвенно поддерживала две трети своего населения.

Из-за разрушения в результате тотальной войны и целенаправленной политики Союзников эти промышленные ресурсы сегодня в значительной степени уничтожены. Без них более половины немецких рабочих вынуждены прибегать к земле как к единственному

средству существования. В данных обстоятельствах крайне сомнительно, что земля, даже если бы она осталась нетронутой в 1937 году, смогла бы прокормить огромное, теперь уже безработное, промышленное население даже на самом низком уровне существования.

Не дожидаясь ответа, завоеватели Германии безжалостно лишили ее земель, составляющих 28% ее жизненного пространства, производящих еще большую часть продовольствия и содержащих два из трех основных угольных регионов. Чтобы еще больше ухудшить ситуацию, они изгоняют в оставшийся Рейх миллионы Немцев из потерянных провинций, Польши, Венгрии, Чехословакии и других мест; заботятся о многочисленном населении "перемещенных лиц" внутри пострадавшей Германии; а в случае Русских и Французов содержат большие оккупационные армии, которые живут за счет земли. И "перемещенные лица", и эти оккупационные войска пользуются приоритетом перед Немцами, имея возможность делать реквизиции у них на любые продукты питания и другие предметы, необходимые им для того, чтобы жить в сравнительной легкости и роскоши. Плачевную ситуацию, созданную этими действиями, можно себе представить.

Атлантическая Хартия обещала:

"Никакого возвеличивания." - "Никаких территориальных изменений, не соответствующих свободно выраженным пожеланиям соответствующих народов." - "Право всех народов выбирать форму правления, под которой они живут." - "Предоставление всем народам возможности жить в безопасности в пределах своих собственных границ." - "Мир... который обеспечит уверенность в том, что все люди на всех землях смогут прожить свою жизнь в условиях свободы от страха и нужды."

Хотя Ялта предписывала, что точное количество территории, которую получит Польша, должно быть окончательно определено на мирной конференции, Россия в Потсдаме поставила двух своих западных союзников перед территориальным свершившимся фактом. Она забрала треть Восточной Пруссии в качестве своего постоянного приобретения и поставила свою Польскую марионетку во владение всей остальной Немецкой территорией к востоку от рек Одер и Нейсе. Даже радикальный план Моргантау предусматривал уступку Польше только той части Восточной Пруссии, которая не была захвачена Россией, и Верхнесилезского угольного и промышленного района. Но в дополнение к этим территориям Польша теперь владела Немецким Позеном, почти всей Померанией и Нижней Силезией, а также восточной частью Бранденбурга - лучшей частью житницы Рейха. Призывая двух своих союзников принять эти приобретения как постоянные, Россия утверждала, что при вторжении Красной Армии из Германии бежало так много жителей, что для возвращения этих регионов в производство потребуется их включение в экономику России и Польши по уже нарисованным линиям.[2]

Захват Россией Кенигсберга и прилегающей территории Восточной Пруссии был принят в Потсдаме и с тех пор остается бесспорным. Переименованная в Калининград, бывшая столица Восточной Пруссии была превращена в ценный тепловодный порт Советского Союза, большинство Немецких жителей было изгнано, а весь регион был тщательно Русифицирован.[3]

Но в отношении Немецких земель, принадлежащих Польше, Потсдам решает, что "окончательное разграничение западной границы Польши должно ожидать мирного урегулирования"; однако он разрешает, чтобы эти территории оставались на время "под управлением Польского государства". Очевидно, рассматривая это соглашение как

равносильное фактическому признанию ее права собственности на эти регионы, Польша приступила к выселению и изгнанию миллионов Немецких жителей и замене их Поляками.

Хотя Москва заставила Польшу поверить, что она может сохранить за собой Немецкие провинции, о которых идет речь, Немецкие Коммунисты при советской поддержке в начале 1946 года начали намекать Немцам, что все или часть земель могут быть возвращены, а сама Польша снова разделена между Россией и Германией, если Рейх примет коммунизацию и членство в Советском Союзе. Сам Маршал Жуков сделал такое предложение Немецким Коммунистам в апреле, а в июле Молотов в Париже оказал молчаливую поддержку, когда, к ужасу своих западных союзников, смело выступил за территориальное объединение и централизацию сильного Рейха. Он конкретно выступил против любых территориальных ампутаций на западе и, хотя и умолчал об этом, допустил предположение, что некоторые или все восточные территории могут быть возвращены. Переворот стал неприятным сюрпризом, особенно для Франции и США, чьи программы "жесткого мира", которые, как они предполагали, встретили горячее одобрение России, предусматривали серьезную ампутацию Рейха. Стало ясно, что Россия одобряет эти программы только до тех пор, пока ее западные друзья будут их выдвигать и тем самым окончательно оттолкнут от себя Немецкий народ.

Осознав, наконец, что мы должны пойти навстречу Российскому предложению о сочувствии и поддержке Германии, Бирнс в Штутгарте дал понять Немцам, что, хотя Соединенные Штаты будут продолжать поддерживать претензии Польши на некоторые Немецкие территории, они не обязательно считают западную Польскую границу окончательно закрепленной на реке Одер. Его цель была очевидна - поставить Соединенные Штаты в положение, позволяющее им ответить на любое

предложение Русских вернуть Немцам все или часть потерянных ими восточных территорий. Вдохновленная Коммунистами Польская реакция на заявление Бирнса была немедленной и ожесточенной. На следующий день после того, как оно было сделано, толпы людей со сжатыми кулаками, размахивая руками, толпились перед варшавской резиденцией Американского посла с криками: "Долой защитников Германии!". Представитель Польского марионеточного правительства публично предупредил, что Польша "будет сражаться", если будет предпринята попытка передвинуть ее западную границу на восток от Одера. Чуть позже Сталин заявил, что считает нынешние границы Польши постоянными. Таким образом, ситуация зашла в тупик в ожидании мирного урегулирования, Польша остается в состоянии, которое легко может стать постоянным владением спорных территорий.

Тем временем Франция вела ожесточенную борьбу за лишение Германии жизненно важных западных территорий. Настаивая на том, что Рейх должен быть окончательно ослаблен экономическим и политическим расчленением, она требовала, чтобы Рур был отделен и интернационализирован, чтобы Рейнская область была превращена в автономное государство, и чтобы ей было позволено аннексировать богатые угольные и промышленные районы Саара. Поставив решение этих вопросов и свои непомерные репарационные требования выше всех двусторонних соглашений и Союзов, она пыталась форсировать решение вопроса, блокируя все попытки Союзников рассматривать Германию как экономическое целое.

До переворота Молотова в Париже Францию в ее территориальных претензиях к Германии поддерживали Французские Коммунисты при поддержке Москвы. Но как раз в тот момент, когда она обращалась с самым решительным призывом к Союзникам одобрить их суровые планы в отношении западной Германии, Молотов внезапно бросил ее и

сделал неожиданное предложение о территориальном единстве и поддержке Германии. Резко отвергая предложенную интернационализацию Рура и, косвенно, Французскую аннексию Саара, он процитировал речь Сталина от 2 ноября 1942 года, в которой тот сказал, что "уничтожить Германию так же невозможно, как и уничтожить Россию". Выступая против любых "аламодных" планов по расчленению или пасторализации Рейха, превращению его в федерацию или конфедерацию малых государств, как это предлагалось, он потребовал контроля и управления Руром со стороны четырех держав.

Несмотря на столь резкое неприятие Россией территориальных изменений в западной Германии, Соединенные Штаты, в обмен на обещание Франции прекратить блокирующее отношение к Германии как экономическому целому, обещали поддержать Французские претензии на Саар, который Франция после этого начала расширять за счет присоединения прилегающих территорий. Но в Штутгарте Бирнс, повторив обещание поддержать Французские претензии на Саар, последовал примеру Молотова и выступил против отделения Рура и Рейнской области. Его позиция, поддержанная как Россией, так и Великобританией, несомненно, заставит существенно сдержать будущие Французские претензии.

Бирнс заявил, что кроме Саара и восточных территорий, которые должны отойти к России и Польше в соответствии с решением мирной конференции, "Соединенные Штаты не будут поддерживать никаких посягательств на территорию, которая бесспорно является Немецкой, или любого разделения Германии, которое не является искренним желанием соответствующего народа. Насколько известно Соединенным Штатам, народ Рура и Рейнской области желает остаться единым с остальной Германией. И Соединенные Штаты не будут противодействовать их желанию."

За отмеченными исключениями, Бирнс с показательным эффектом применил к Германии принципы Атлантической Хартии. Исключений быть не должно. Если эти принципы применимы к Руру и Рейнской области, а они применимы, то они с равной силой применимы к Саару и к Немецким территориям к востоку от линии Одер-Нейсе. Такие принципы нельзя использовать лишь в качестве удобных козырей в подлой игре в политику силы, не убедив весь мир, включая Немцев, что наша позиция беспринципна, внутренне противоречива и предвзята, что вследствие этого их несправедливо лишают территории, жизненно важной для их существования.

Немцы давно страдают от острого перенаселения. В прежние годы они искали облегчения в колониях и интенсивной эмиграции, что, кстати, привело к появлению большого Немецкого элемента в нашем собственном населении. Позже они прибегли к интенсивной индустриализации. После Первой Мировой Войны они лишились своих колоний, эмиграция была затруднена такими барьерами, как иммиграционные квоты, а их родина сократилась с 208,830 до 181,699 квадратных миль. После Второй Мировой Войны эмиграция была полностью запрещена, и все Немцы в Европе были втиснуты на родину, площадь которой еще больше сократилась до 133,000 квадратных миль.

Хотя население Германии вдвое меньше нашего, ее территория в 1937 году была лишь на одну шестнадцатую больше нашей, или примерно равна объединенной площади Мичигана, Индианы, Огайо и Пенсильвании. Поскольку нынешние потери Польши, России и Франции вычитают площадь, равную Пенсильвании, они означают, что 70 миллионов немцев теснятся на территории, не превышающей Мичиган, Индиану и Огайо.

Представьте себе попытку насильно переселить половину населения Соединенных Штатов в эти три штата с разрушенными городами, заводами, железными дорогами и другими производственными объектами!

В результате сжатие населения будет огромным. Мыслящие люди во Франции справедливо опасаются, что это приведет к новому нарушению их территории, вызванному миллионами отчаявшихся Немцев, которым грозит истребление из-за перенаселенности.

Дипломатии, которая создает такие пороховые бочки, не хватает государственной мудрости и человечности. Она имеет смысл только с точки зрения советских замыслов.

Массовые высылки немцев из других стран в сократившийся Рейх

Принудительное изгнание Немцев с потерянных Немецких территорий и из других мест Восточной Европы представляет собой одну из самых черных страниц истории. Потсдам дает свое разрешение, заявляя, что "необходимо будет осуществить перемещение в Германию Немецкого населения или его элементов, оставшихся в Польше, Чехословакии и Венгрии".

Однако он добавляет, что "любые перемещения, которые происходят, должны осуществляться упорядоченно и гуманно".

Жертвами этого указа стали около 15 миллионов человек: полмиллиона из Венгрии, почти три миллиона из Чехословакии, а большинство остальных - с Немецких территорий, захваченных Россией и Польшей.

Потсдам призывает аннулировать все Нацистские законы, которые устанавливали дискриминацию по расовому признаку, и заявляет: "Никакая подобная дискриминация, будь то юридическая,

административная или иная, не должна допускаться". Тем не менее, эти принудительные миграции Немецкого населения основаны на расовой дискриминации. Затрагиваемые люди - это в основном жены и дети простых крестьян, рабочих и ремесленников, чьи семьи веками жили в домах, из которых их теперь изгоняют, и единственным преступлением которых является их Немецкая кровь. Насколько "упорядоченным и гуманным" было их изгнание, теперь можно только догадываться.

Уинстон Черчилль не преувеличивал, когда, говоря о высылках примерно через три месяца после Дня Победы, он сообщил Палате Общин:

"Не исключено, что за железным занавесом, который сейчас разделяет Европу, разворачивается трагедия огромного масштаба." [4]

Консервативная газета "REVIEW OF WORLD AFFAIRS" приводит следующую цитату из конфиденциального меморандума, подготовленного выдающимся Европейским экономистом:

"С момента окончания войны в восточной Германии и юго-восточной Европе было убито около 3,000,000 человек, в основном женщины и дети, также пожилые люди; около 15,000,000 человек были депортированы или были вынуждены бежать из своих домов и находятся на дороге. Около 25% этих людей, более 3,000,000, погибли. Около 4.000.000 мужчин и женщин были депортированы в Восточную Европу и Россию в качестве рабов... Похоже, что уничтожение Немецкого населения Восточной Европы - не менее 15,000,000 человек - было запланировано в соответствии с решениями, принятыми в Ялте. Черчилль сказал Миколайчику, когда тот протестовал во время переговоров в Москве против принуждения Польши к включению восточной Германии: "Не обращайтесь внимания на пять или более

миллионов немцев. Сталин о них позаботится. Вы не будете иметь с ними хлопот: они перестанут существовать."[5]

Доктор Лоуренс Мейер, исполнительный секретарь Лютеранской церкви Синода Миссури, после поездки по Германии заявил:

"Около 16,000,000 Немецких беженцев к востоку от Одера депортируются из своих домов. По оценкам, уже 10,000,000 были изгнаны. Человеческая трагедия и страдания, вызванные этим "переселением народа", не имеют аналогов в истории. Голод, холод, болезни и смерть стали уделом миллионов людей. Ниже приводится достоверный отчет очевидца о физической нищете большинства беженцев:

"Большую баржу медленно буксируют по реке Одер. В ней, лежа на соломе, находятся 300 детей в возрасте от 2 до 14 лет. Во всей группе почти нет признаков жизни. Их впалые глаза, распухшие животы, колени и ступни - все это признаки голода. Это лишь авангард сотен тысяч - миллионов бездомных, разбитых, голодных, больных, беспомощных, безнадежных человеческих существ, бегущих на запад - к западу от рек Одер и Нейсе.

"Доверие к Богу - к его доброте и милосердию - вот единственная надежда Германии сегодня. И, слава Богу, во многих еще сохранилась вера в Бога, против которой врата ада тщетно штурмовали в течение последнего десятилетия."[6]

Описывая изгнания в Польше и Чехословакии, Российские офицеры заявили корреспондентам "Chicago Daily News":

"Поляки вычистили всех Немцев к западу от реки Одер, и теперь вся эта собственность - для любых поляков, которые хотят её получить.

"Чехи по-своему позаботились о Немцах в Судетской области - и это некрасиво. Они собирают их в кучу, только с тем, что они могут унести, и начинают их перемещение".

Вернувшись на свою должность профессора политологии в Мичиганском университете, после 14 месяцев работы в качестве директора офиса по координации деятельности региональных правительств AMG, доктор Джеймс К. Поллок в августе 1946 года заявил, что большинство из 2-1/4 миллионов изгнанных из Венгрии и Судетской области - это старухи и дети. Он сказал:

"Немцы, которых мы получаем, в основном из Судетской области или Немцы, чьи семьи жили в Венгрии около 500 лет. Они приходят в совершенно ужасном состоянии. Они даже забрали у женщин обручальные кольца перед отъездом. Во многих случаях у них нет никакой одежды, кроме той, которую они носят."[7]

Офицер звонил в дверь жертв и приказывал им покинуть свой дом в течение нескольких часов, разрешая взять с собой от 30 до 100 фунтов багажа, не содержащего ничего ценного, что могло бы помочь им начать новую жизнь в другом месте. Насильно оставленное имущество конфисковывалось государством. Найденные трудоспособные мужчины будут отправлены в рабство. Остальные должны были начать свой опасный путь в перенаселенную Германию без защиты закона, подвергаясь всем возможным издевательствам, включая грабежи, избиения, изнасилования и убийства.

Сообщение, отправленное в декабре 1945 года, рисует картину бедственного положения изгнанников в новой Польше, где сотни тысяч были изгнаны из своих домов и оставлены скитаться, где придется.

Бывшие Немецкие города, такие как Бреслау, описываются как почти обезлюдившие от Немцев, их место заняли поляки. Далее в сообщении говорится:

"Сотни тысяч людей в Польше постоянно находятся в движении, беспокойно ища место, где они могли бы заработать на жизнь на земле, охваченной войной. На каждой железнодорожной станции и перекрестке мужчины, женщины и дети ожидают транспорта. Скопления людей, почти скрытые под грузом посылок, банок и других остатков того, что, должно быть, было их домами, ждут вдоль дорог или во взорванных деревнях любого транспорта, который доставит их куда-нибудь еще. Жизнь с ее рождением и смертью продолжается даже в этих кочевых потоках, и повсюду вы видите женщин, ухаживающих за своими больными или кормящих младенцев." [8]

Сообщение очевидца о прибытии в Берлин поезда, вышедшего из Польши, на борту которого находилось около 1,000 беженцев, гласит:

"Девятьсот девять мужчин, женщин и детей вытащили себя и свой багаж из Российского железнодорожного поезда на станции Лехерте сегодня, после 11 дней пути в крытых вагонах из Польши.

"Солдаты Красной Армии подняли 91 труп с поезда, а родственники кричали и рыдали, когда их тела складывали в Американские грузовики по ленд-лизу и увозили для интернирования в яму рядом с концентрационным лагерем.

Поезд с беженцами был похож на мрачный Ноев ковчег. Каждый вагон был забит Немцами. . . Семьи несли все свое земное имущество в мешках, сумках и жестяных сундуках... Больше всего страдают кормящие младенцы, поскольку их матери не могут их кормить и часто сходят с ума, наблюдая, как их потомство медленно умирает на их

глазах. Сегодня четыре кричащие, яростно обезумевшие матери были связаны веревкой, чтобы они не могли царапать других пассажиров.

"Многие женщины пытаются унести с собой своих мертвых детей", - сказал сотрудник Российской железной дороги. Мы обыскиваем свертки всякий раз, когда обнаруживаем плачущую женщину, чтобы убедиться, что она не несет с собой труп младенца. "[9]

Корреспондент New York Daily News Дональд Маккензи также передает из Берлина:

"В продуваемом ветрами дворе Штеттинер Банхоф группа Немецких беженцев, часть от 12,000,000 до 19,000,000 человек, лишенных собственности в Восточной Пруссии и Силезии, сидела группами под проливным дождем и рассказывала о своем жалком паломничестве, во время которого более 25% умерли на обочине дороги, а остальные были настолько голодны, что едва хватало сил идти.

"Грязные, истощенные, несущие свои немногие оставшиеся пожитки, завернутые в куски ткани, они прятались, сгорбившись, когда кто-то приближался к ним в железнодорожном терминале, ожидая, что их изобьют, ограбят или еще что похуже. Это то, чего они привыкли ожидать.

"Медсестра из Штеттина, молодая, симпатичная блондинка, рассказала, как ее отца зарезали Русские солдаты, которые, изнасиловав ее мать и сестру, пытались ворваться в ее собственную комнату. Она сбежала и 4 дня пряталась в стоге сена с четырьмя другими женщинами...

"В поезде до Берлина она была разграблена один раз Русскими войсками и дважды поляками... По ее словам, женщин, которые сопротивлялись, убивали выстрелами, а однажды она видела, как

охранник взял младенца за ноги и разможил его череп о столб, потому что ребенок плакал, пока охранник насиловал его мать.

"Один старый крестьянин из Силезии рассказал... у жертв отбирали все, что у них было, даже обувь. У младенцев отбирали пеленки, чтобы они замерзли до смерти. Все здоровые девушки и женщины, даже 65-летние, были изнасилованы в поезде, а затем ограблены, сказал крестьянин." [10]

Прецедент этих бесчеловечных высылков был создан задолго до Потсдама в Румынии, где, согласно дипломатическому отчету из Бухареста, 520,000 Румынских граждан Немецкого происхождения, мужчин в возрасте от 17 до 45 лет и женщин от 18 до 30 лет, были собраны как рабы и депортированы в Советскую Россию. В документе говорилось, что "были душераздирающие сцены, и многие предпочли самоубийство неизвестной судьбе в Советской России." [11]

Соединенные Штаты внесли свой непосредственный вклад, изгнав более 16,000 человек Немецкого происхождения из Латиноамериканских стран, получив на это разрешение путем различного рода давления из Вашингтона, выдав их без суда и следствия в эту страну, держа их здесь в концентрационных лагерях без права общения и суда, и, наконец, депортировав их из этого полушария, где многие из них были обращены в рабство Англией и Францией. [12]

Эти массовые изгнания коренного населения столь же предосудительны, как и все, в чем обвиняют Нацистов, и вызвали глубокое недовольство среди всех классов Немцев. Если бы Америка сохранила свои юбки чистыми, и особенно если бы она осудила их, как ей следовало бы сделать, уважение Немцев к нам резко возросло бы. При нынешнем положении дел Немцы винят нас почти так же, как

Русских и Поляков. Наши руки тоже запятнаны кровью миллионов невинных жертв этой дикой, совершенно неамериканской программы.

Помимо моральных аспектов вопроса, сброс всех этих миллионов экспроприированных, беспомощных людей в то, что осталось от разрушенной Германии, нагромождает хаос на хаос и помогает превратить весь немецкий народ в один огромный Бельзен или Бухенвальд.

ИСТОЧНИКИ:

1. Karl Brandt, "The Rehabilitation of Germany," address Oct. 11, 1944, Chicago Council of Foreign Relations.
2. Brought out by U.S. Secretary of State Byrnes in speech at Stuttgart, Germany, Sept. 6, 1946.
3. Hal Foust, Berlin, July 14, 1946, Chicago Tribune Press Service.
4. August 16, 1945, as reported by E.R. Noderer, Chicago Tribune Press Service.
5. Quoted by Sen. Homer Capehart in speech before U.S. Senate, Feb. 5, 1946.
6. Same source as No. 5.
7. Statement to press conference August 22, 1946, in Washington, D.C., as reported by John Fisher, Chicago Tribune Press Service.
8. Chicago Tribune Press Service, Stockholm, Sweden, Dec. 13, 1945.
9. Henry Wales, Berlin, Nov. 18, 1945, Chicago Tribune Press Service.
10. Congressional Record, Dec. 4, 1945, p. 11554, and New York Daily News, October 8, 1945.
11. Chicago Herald American, April 1, 1945, p. 16.
12. Chicago Daily Tribune, March 14, 1946.

Глава III:

РАЗРУШЕНИЕ СТОЛПА ТРУДА

Порабощение

Атаки союзников против Немецкой рабочей силы проходили по трем основным направлениям: порабощение, денацификация и физическое ослабление вследствие недоедания. Мы рассмотрим первые два из них, а голодание отложим для особого рассмотрения.

Президент Рузвельт 21 октября 1944 года пообещал, что "Немецкий народ не будет порабощен, потому что Организация Объединенных Наций не торгует человеческим рабством". Однако в предыдущем месяце в Квебеке он использовал сильное давление, чтобы добиться от Черчилля принятия плана Morgenthau, который призывал к "принудительному Немецкому труду за пределами Германии". Писатель "Правды" Борис Изаков писал, что когда в феврале следующего года в Ялте было выдвинуто предложение заставить Немецких рабочих восстанавливать разрушенные войной районы, "президент Рузвельт назвал это здоровой идеей"[1] Именно на этой встрече Рузвельт настаивал на плане Morgenthau и получил зловеще готовое согласие Сталина.

Хотя в Потсдаме было вновь торжественно обещано, что "в намерения союзников не входит... порабощение Немецкого народа", тысячи Немцев уже были отправлены на восток в зияющие рабские лагеря России. Более чем за месяц до этого, 29 июня 1945 года, было опубликовано следующее:

"Число Немецких пленных в руках Русских оценивается от четырех до пяти миллионов. Когда Берлин и Бреслау капитулировали, длинные

серо-зеленые колонны пленных были отправлены на восток. ...угрюмые и испуганные... к огромным складам под Ленинградом, Москвой, Минском, Сталинградом, Киевом, Харьковом и Севастополем. Все здоровые мужчины проходили по 22 мили в день. Те, кто был физически неполноценным, шли на ручных тележках или повозках, запряженных запасными животными. . Их заставят восстанавливать Русские города и села, которые они разрушили. Они не вернутся домой, пока работа не будет завершена."[2]

Уже давно не секрет, что Россия содержит под руководством НКВД (тайной полиции) огромную армию Русских рабов, численность которой колеблется в пределах 10-20 миллионов человек, в основном набранных как "политические неблагонадежные."[3] Наличие и важность этой огромной армии рабов объясняет, среди прочего, прибыльность и частоту многочисленных "чисток" в Советской России: они в первую очередь являются инструментом для сбора заключенных для обращения в рабство. Поэтому неудивительно, что Советский Союз ухватился за возможность поработить миллионы гражданских лиц и солдат побежденного противника и, чтобы избежать особой критики, побудить своих союзников сделать то же самое. Когда стало известно, что Советы заставляют Немецкий гражданский персонал работать на заводах, вывозимых в Россию, Великобритания и Соединенные Штаты выразили протест. В ответ Русские предъявили подписанное генералом Эйзенхауэром годом ранее постановление, согласно которому Немецкие власти должны осуществить любые меры по реституции, восстановлению, реставрации, репарациям, реконструкции, помощи или реабилитации, которые могут предписать представители союзников, для чего немцы должны "предоставить такие транспортные средства, оборудование и материалы всех видов, рабочую силу, персонал, специалистов и другие услуги для использования в Германии или в

других местах, какие могут предписать представители союзников". Поскольку документ не требовал согласия четырех стран, Русским он разрешал действовать в одностороннем порядке. После его подготовки Великобритания и США были вынуждены отозвать свои протесты.

Несколько искалеченных и больных Немцев, переживших это испытание, были возвращены из Российских лагерей для рабов в Берлин, где Американские корреспонденты получили информацию о происходящем из первых рук. Девушки из Немецкого Красного Креста отправились в 9 часов утра 10 сентября 1946 года встречать 20-вагонный поезд с возвращающимися подневольными работниками. Когда запечатанные вагоны открыли вооруженные охранники, ехавшие сверху, девушек встретили худые, с покрытыми струпьями лицами мужчины в лохмотьях, просящие воды или истерично взывающие о помощи в выносе мертвых. Профессиональная медсестра рассказала эту историю:

"Они находились в поезде почти неделю, проехав около 60 миль от Франкфурта-на-Одере. Были случаи смерти от голода, не от голода только во время поездки, а от тягот путешествия после месяцев недоедания в Русских трудовых лагерях. Почти все из 800 или 900 человек в поезде были больны или калеки. Можно сказать, что все они были инвалидами. В каждом из этих маленьких вагонов было по 40-50 человек, и больным пришлось спать рядом с мертвыми на обратном пути. Я не считал их, но уверен, что мы вывезли более 25 трупов. Других нужно было доставить в больницы. Я спросил нескольких мужчин, сделали ли Русские охранники или врачи что-нибудь для ухода за больными во время поездки. Они ответили: "Нет".

"На участке я встретил только одного бодрого, здорового мужчину, и с тех пор я его больше не видел. Это был паренек лет 17-ти. Он

рассказал мне, что заключенных, отправляющихся из Российских лагерей в Германию, обыскивают, чтобы никто не смог пронести почту для своих товарищей. Поэтому, когда одному из них ставят диагноз "безнадежный инвалид", в ожидании выписки он запоминает имена и адреса родственников, которым он может сообщить о своих товарищах. Он сказал, что только заключенные, пользующиеся особым расположением, могут отправлять открытки своим ближайшим родственникам. Этот 17-летний парень запомнил 80 имен и адресов в Берлине родственников своих друзей-заключенных. Здания по большинству адресов он нашел в развалинах, местонахождение прежних жильцов неизвестно, но за первые шесть дней пребывания в Берлине он посетил все 80 адресов."[4]

Ежедневный рацион в Российских лагерях для рабов - это суп и лекции о славе Коммунизма и пороках западной демократии. Малейшее неповиновение карается такой тяжелой работой, что треть провинившихся умирает в течение трех недель от истощения. Десятая часть рабов умерла в течение первого года, по словам тех, кто вернулся. [5]

Если заключенные, освобожденные Русскими как непригодные для дальнейшего принудительного труда, выздоравливают, их снова подвергают давлению и отправляют обратно.[6] Более того, освобожденных нами трудоспособных немцев, которые вернулись в свои прежние дома в Российской зоне, Русские арестовывают и отправляют в Советский Союз для порабощения под предлогом того, что они стали "политически ненадежными" из-за воздействия Британского или Американского влияния.[7] Отказ освобожденных заключенных вернуться в Российскую зону создал серьезную проблему, которую Франция попыталась решить, разрешив этим людям остаться во Франции в качестве особого класса граждан.

Когда война закончилась, мы имели решающее преимущество перед Русскими в Немецком уважении. Зная о варварском обращении НКВД с рабами, Немецкие солдаты делали все возможное, чтобы не попасть в руки Красной Армии, предпочитая вместо этого сдаваться в плен Англичанам или Американцам. Немецкие пленные, которые должны были быть переданы Русским, часто кончали жизнь самоубийством или пытались обездвижить себя, резали свое тело ножами, бритвами или осколками стекла.[8] Однако постоянные сообщения, поступающие из России, говорят о большом количестве Немецких пленных, вступающих в Красную Армию после индоктринации в Коммунизме, и оправдывают опасения, что в конечном итоге огромная Немецкая армия пленных в России может быть успешно преобразована в мощную военную силу, которая когда-нибудь может быть обращена против Запада.[9]

По данным Международного Красного Креста, в августе 1946 года Франция имела 680,000 бывших Немецких солдат, работавших на нее. 475,000 из них были захвачены Соединенными Штатами и позже переданы Французам для принудительного труда.[10] Обращение Франции с ее рабами вызывает отвращение у цивилизованного сознания. В статье, озаглавленной "Мы не должны уподобляться им", FIGARO рассказывает:

"В некоторых лагерях для Немецких военнопленных... можно увидеть живые скелеты, почти такие же, как в Немецких концентрационных лагерях, и смерти от недоедания многочисленны". Мы узнаем, что пленных жестоко и систематически избивали, что некоторых из них использовали для извлечения мин без средств защиты, так что они были обречены рано или поздно умереть.

"Люди, конечно, будут указывать на пытки гестапо, газовые камеры и горы человеческих тел, найденных в лагерях для интернированных в Германии. Но эти ужасы не должны становиться темой спортивных соревнований, в которых мы стремимся превзойти Нацистов... Мы должны судить врага, но мы обязаны не уподобляться ему." [11]

Собирая факты из многочисленных достоверных источников, Луи Клер пишет в "THE PROGRESSIVE" об "ужасных условиях во Французских лагерях для Немецких военнопленных". Он говорит:

"В лагере в районе Сарта, рассчитанном на 20,000 заключенных, заключенные получают 900 калорий в день; поэтому каждый день в больнице умирают 12 человек. От четырех до пяти тысяч не могут больше работать. Недавно в лагерь прибыли поезда с новыми заключенными: несколько заключенных умерли во время поездки, еще несколько пытались остаться в живых, поедая уголь, лежавший в товарном поезде, на котором они приехали. "В лагере в Орлеане комендант получал 16 франков в день на голову или заключенного для покупки еды, но он тратил только 9 франков, так что заключенные голодали. В районе Шаранты из 12,000 заключенных лагеря 2,500 больны. Молодой Французский солдат пишет своему другу, только что вернувшемуся из Нацистского лагеря:

"Я смотрю на тех, кто заставил вас так страдать, умирать от голода, спать на холодных цементных полах, никак не защищенных от дождя и ветра. Я вижу детей 19 лет, которые умоляют меня выдать им справки о том, что они достаточно здоровы, чтобы вступить во Французский иностранный легион... Да, я, который так ненавидел их, сегодня могу только жалеть их."

"Свидетель сообщает о лагере в Лангре: "Я видел, как их избивали прикладами и пинали ногами на улицах города, потому что они ломались

от переутомления. Двое или трое из них умирают от истощения каждую неделю".

"В другом лагере под Лангром 700 заключенных медленно умирают от голода; у них почти нет одеял и недостаточно соломы для сна; в лагере свирепствует эпидемия тифа, которая уже распространилась на соседнюю деревню. В другом лагере заключенные получают только одну порцию еды в день, но от них требуют, чтобы они продолжали работать. В другом месте за последнее время умерло так много людей, что место на кладбище было исчерпано, и пришлось построить еще одно кладбище.

"В лагере, где заключенные работают на разминировании, регулярные поставки продовольствия происходят только каждый второй день, так что "заключенные готовят себе суп из травы и каких-то украденных овощей". Все заключенные этого лагеря заболели туберкулезом. Здесь и в других местах обращение ничем не отличается от жестокости Нацистских СС. Известно много случаев, когда мужчин избивали так жестоко, что у них ломались конечности. В одном лагере мужчин будили ночью, они выползали из бараков, а затем расстреливали "за попытку побега."

"Есть письменные показания под присягой, доказывающие, что в некоторых лагерях командиры продавали на черном рынке все припасы, которые были предоставлены властями Американской армии; есть другие показания под присягой, в которых говорится, что заключенных заставляли снимать обувь и бегать в перчатках. И так далее, и так далее... Таковы факты."[12]

После того как мы доставили первые 320,000 пленных, Французы вернули нам 2,474 из них, заявив, что мы дали им слабаков. Корреспонденты описывали их как "нищую армию бледных, худых

людей, одетых в лохмотья, зараженные паразитами". Все они были признаны непригодными к работе - три четверти из них из-за недоедания, - а 19% пришлось госпитализировать. Фотограф Associated Press Генри Гриффин, который снимал трупы, сваленные в кучу во всех Немецких концентрационных лагерях, включая Бухенвальд и Дахау, сказал об этих людях: "Единственная разница, которую я вижу между этими людьми и теми трупами, заключается в том, что здесь они еще дышат." [13]

Попросив провести расследование, Красный Крест сообщил, что заключенные подвергаются бесчеловечному обращению. На нашу угрозу прекратить дальнейшие поставки Французы заявили, что они должны получить больше заключенных или понести большие финансовые потери. Затем выяснилось, что Французское правительство нанимало этих людей Французским работодателям, за что получало обычную профсоюзную зарплату, в среднем 150 франков в день на человека. Из этой суммы правительство платило каждому заключенному 10 франков и оплачивало ежедневные расходы на их содержание, возможно, еще 40 франков, оставляя чистую ежедневную прибыль в размере 100 франков на раба. Таким образом, в совокупности Французское правительство получало от своих Немецких рабов прибыль в размере более 50 миллиардов франков в год! [14] Неудивительно, что оно расстроилось, когда мы пригрозили прекратить их передачу.

Когда мы возобновили поставки, мы старались убедиться, что заключенные находятся в удовлетворительном физическом состоянии. Мужчин выстраивали в ряд и осматривали, открывали рты и осматривали их, простукивали грудную клетку, прощупывали суставы, осматривали глаза, уши и зубы, как будто это были лошади, выставленные на продажу. Военнослужащие наблюдавшие за этим

зрелищем, услышали, как они заметили: "Ну и ну! Надеюсь, мы никогда не проиграем войну."

Летом 1946 года наметилось обнадеживающее событие, которое могло положить конец работоторговле во Франции. Оно началось с того, что недавно прибывшие из Американских лагерей для военнопленных заключенные не только отказались работать на Французских угольных шахтах, но и убедили уже находившихся там заключенных последовать их примеру.[15] Через месяц некоторые из заключенных были освобождены и затем наняты на работу за полную профсоюзную зарплату, откровенно говоря, в качестве меры по увеличению производства.[16] Этот опыт доказывает, что в современном мире, по крайней мере, свободные люди производят более обильно и выгодно, чем порабощенные.

5 декабря 1946 года было объявлено, что Американское правительство потребовало репатриации к 1 октября 1947 года 674,000 Немецких военнопленных, переданных им Франции, Бельгии, Нидерландам и Люксембургу. Франция согласилась освободить 620,000 из этого числа, но не дала определенного обещания о том, когда они будут освобождены. Французское правительство также сообщило, что Соединенные Штаты в меморандуме от 21 декабря 1945 года прямо указали, что Немцы, захваченные Американской армией и переданные Франции, являются движимым имуществом, которое будет использоваться неограниченное время для принудительного труда в качестве части военных репараций Франции от Германии. Тем временем в прессе продолжали появляться сообщения о том, что условия во Французских лагерях для рабов оставались такими же плохими или даже хуже, чем раньше - голодные рационы, слабая защита от стихии и болезней, грязные, кишасщие паразитами помещения.

Великобритания в августе 1946 года, по данным Международного Красного Креста, имела 460,000 Немецких пленных, которые работали на нее,[17] и, как и в случае с Францией, приносили военному министерству неплохую прибыль. При отправке из наших портов пленным давали понять, что их отправляют домой; когда по прибытии в Британские или Французские порты они узнавали, что им предстоит неопределенное время работать в качестве рабов, они становились угрюмыми. Как сказал один Британский офицер: "Нам требуется несколько недель, чтобы привести их в порядок, где они будут усердно работать."[18]

Один Британский подрядчик, нанимавший Немецких рабов для квалифицированной работы, как сообщается, заметил:

"Когда видишь, как хорошо они все делают и как ужасно наше собственное Министерство работ - мы называем это министерство О.Х., сокращенно от организованной хаос - все портит, поневоле задумаешься, как мы вообще выиграла войну."[19]

Среди прочих проектов, заключенных заставили построить в Кенсингтонских садах лагерь для празднования победы Великобритании, чтобы разместить 24,000 солдат империи, которые маршировали на параде в честь Дня Победы империи. Один бригадир заметил: "Я полагаю, что Джерри готовятся праздновать свое собственное падение. Правда, кажется, что это немного толстовато."[20]

Британское правительство ежегодно получает более \$250,000,000 от своих рабов. Правительство, которое откровенно называет себя "владельцем" заключенных, сдает их в наем любому работодателю, нуждающемуся в людях, взимая за такую работу обычную плату - обычно от 15 до 20 долларов в неделю. Он платит рабам от 10 до 20 центов в день, в зависимости от характера требуемой работы, плюс

такие "удобства", которые рабы обычно получали в былые времена рабства в виде одежды, еды и крова.[21] Заключенным никогда не платят наличными, но дают кредиты, либо в виде ваучеров на обмен товаров в лагере, либо в счет времени, когда они будут освобождены. В марте 1946 года 140,000 заключенных работали на фермах, за что правительство получало 14 долларов в неделю с каждого заключенного, 24,000 - на строительстве жилья и ликвидации последствий взрывов, 22,000 - на железных дорогах, в основном в качестве рабочих, а остальные - на случайных работах, таких как выкапывание сорняков из реки Темзы или работа в качестве прислуги для невест военнослужащих, ожидающих отправки в Америку.[22]

Согласно разоблачениям членов Британской Палаты общин, около 130,000 бывших Немецких офицеров и мужчин содержались зимой 1945-46 годов в Британских лагерях в Бельгии в условиях, которые Британские офицеры охарактеризовали как: "Не намного лучше, чем в Бельзене". Заключенные жили всю зиму в палатках и спали на голой земле под одним одеялом. Они говорят, что их плохо кормят, а охранники избивают и пинают их. У многих нет нижнего белья и ботинок. [23]

Летом 1946 года все большее число заключенных бежало из Британских лагерей для рабов с помощью Британских гражданских лиц. Рассказы о погонях военной полиции напоминают преследования беглецов-негров до Гражданской войны.[24] К середине сентября возмущение общественности достигло такого накала, что Британское военное министерство объявило о планах освобождения 15,000 рабов в месяц, причем предпочтение будет отдаваться тем, кто проявит "истинно демократические" убеждения. Офицеры армии и важные Нацисты не будут репатриированы в соответствии с этим планом. Однако были даны обещания улучшить условия содержания в лагерях.[25]

Официальный отчет Международного Красного Креста в августе 1946 года показал, что наше собственное правительство, через свой военный филиал в Немецкой зоне, требовало принудительного труда от 284,000 пленных, 140,000 из них в оккупационной зоне, 100,000 во Франции, 30,000 в Италии и 14,000 в Бельгии.[26]

В других странах, по данным Красного Креста, количество рабов составляло: Югославия 80,000; Бельгия 48,000; Чехословакия 45,000; Люксембург 4,000; Голландия 1,300.[27]

Держать эти миллионы Немцев вдали от их семей - это прямое нападение на Немецкий дом и семью, и в этом отношении оно служит только Коммунизму. Тем не менее, узы, связывающие мужчин с их близкими, остаются крепкими. Сообщение из Женевы рассказывает трогательную историю.

"Сотни тонн посылок, отправленных Немецкими военнопленными в лагерях США родственникам в Рейхе через Международный Красный Крест за последние три года, переполняют здешние склады. Женевская организация не может переслать их, потому что в Германии нет центрального отделения Красного Креста. Другие сотни тонн хранятся в Нью-Йорке в ожидании решения проблемы.

"Содержимое пакетов рассказывает печальную историю, - говорит полковник Т.Ф. Весселс, начальник штаба Американской армии во Франкфурте, Германия. В основном там деревянные игрушки, сделанные пленными вручную, чтобы отправить их детям, и даже обувь ручной работы для их жен и матерей". Многие пленные Немцы воздерживались от курения и посылали свои сигареты и конфеты. Многие присылали книги об Американской жизни."[28]

Британские чиновники пытаются оправдать рабство на том основании, что эти люди являются военнопленными и что в этом

качестве они могут быть принуждены к работе в соответствии с правилами Женевской конвенции. Утверждается, что война юридически еще не закончена, что пленные все еще являются солдатами Германского правительства, и что когда они вернутся в Германию, Германское правительство будет обязано выдать им их зарплату, накопленную как солдатам и пленным. Этот аргумент основывается на предположении, что существует Немецкое правительство. Но они также утверждают, что репатриация пленных не может состояться, как того требует Женевская конвенция, как только закончатся военные действия, потому что с Германией не было подписано перемирия или мирного договора, и что в настоящее время они не могут быть подписаны, потому что нет Немецкого правительства.

Подобным двуличием они оправдывают кормление заключенных пайками, значительно ниже армейских стандартов, под предлогом того, что Женевская конвенция, требующая стандартного армейского пайка, утратила силу после Второй мировой войны; однако, когда представители прессы просят осмотреть лагеря заключенных, Британцы громко отказываются, оправдываясь тем, что Женевская конвенция запрещает такие посещения лагерей военнопленных.[29]

Международный Красный Крест, высший авторитет в этом вопросе, решительно осуждает рабовладельческий строй. Как сообщается из Женевы:

"Соединенные Штаты, Великобритания и Франция, спустя почти год после заключения мира, нарушают соглашения Международного Красного Креста, которые они торжественно подписали в 1929 году. "Расследование, проведенное сегодня в Женевской штаб-квартире, показало, что передача Немецких военнопленных, захваченных Американской армией, Французским и Британским властям для

принудительного труда нигде не разрешена уставом Международного Красного Креста, который является высшим органом по этому вопросу в мире.

"Хотя тысячи бывших Немецких солдат используются на опасной работе по разминированию минных полей, тралению морских мин, уничтожению излишков боеприпасов и снос разрушенных зданий, Женевская конвенция прямо запрещает использовать пленных "на любой опасной работе или в перевозке любых материалов, используемых в военных действиях."

"Россия отказалась участвовать в конференции Международного Красного Креста 1929 года, а Япония так и не ратифицировала эту конвенцию, поэтому ни Москва, ни Токио не были связаны положениями, регулирующими положение военнопленных.

"Американская передача Немецких пленных Французам и Британцам для принудительного труда уже приводится Русскими в качестве оправдания того, что они будут удерживать пленных Немецкой армии до тех пор, пока они будут способны работать", - признал представитель Международного Красного Креста. Обмен пленных вражеских солдат победителями отбрасывает мир в темные века - когда феодальные бароны совершали набеги на соседние герцогства, чтобы пополнить свой живой людской запас." [30]

Наблюдатель Красного Креста осуждает порабощение такими словами:

"Это незаконная система и дурной прецедент, потому что она широко открыта для злоупотреблений, а ответственность за них трудно установить". Немецкие солдаты не были каторжниками по общему праву - они были призваны воевать в национальную армию по патриотическим соображениям и не могли отказаться от военной службы в большей

степени, чем Американцы. Явно несправедливо покупать и продавать их по политическим причинам, как столетие назад Африканских Негров"[31]

Кроме того, следует подчеркнуть, что многие из рабов никогда не были немецкими солдатами. Многие из них были гражданскими Немцами, содержащимися в Америке во время войны, включая моряков, захваченных до нашего вступления в войну, бывших законных жителей США и лиц, насильно привезенных сюда из Латинской Америки за прогерманские настроения. Даже антинацистски настроенные Немцы, которые добровольно вернулись в Германию из Америки, чтобы помочь военному правительству восстановить разрушенные страны и помочь семьям и друзьям в крайней нужде, были захвачены в рабство.[32]

В резком контрасте с нашим обращением с немецкими военнопленными было обращение Германии с американскими военнопленными. Аллан Вуд, фронтовой корреспондент Лондонской газеты "Экспресс", подводя итоги обращения Германии со своими пленными, сказал:

"Самое удивительное в зверствах этой войны то, что их было так мало. Я сталкивался с редкими случаями, когда Немцы обращались с пленными не по правилам, и уважали Красный Крест."[33]

Лейтенант Ньютон Л. Маргилес, Помощник судьи-защитника казарм Джефферсона, сказал в Сент-Луисе, штат Миссури, 27 апреля 1945 года:

"Немцы даже в самые тяжелые моменты своего отчаяния в большинстве случаев подчинялись Конвенции. Правда, были зверства на линии фронта - страсти там кипели нешуточные - но это были инциденты, а не практика; и недобросовестное управление их американскими тюремными лагерями было очень редким явлением."[34]

Начальник штаба генерал Джордж Маршалл 5 января 1945 года, написал Национальному Командующему Американского Легиона:

"Наше обращение с ними" (военнопленными) "регулируется Женевской конвенцией, которая, среди прочих положений, требует, чтобы они получали пайки, равные по качеству и количеству пайкам Американских войск в базовых лагерях в этой стране. Это делается в соответствии с договорными обязательствами, и наши солдаты, находящиеся в руках Германии, получают в целом взаимное обращение." [35]

Американский Красный Крест в 1945 году официально сообщил, что "99% Американских военнопленных в Германии выжили и находятся на пути домой."

Обращение Германии с Российскими военнопленными было наравне с обращением России с Немецкими военнопленными. Поскольку Россия не подписала Женевскую конвенцию, ни она, ни Германия не были связаны ее положениями. И следует помнить, что зверства в Немецких концентрационных лагерях не касались военнопленных, но люди, которые должны были быть Немцами, люди, которые сейчас с гордостью признаются тем, кто выжил, что они были членами Немецкого подполья, диверсантами, делающими все возможное, чтобы помешать Немецким военным усилиям и нанести им поражение. Обращение с ними, хотя оно было прискорбным и бесчеловечным в высшей степени, стоит на одном уровне с обращением России со своими политическими заключенными. Если одно должно быть осуждено, то и другое должно быть осуждено, если мы хотим справедливости. В противном случае мы виновны в дискриминации по рангу: осуждая преступление, совершенное одним, мы потворствуем или не замечаем его, когда его совершает другой. Если мы действительно

ведем эту войну, чтобы остановить подобные вещи, война не закончится, пока не будут освобождены узники Российских лагерей для рабов. Если мы вели войну стоимостью в полтриллиона долларов только для того, чтобы освободить тех, кто находился в Немецких лагерях, но не освободить тех, кто находился в Российских лагерях, то нам следует объяснить это.

В любом случае, мы должны спросить себя, что бы мы делали, если бы мы вступили в войну, скажем, с Россией, и были бы осаждены изнутри "подпольным" движением саботирующих коммунистов-пятиколонников.

Была предпринята попытка оправдать порабощение простых жителей Германии на том основании, что Нацистское правительство требовало принудительного труда от иностранных рабочих. Это правда, что Рейх имел миллионы импортированных рабочих, но также правда и то, что, за исключением особых случаев, таких как военнопленные, подпадающие под Женевскую конвенцию, им в большинстве своем хорошо платили и кормили.

Доктор Джеймс К. Поллок, в течение 14 месяцев работавший в AMG [Американское Военное Правительство], сказал о "принудительных рабочих" Германии: "Я думаю, что некоторые из них оказались в лучшем положении, чем когда-либо в своей жизни." [36] Масса свидетельств доказывает, что это правда и что военная пропаганда союзников была сильно преувеличена. Кроме того, не может быть оправдания для наказания рядовых граждан любой страны за грехи ее политических лидеров.

В июле 1946 года Макс Х. Форестер, начальник отдела угля и горной промышленности AMG, на вопрос: "Что сделали Немцы для получения эффективного производства на принудительных работах, чего

мы не можем сделать с Немцами, работающими на шахтах?" ответил: "Они кормили своих помощников и кормили их хорошо." [37]

Американская федерация труда летом 1946 года решительно выступила против рабовладельческого строя как фундаментальной угрозы свободному труду во всем мире. Обратив внимание на тарифные законы, которые запрещают импорт из иностранных государств товаров, произведенных полностью или частично каторжным, принудительным, подневольным или любым другим видом недобровольного труда, [38] представитель AF of L Герберт Тэтчер в своем радиообращении предупредил, что система рабского труда может снизить уровень торговли и производства до уровня, который может привести к новой войне. Условия рабского труда в Британии, Франции и России, сказал он, "угрожают миру во всем мире и разрушают мировую торговлю." - "Поэтому Американская федерация труда, - сказал он в заключение, - призывает правительство Соединенных Штатов предложить Организации Объединенных Наций, чтобы все страны-члены отказались от использования принудительного труда и согласились исключить продукты принудительного труда из мировой торговли." [39]

По возвращении с процесса в Нюрнберге судья Джексон, занимавший пост главного прокурора США, доложил президенту Трумэну, что Немецких промышленников и финансистов можно судить "по таким конкретным обвинениям, как использование рабского труда". Далее он сказал:

"Мы провели переговоры и заключили соглашение с четырьмя доминирующими державами Земли, которое впервые сделало явным и недвусмысленным то, что до этого, как заявил трибунал, подразумевалось в международном праве, а именно, что ...порабощение или депортация гражданского населения является международным

преступлением и что за совершение таких преступлений отдельные лица несут ответственность."[40]

Уиллис Смит из Роли, штат Северная Каролина, президент Американской Ассоциации Адвокатов, защищая приговоры в Нюрнберге, сказал:

"Настало время, когда люди, отдающие приказы о совершении преступных действий, сами должны быть объявлены преступниками. С каких пор убийства, депортации и рабский труд не являются преступлениями?"[41]

Денацификация

Германия при Гитлере управлялась единой Национал-Социалистической Немецкой рабочей партией, а все остальные партии были объявлены вне закона. В этом отношении система была похожа на систему Коммунистов России, которые после государственного переворота 1917 года навязали Российскому народу однопартийную систему и рассматривали все инакомыслящие политические взгляды как измену.

Отвергая парламентаризм, Нацисты следовали тому, что они называли принципом лидерства. Главный лидер или "Фюрер" осуществлял верховную власть; под его руководством нисходящие слои подчиненных лидеров веером распространялись по всем ветвям общества, чтобы поставить всю Немецкую нацию под централизованный партийный контроль.

После прихода к власти руководители всех слоев общества сочли необходимым или целесообразным вступить в партию или в одну или несколько связанных с ней организаций. Среди 7,500,000 членов партии были почти все государственные служащие, профессионалы, ученые,

техники, профессора, учителя, писатели и бизнесмены, которых принимали в ряды "фюреров" бизнеса и заставляли под угрозой суровых наказаний, таких как конфискация имущества, подчиняться политике и мандатам партии. Белые воротнички, ремесленники и технические работники должны были встать в очередь, чтобы получить право на продвижение по службе. Членство в партии быстро росло во время войны и в период высокой напряженности, непосредственно предшествовавший ей. Партия и нация стали настолько тесно отождествляться, что вступление в партию означало проявление патриотизма, а отказ - наказание за нелояльность. Короче говоря, почти каждый житель Германии, обладавший мозгами, навыками и способностями к управлению, принадлежал к Нацистской партии или одной из ее аффилированных организаций и подчинялся ее приказам.

Возложив всю вину за войну на Германию и, следовательно, на Нацистскую партию, объявив войну агрессией и поставив агрессию вне закона как преступление против человечества, завоеватели Германии осудили Нацистскую партию, ее филиалы и миллионы ее членов как преступников. Наказание, вынесенное в Потсдаме, если бы оно было выполнено в точности, означало бы фактическую ликвидацию среднего и высшего классов Германии.

Всеобъемлющая дискриминация основывается на нестабильной основе, как это видно из Потсдамских декретов о денацификации. На одном дыхании они предписывают отменить любую "дискриминацию по признаку... политических убеждений"; но уже на следующем дыхании они окончательно распускают Нацистскую партию и связанные с ней организации и учреждения, запрещают пропаганду Нацистских политических убеждений, не идентифицируя их в частности, и призывают к суровому наказанию всех Нацистов просто за то, что они Нацисты.

Потсдам предписывает, что "Нацистские лидеры, влиятельные сторонники Нацизма и высокопоставленные должностные лица Нацистских организаций и учреждений ... должны быть арестованы и интернированы", а все малочисленные Нацисты "должны быть отстранены от государственных и полугосударственных должностей и бывших ответственных постов в частных предприятиях".

Пытаясь выполнить эти необычные указы, которые рассматривались как приказ о чистке "вышвырнуть негодяев вон," Американское военное правительство издало "Закон номер восемь" о денацификации бизнеса и различные указы об обязательном удалении, точные положения которых были военной тайной, чтобы очистить правительство от всех Нацистов. В нашей зоне пострадало около 3,000,000 Немецких мужчин из общего населения в 16,682,000 человек. Наши оккупационные власти посадили в тюрьму 75,000 и выделили еще 80,000 невозвращенных военнопленных для интернирования за то, что они были важными Нацистами; сместили более 100,000 с государственных должностей; и лишили бизнес управленческих и технических талантов, уволив и понизив в должности сотни тысяч других."[42]

Другими словами, мы решили разрушить жизнь и репутацию трех миллионов человек только в нашей зоне, потому что, по их мнению, они совершили "политическую ошибку". В результате Немцы боятся причислять себя к какой-либо политической партии или выражать какие-либо политические взгляды, опасаясь, что впоследствии их накажут так же, как сейчас наказывают Нацистов.

Самое главное, зона и ее население были лишены экономических выгод, которые могли бы быть получены, если бы этим людям разрешили выполнять работу, которую они способны выполнять только

благодаря своему таланту, обучению и опыту. Помещение наиболее продуктивных мужчин зоны в бригады с кирками и лопатами и заполнение их мест неспособными было одной из главных причин, способствующих экономическому параличу зоны.

Наши оккупационные власти столкнулись с двумя противоположными мандатами, которые часто ставили их перед необходимостью работать в противоположных целях. В Потсдаме им было приказано обеспечить достаточное количество продукции для удовлетворения потребностей оккупационных войск и "перемещенных лиц", при этом оставалось достаточно, "чтобы Немецкий народ мог прожить без внешней помощи". В попытке выполнить этот мандат некоторые из наших зональных властей, например, могли бы с небольшим успехом прочесывать зону в поисках обученного персонала для управления недостроенной железнодорожной системой. Но в то же время некоторые другие наши власти, пытаясь обеспечить выполнение декретов о денацификации, опережали других, вылавливая и сажая в тюрьму железнодорожников и машинистов паровозов, потому что они были Нацистами.

Администрирование декретов о денацификации оказалось задачей запредельного масштаба. Ограниченный персонал AMG оказался не в состоянии обеспечить надлежащую регистрацию трех миллионов Нацистов, заполнение их анкет и составление соответствующих досье. Также невозможно было должным образом провести индивидуальные судебные процессы и слушания для такого количества людей, особенно когда каждая ошибка усугубляла растущую волну Немецкого негодования.

Опасаясь организованного сопротивления, мы провели в стиле гестапо один из величайших массовых рейдов в истории. Нанеся удар на

рассвете без предупреждения, наши войска остановили каждый автомобиль в нашей зоне, проверили документы у гражданских лиц и солдат и прочесали каждый Немецкий дом от подвала до чердака. Хотя Немецкое население якобы находилось под влиянием и господством преступников и преступных организаций в течение дюжины лет, по словам ответственных лиц, "обыск показал меньше преступлений, чем, возможно, было бы обнаружено в ходе аналогичной акции на сопоставимой территории в Соединенных Штатах." [43]

Опыт нескольких месяцев показал нам, что в программе денацификации мы взяли в руки очень горячий утюг, который невозможно удержать, но трудно бросить. Поэтому мы бросили его Немцам, чтобы они с ним разобрались.

Закон, передающий работу по денацификации в нашей зоне Немцам, был в значительной степени сформулирован Генрихом Шмиттом, полнотелым Коммунистом Квислингом, служившим под началом AMG в качестве министра денацификации Баварии. Исполнение закона также было частично возложено на него. [44] Подобные вещи являются логическим развитием программы, которая автоматически возлагает политическую ответственность на бывших политических нейтралов или активных антинацистов, включая Коммунистов, которые, после подписания Коммунистической Россией Потсдамской декларации, должны быть приняты как "демократические."

Закон призван позволить некоторым Нацистам, осужденным в противном случае, доказать свою невиновность или заплатить штрафные санкции и быть восстановленными в гражданстве. Он устанавливает пять категорий военных преступников и потенциально опасных лиц, а именно:

1) главные преступники, 2) преступники, которых можно охарактеризовать как Нацистских активистов, милитаристов и спекулянтов, 3) менее тяжкие преступники, 4) последователи, составляющие широкое членство в партии и ее филиалах, и 5) лица, оправданные после того, как трибунал признал их невиновными.

Наказания для лиц первой категории варьируются от смертной казни или пожизненного заключения до лишения свободы на пять или более лет с каторжными работами или без них. Лица второй категории могут быть лишены свободы на срок до десяти лет. К тем, кто относится к более низким категориям, применяются различные "санкции", включая потерю гражданства и права голоса, лишение права занимать государственные должности, потерю личных прав, таких как право владеть автомобилем, понижение в должности с большим сокращением компенсации, увольнение с должности, конфискацию имущества и работу только на обычных работах.[45]

Чтобы облегчить ситуацию, мы объявили амнистию всем Нацистам в нашей зоне в возрасте до 27 лет, против которых не было выдвинуто особых обвинений. Эта акция позволила принять в гражданство около миллиона человек, которые, как выразился генерал Клей, стали Нацистами до того, как стали достаточно взрослыми, чтобы понимать, что они делают. Он не объяснил, почему то же самое соображение не может быть применимо к большинству более старших мужчин. В любом случае, это действие сопровождалось заявлением о том, что военное правительство желает "помочь молодежи Германии понять и развить демократический образ жизни."[46]

К сожалению, большинство из тех, кто был помилован в соответствии с "бланкетным" приказом, находились во Франции, Великобритании, Бельгии, Голландии, России или других странах на

неопределенных сроках, выполняя принудительные работы на манер каторжников.

Через несколько месяцев левые критики снова начали жаловаться, что сложная система Немецких судов, созданная для рассмотрения миллионов оставшихся дел, была слишком мягкой, что она позволяла Гитлеровским полчищам ползти обратно. В ноябре 1946 года генерал-лейтенант Люциус Д. Клей выразил обеспокоенность по поводу снисходительности, проявляемой к Нацистам в Немецких судах. Установив 60-дневный срок, до которого Немцы должны доказать, что у них появилась "воля к выполнению этой работы, которой сегодня нет", он предупредил, что военное правительство готово взять на себя работу по денацификации, если Немецкие суды не будут ужесточены. За день до следующего Рождества генерал Макнарни объявил всеобщую амнистию для примерно 800,000 "небольших Нацистов" в Американской зоне. К ним относились мелкие Нацисты, чьи доходы за 1943 и 1945 календарные годы составляли менее 3,000 марок, а налогооблагаемое имущество в 1945 году не превышало 20,000 марок.

Тем не менее, осенью 1946 года Координационный комитет Союзного контрольного совета принял общие законы о денацификации для всей Германии по образцу Американского зонального закона, однако их исполнение было оставлено полностью на усмотрение каждого зонального органа.[47] Эта лазейка позволяет другим оккупационным правительствам продолжать денацификацию по своему усмотрению, которая до сих пор проводилась с большей разумностью и снисходительностью, чем в Американской зоне, где исполнение, другими словами, было гораздо более жестким и радикальным, чем в других местах. В Штутгарте Бирнс мог похвастаться тем, что денацификация в Американской зоне была завершена.

Менее чем через четыре недели трибунал в Нюрнберге вынес свое судьбоносное решение. Из 22 заклѣтых Нацистов союзный суд, который, конечно, нельзя обвинить в судебном нейтралитете или снисходительности и который рассматривал дела по четырем всеобъемлющим пунктам, вынес смертный приговор только 12, пожизненное заключение - трем, тюремные сроки от 10 до 20 лет - четырем и оправдал троих. Если трое из самых высокопоставленных Нацистов были свободны от всякой вины, а четверо других виновны лишь частично, то широкая партийная масса вообще не могла быть серьезно виновной. Это означает, что декреты о денацификации, осуждающие всех Нацистов без суда и следствия, совершенно несправедливы. Сам Нюрнбергский процесс был подвергнут всестороннему осуждению за нарушение основных принципов Англосаксонской юриспруденции, в частности, за осуждение на основании закона задним числом, за размещение на скамье подсудимых пристрастных судей и за исключение доказательств, которые могли бы отразиться на державах-победительницах. Но вердикт, вынесенный в Потсдаме, был еще хуже, поскольку там был вынесен общий обвинительный приговор, без какой-либо даже видимости суда, доказательств или свидетельств. Согласно нынешним законам о денацификации, все Нацисты по-прежнему виновны, если только они не смогут доказать свою невиновность перед лицом процедуры, допускающей нарушение общепринятых правил доказывания."[48]

Нюрнбергский трибунал также рассматривал дела различных Нацистских организаций, чтобы определить, являются ли они и их члены преступными. СС, Гестапо, СД - элитная охрана, тайная полиция и полиция безопасности - и высшие чины Нацистского руководящего корпуса были признаны преступными организациями. Это означает, что для оправдания около 400,000 членов организации должны доказать,

что их заставили вступить в нее или они ничего не знали о ее преступности. Наказание варьируется вплоть до смертной казни. С другой стороны, СА - первоначальные штурмовики - были распущены как не связанные с заговором с целью ведения агрессивной войны, а Генеральный штаб, Верховное командование и "коричневые рубашки" были признаны невиновными. Конечно, широкие массы Немецкого народа не могли быть виновными и не должны были быть наказаны.

Программа денацификации в целом и Нюрнбергский процесс в частности нарушают наши традиционные представления о справедливости; напротив, они воплощают Нацистскую и Коммунистическую концепцию юриспруденции - ликвидацию идеологических противников. Как пишет еженедельник Barron's:

"...наказание побежденным назначается односторонне". В конце концов, за исключением того, что они не совершали таких же впечатляющих зверств на месте, Русские делали в Польше примерно то же самое, что и Нацисты. Таким образом, сочетание оправданно фанатичных ненавистников Нацизма и целеустремленных попутчиков устроило Римский праздник, эксплуатируя наше законное стремление к новому международному праву.

"В глазах всего мира мы приняли Коммунистический взгляд на справедливость." [49]

Хуже того, мы позволили Коммунистам, чьи худшие доктрины идентичны доктринам Нацистов, продолжать проповедовать и агитировать и даже пробиваться на ключевые посты в нашем военном правительстве. Когда мы только приехали, Немцы были настроены резко антикоммунистически; с тех пор они начали бежать из нашей зоны и переходить в Русскую, где их принимают в Коммунистическую партию и

даже в Красную Армию, в рядах которой они, возможно, когда-нибудь смогут отомстить нам.

Денацификация в Российской зоне была гораздо более просвещенной и менее разрушительной с экономической точки зрения. Сильные люди Кремля вряд ли могут серьезно относиться к осуждению всех Нацистов как преступников, когда они прекрасно знают, что их собственная партия, которая правит Россией так же, как Нацистская партия правила Германией и требующая такого же слепого повиновения от своих членов, виновна в каждом деянии, за которое мы так решительно осуждаем Нацистов: агрессивные войны против мирных соседей, психологическая война, конфискация имущества целых классов без компенсации владельцам, нарушение договоров и соглашений, враждебное отношение к религии, зверства в концентрационных лагерях, рабский труд, грабеж и насилие в завоеванных странах, использование пятых колонн и коллаборационистов, однопартийное правление путем террора с помощью гражданских осведомителей и жестокой системы тайной полиции, подавление прав человека и индивидуальных свобод всех видов, и даже цель завоевания мира.

Русские знают это, и немцы тоже. Когда мы потворствуем одним и осуждаем других, мы становимся смешными в глазах тех и других.

Отношение Кремля к денацификации было выражено много лет назад и, вероятно, с тех пор не изменилось. Россия в сотрудничестве с Гитлером только что напала на Польшу, разгромила и разделила ее, и Гитлер предложил, чтобы, поскольку вопрос, из-за которого началась война, был решен, все воюющие стороны прекратили воевать и созвали конференцию по всеобщему разоружению. Британия и Франция отказались с лаконичным замечанием, что они будут продолжать борьбу

за "уничтожение Гитлеризма". Кремль насмехался. Его реакция, которая, вероятно, до сих пор является его внутренним убеждением, была передана Associated Press из Москвы, подвергшейся жесткой цензуре (9 октября 1939 года), следующим образом:

"Советская Россия сегодня поддержала мирные жесты Адольфа Гитлера в редакционной статье правительственной газеты "Известия", обвинив Великобританию и Францию в "возвращении в средневековье" за развязывание войны для "истребления Гитлеризма". "Известия" утверждают, что Британско-Французские аргументы о необходимости затягивания войны для подавления Гитлеризма "заставляют нас вернуться в мрачное средневековье, когда велись опустошительные религиозные войны для истребления еретиков и людей разных религий". Газета утверждала:

""Огнем и мечом невозможно истребить ни одну идею, ни одно мнение". "Можно уважать или ненавидеть Гитлеризм или любую другую систему политических взглядов. Это дело вкуса. Но начинать войну за "уничтожение Гитлеризма" - значит признать преступную глупость в политике".

Потсдамские декреты, призывающие к "уничтожению Гитлеризма", были, однако, очень полезны для Кремля, поскольку они обеспечили основу для ликвидации Немецкой "буржуазии" и, следовательно, заложили основу для окончательной коммунизации. Необходимая экспроприация собственности была осуществлена путем конфискации имущества Нацистов, беглецов, "наживающихся на войне" и других категорий синтетических преступников. Но как только номинальный Нацист в Российской зоне лишается собственности, ему предоставляется шанс искупить свою вину. Ему возвращают работу, если он в течение шести месяцев будет удовлетворительно работать в

бригадах по очистке территории. Таким образом, денацификация связана с "Ауфбау" или восстановлением.[50] Мелких правонарушителей судили в Немецких судах, а раскаявшихся Нацистов приглашали вступить в Коммунистическую партию.[51] По данным агентства Рейтер, Немецких военных офицеров принимали в Красную Армию по приглашению. Когда офицеры пересекают зональные границы, их номинально "арестовывают", помещают в карантинные лагеря и приглашают на службу.

После принятия они получают преференции. Другими словами, началось объединение Красной и Нацистской армий.[52]

В своей зоне Россия в полной мере использует многие моменты сходства между своей системой и системой Нацистов при Гитлере. Некоторые Немцы отмечают, что "Коммунизм - это не что иное, как Национал-Социализм под другим названием." [53] В то время как мы продолжаем охаивать пороки Нацизма, который мы, очевидно, считаем чем-то уникальным, Россия, которую нашим военным приказано не критиковать, сопоставляет эти пороки с пороками своей собственной системы и тем самым облегчает желаемую трансформацию от одного к другому.

Уничтожив "буржуазию" в нашей зоне, мы сыграли на руку Кремлю, ибо эта акция устранила принципиальный барьер на пути установления "диктатуры пролетариата" и окончательного поглощения зоны Советским Союзом - кремлевской Организацией Объединенных Наций. Вся наша процедура денацификации очень устраивала Москву, ибо чем больше хаоса, отчаяния и отвращения мы создаем, и чем сильнее становится недовольство Немецкого народа, тем сильнее становится хватка Коммунизма, и тем ближе мы подходим к потере всего, за что мы вели войну.

ИСТОЧНИКИ:

1. Associated Press, Moscow, March 31, 1945.
2. Quoted in Congressional Record, March 29, 1946, p. 2864.
3. Cf. David Dallin, *The Real Soviet Russia* (Yale University Press, 1944), Chapter XI, "Forced Labor."
4. Hal Foust, Berlin, Sept. 17, 1946, Chicago Tribune Press Service.
5. Hal Foust, Berlin, Aug. 11, 1946, Chicago Tribune Press Service.
6. Hal Foust, Berlin, Aug. 19, 1946, Chicago Tribune Press Service.
7. Hal Foust, Berlin, June 5, 1946, Chicago Tribune Press Service.
8. Associated Press, Stockholm, Nov. 30, 1945.
9. Chicago Tribune Press Service, Geneva, Switzerland, Sept. 15, 1946.
10. John Thompson, Geneva, Switzerland, Aug. 24, 1946, Chicago Tribune Press Service.
11. *The Progressive*, Jan. 14, 1946, p. 4.
12. Louis Clair, *The Progressive*, Jan. 14, 1946.
13. Congressional Record, Dec. 11, 1945, p. A-5816.
14. Henry Wales, Paris, March 12, 1946, Chicago Tribune Press Service.
15. Chicago Tribune Press Service, Lille, France, July 6, 1946.
16. John Thompson, Geneva, Aug. 18, 1946, Chicago Tribune Press Service.
17. John Thompson, Geneva, Aug. 24, 1946, Chicago Tribune Press Service.
18. Arthur Veysey, London, May 28, 1946, Chicago Tribune Press Service.

19. Arthur Veysey, London, May 8, 1946, Chicago Tribune Press Service.
20. То же, что и №19.
21. То же, что и №18.
22. Ward Walker, London, March 7, 1946, Chicago Tribune Press Service.
23. Chicago Tribune Press Service, London, May 19, 1946.
24. Chicago Tribune Press Service, London, Aug. 27, 1946, and The Chicago Sun, Aug. 27, 1946 (London AP dispatch).
25. John Wilhelm, London, Sept. 12, 1946, The Chicago Sun, London Bureau.
26. То же, что и №10.
27. То же, что и №10.
28. Chicago Tribune Press Service, Geneva, Switzerland, May 30, 1946.
29. То же, что и №18.
30. Henry Wales, Geneva. Switzerland, April 13, 1946, Chicago Tribune Press Service.
31. То же, что и №30.
32. Chicago Daily Tribune, March 14, 1946.
33. Cf. The Progressive, Feb. 4, 1945, p. 1.
34. Vital Speeches, May 15, 1946. p. 480.
35. National Legionaire, Feb. 1945.
36. James M. Haswell, Washington, Aug. 27, 1946, Chicago Daily News, Washington Bureau.
37. Hal Foust, Berlin, July 23, 1946, Chicago Tribune Press Service.

38. Cf. Charles Manley, Washington, D.C., Aug. 18, 1946, Chicago Daily Tribune of same date.
39. Chicago Tribune Press Service, Washington, Aug. 24, 1946.
40. Associated Press, Washington, D.C., Oct. 15, 1946.
41. The Chicago Sun, Oct. 11, 1946, p. 3.
42. Lt. Gen. Lucius Clay, as reported by Hal Foust, Berlin, April 24, 1946, and Chicago Tribune Press Service.
43. Associated Press, Frankfurt on the Main, July 23, 1945.
44. Edward P. Morgan, Berlin, Feb. 7, 1946, and April 9, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
45. Edward P. Morgan, Berlin, March 5, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
46. The Chicago Sun, Stuttgart, Germany, July 2, 1946 (United Press).
47. Associated Press, Berlin, Oct. 14, 1946.
48. Chicago Tribune Press Service, Berlin, Oct. 24, 1946.
49. Barron's, Oct. 7, 1946.
50. Edward P. Morgan, Berlin, Mar. 27, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
51. Associated Press, Berlin, Jan. 30, 1946.
52. Hal Foust, Berlin, June 5, 1946, Chicago Tribune Press Service.
53. Edd Johnson, Berlin, Mar. 29, 1946, Chicago Sun Foreign Service.

Глава IV:

НАПАДЕНИЕ НА ГЕРМАНСКИЙ КАПИТАЛ

Мародерство

Разграбление Германии после ее безоговорочной капитуляции войдет в историю как один из самых чудовищных актов современности. Его чрезмерность не поддается описанию, а масштабы не поддаются осуждению.

Армии союзников, ворвавшиеся в Германию, пришли с кровью в глазах и с убеждением, порожденным пропагандой, что Немцы потеряли касту как представители человеческой расы, недостойны защиты, предоставляемой человеческим правом и цивилизованными институтами, такими как право собственности и личная безопасность. Это не рассматривалось как мародерство, а просто как помощь себе в получении имущества, которого Немцы лишились, будучи Немцами.

Русские солдаты были особенно жадными, их аппетиты к награбленному сдерживались только ограничением их собственных прав на владение собственностью. То, что Русский солдат мог оставить себе, например, наручные часы, он выхватывал на месте, даже из рук Янки.

Серьезное мародерство со стороны Русских проводилось официально, систематически и тщательно. В каждый дом и квартиру входили, обыскивали и лишали всего ценного и движимого - драгоценностей, столового серебра, произведений искусства, одежды, бытовой техники, денег. Магазины, лавки, склады были разграблены. Фермы лишались сельскохозяйственных животных, техники, запасов семян, кормов, вина и продовольствия. В домах снимали телефоны, демонтировали телефонные и телеграфные линии и оборудование.

Автомобили, грузовики и даже пожарные машины были конфискованы. Все, что не было прибито гвоздями, было вывезено.[1] Ведь уровень жизни в Германии должен быть снижен до среднего по Европе.

Российские оккупационные армии, по численности равные объединенным оккупационным силам западных держав, живут за счет земли, оплачивая реквизиции бумажными оккупационными марками. Непомерно высокие оккупационные расходы дают Кремлю эффективный инструмент для выкачивания денег с территории. Поборы в советской зоне Австрии в несколько раз превышают те, которые Немцы навязывали Франции, Бельгии, Голландии, Греции и другим странам.[2] И это несмотря на обещанный "освобожденный" статус Австрии.

Все союзники выпустили огромное количество военной валюты, которую Немцы были вынуждены принимать в качестве "оплаты". По самым скромным подсчетам, в общей сложности они накачали в страну от 15 до 20 миллиардов оккупационных марок, в то время как нормальный оборот валюты составлял от 7 до 9 миллиардов.[3] Это означает, что четыре державы получили от 2 до 4 миллиардов долларов немецкой собственности за одну только стоимость печатания денег, выпущенных в качестве оплаты.

Как в армиях, наносивших удары на западе и юге Германии, преобладали Американские войска, так и в этих секторах преобладали Американцы, занимавшиеся грабежом. Иностраный корреспондент газеты Chicago Daily News Уильям Х. Стоунман, служивший в 3-й армии США, писал в мае 1945 года, когда Германия капитулировала:

"Я был поражен тем, как небрежно обращались с добычей, и тем, как большие запасы продовольствия были оставлены на произвол мародеров."[4]

Через несколько дней он послал телеграмму:

"Раритетные вещи стоимостью в миллионы долларов, начиная от сложных линз Zeiss и заканчивая маслом и сыром и дорогостоящими автомобилями, уничтожаются, потому что армия не организовала систему возврата ценного вражеского имущества". "Фронтовые войска грубо и с готовностью относятся к вражескому имуществу. Они, естественно, берут то, что находят, если это выглядит интересно, и, поскольку они находятся на передовой, никто ничего не говорит.

"На передовой нет ни одного военнопленного.

"Но то, что принимают на себя войска фронта, ничто по сравнению с ущербом, нанесенным в результате бесцеремонного вандализма некоторых следующих войск.

"Они разрушают все, включая самые простые личные вещи людей, в домах которых они поселились.

"Сегодня мы получили еще два примера такого дела, от которого у любого, кто ценит материальные ценности, на глаза навернулись бы слезы.

"Сначала я нашел два вагона с великолепными дальномерами Zeiss для зенитных установок, тысячи редких линз, стоимостью, по приблизительным оценкам, возможно, \$1,000,000." "Большинство вещей, которые мы там видели - многие из них были разбросаны по дорожкам - были бесценны, и вещи на тысячи долларов были разбросаны, когда солдаты прочесывали вагоны в поисках биноклей и других предметов, которые можно было легко продать. Любой, кто хоть немного разбирается в точных приборах, прослезился бы, увидев приборы стоимостью от 500 до 1,000 долларов, разбросанные среди такого хлама. "Позже я посетил склад, который был загружен текстилем, и он был похож на свинарник.

"Повсюду еще валялись тысячи ярдов набивного хлопка и искусственных шерстяных изделий, но гораздо больше было разграблено кем-то другим." [5]

В одном случае мародерство привело к арестам и судебным разбирательствам. Капитан и полковник WAC были арестованы в Америке и судимы во Франкфурте, Германия, за вывоз драгоценностей, в основном Гессенского дома, на сумму \$1,500,000 из замка, принадлежащего принцессе Маргарет Гессенской, внучке королевы Виктории. Адвокаты на судебных процессах ясно показали масштабы грабежа, который был совершен, и философию, стоящую за ним. В одном из отчетов с места событий говорится следующее:

"Принцесса в значительной степени опровергла утверждение защиты о том, что владельцы драгоценностей были просто кучкой Нацистов, чья потеря была несчастьем войны, которое не следует выделять для судебного преследования среди сотен тысяч краж у Немцев, совершенных военными Американской армии." [6] (выделено автором).

Действительно, маловероятно, что дело дошло бы до суда, если бы у владельцев не было таких внушительных связей. Хорошо известно, что мы забрали из Немецких музеев около 200 шедевров искусства с намерением оставить их себе. Общественное мнение было настолько возмущено, что президент Трумэн счел целесообразным пообещать их возвращение; однако никто не был привлечен к ответственности или даже арестован.

Американский промаршал подполковник Джеральд Ф. Бин, в обязанности которого входит борьба с преступлениями, совершенными нашими солдатами, в официальном докладе, опубликованном в Берлине в конце 1945 года, о характере и масштабах преступности в нашей

оккупационной армии заявил, что кражи и грабежи являются преступлениями, наиболее часто совершаемыми нашими солдатами. Одна из ведущих ежедневных газет комментирует:

"Что касается преступлений против собственности, то объяснение достаточно очевидно. Во время войны не было предпринято никаких эффективных шагов по пресечению мародерства со стороны армий захватчиков. И офицеры, и солдаты совершали это преступление и по большей части оставались безнаказанными. К нему относились терпимо, прикрываясь эвфемизмом типа "сбор сувениров". Привычку воровать, однажды сформировавшуюся, трудно сломать. Вина, конечно, лежит на высшем командовании, которое допускало злоупотребления. Заявление полковника Бина говорит о том, что армия запоздало пытается исправить свою ошибку." [7]

Большая часть такого рода грабежей угасла в течение первого года оккупации; после этого методы стали более тонкими и непрямыми. В конце июля 1946 года военнослужащие были привлечены к ответственности за "спящие покупки" Немецкой собственности, которую в то время можно было купить почти за бесценок, но которая когда-нибудь могла иметь большую ценность. [8] В полной мере был использован валютный хаос. В сентябре 1946 года военные власти, чтобы покончить с Американской наживой на черных рынках и незаконным приобретением иностранной валюты, выпустили новую валюту, которая должна была заменить все "иностранные и союзные военные валюты в финансовых операциях на территории военных объектов США." [9] И если верить официальным обвинениям России, Американские чиновники украли оборудование с заводов в нашей зоне, предназначенное для отправки в Россию в счет репараций, и продали его иностранным государствам для своей личной выгоды. [10]

Однако только что рассмотренный вид грабежа, хотя его стоимость и исчисляется сотнями миллионов долларов и лишает Немецкий народ удобств и предметов первой необходимости, в которых он так нуждался в течение ужасных дней, через которые ему пришлось пройти, является лишь мелким воровством по сравнению с гигантской программой промышленного разграбления, санкционированной в Потсдаме.

Экономический каннибализм

Потсдамский указ гласит, что будущее Немецкое производство должно быть так ограничено Союзным контрольным советом, чтобы средний уровень жизни в Германии не превышал средний уровень жизни других Европейских стран, за исключением Великобритании и России, и что "производственные мощности, не необходимые для разрешенного производства", должны быть взяты завоевателями как грабеж или уничтожены. Разрушенная Немецкая экономика должна быть расчленена и четвертована, а ее плоть скормлена другим экономикам - проект, который метко называли "экономическим каннибализмом".

Потсдам благочестиво декларирует, как простое замечание, а не мандат, что программа "должна оставить достаточно ресурсов, чтобы Немецкий народ мог прожить без внешней помощи". В то же время он признает, что оставшихся ресурсов катастрофически не хватает, поскольку в нем говорится, что война и поражение "разрушили экономику Германии и сделали неизбежными хаос и страдания". Тем не менее, он продолжает излагать программу репараций, предусматривающую уничтожение или ликвидацию значительной части оставшихся скудных производственных мощностей.

После долгих препирательств и скачек, Контрольный совет в марте 1946 года принял решения, устанавливающие будущие уровни производства как для Германии в целом, так и для отдельных отраслей

промышленности в соответствии с положениями Потсдама. В качестве верхнего предела, но ни в коем случае не гарантированного минимума, объем производства в Германии по этим постановлениям может достичь к 1949 году, но не превзойти уровень, до которого она опустилась на дне великой депрессии 1932 года, незадолго до прихода Нацистов к власти, когда треть Немецких рабочих была безработной.

Во исполнение Потсдамского мандата, призывающего "ликвидировать или взять под контроль всю Немецкую промышленность, которая может быть использована для военного производства" и делающего упор на "развитие сельского хозяйства и мирной отечественной промышленности", многие обычно мирные отрасли промышленности были полностью запрещены. К ним относятся судостроение, производство и эксплуатация самолетов, шариковые и конические роликовые подшипники, почти все виды тяжелых станков, тяжелые материалы, алюминий, магний, бериллий, ванадий, радиоактивные материалы, перекись водорода, а также синтетическая нефть, бензин и аммиак.

Экспорт и импорт жестко контролируются и резко ограничиваются. Платежи за необходимый импорт осуществляются в первую очередь за счет поступлений от экспорта. Импорт ограничивается в основном небольшим количеством продовольствия и нитратов для удобрений; экспорт ограничивается в основном углем, поташем и пиломатериалами. Внешняя торговля в обычном смысле слова была невозможна, однако, и будет оставаться таковой до тех пор, пока марке не будет придана ценность с точки зрения других валют.

Будущее производство большого числа отечественных отраслей резко ограничивается. Электротехника сокращается вдвое, машиностроение - на две трети. Резко сокращается производство

синтетического текстиля. Общий объем химического производства сокращается до 45% от прежнего уровня. Производство стали не должно превышать 5,800,000 тонн слитков в год против прежних 54,000,000 тонн. [11] Британия утверждала, что такой уровень превратит Рейх в экономическую пустыню, и боролась за уровень в 7,500,000 тонн. Однако, поскольку Россия настаивала на гораздо меньшей цифре, в качестве компромисса был достигнут потолок в 5,800,000 тонн.

На протяжении всех переговоров Россия боролась за крайне низкие потолки производства. Она даже просила резко сократить разрешенный импорт продовольствия, чтобы уменьшить объем необходимого экспорта и тем самым освободить больше промышленной добычи, которую она должна была разделить. Когда немного позже поставки репараций ей из западных зон были остановлены, она, однако, внезапно изменила свою позицию и потребовала более высоких потолков. Молотов потребовал увеличить производство угля и сказал: "Рейху должно быть разрешено больше стали, больше промышленности и внешней торговли".

Бирнс в Штутгарте упорно защищал согласованные потолки производства и настаивал на том, что программа позволит несколько повысить уровень жизни в Германии, если Немецкий народ будет достаточно много работать и экономить.

Кроме того, что эти потолки породили горькое отчаяние, закрыв дверь для любой надежды на достижение процветания, они не имели большого практического значения, поскольку фактическое производство в Германии оставалось намного ниже разрешенных уровней. Наши военные власти утверждают, что потребуются годы для восстановления Германии, чтобы достичь установленных потолков. В настоящее время действие программы в основном сводится к репрессиям власти,

направленным на тщательное разрушение и ликвидацию производственного потенциала, и другим мерам, таким как запрет научных исследований.

Немецкой науке, от которой в значительной степени зависела Немецкая промышленность, был нанесен смертельный удар, частично прямыми запретами, а частично действиями декретов о денацификации, которые автоматически положили конец карьере подавляющего большинства Немецких ученых, по крайней мере, в пределах Рейха. Потсдам приказал взять под контроль "все Немецкие государственные или частные научные органы, исследовательские и экспериментальные учреждения, лаборатории и т.д., связанные с экономической деятельностью". В соответствии с этим указом Немецкая наука была подавлена приказами Контрольного совета.

Исследования (в Германии) ученых, которые были Нацистами или участвовали в разработке Немецкого оружия, секретного или иного, были запрещены. Другим, а их очень мало, запрещено исследовать длинный список конкретных, всеобъемлющих предметов, 10 общих категорий химических веществ и все, что имеет военную ценность или характер. Чистая или теоретическая наука - исследования основных законов природы и тому подобное - может проводиться немногими избранными, но только под наблюдением военного правительства. Другими словами, Немецкая наука была уничтожена, а вместе с ней и способность Германии конкурировать в коммерческом плане с победителями войны.

Немецкие ученые, по сути, стали высоко ценимой формой военного грабежа. Россия, первой осознавшая их ценность, не могла скрыть своего беспокойства и бешеного стремления захватить как можно больше. Британия, Франция и Соединенные Штаты не замедлили

последовать ее примеру, включившись в соревнование с заметным успехом. Нам даже удалось похитить большое количество из западной Российской зоны, когда мы отступили, чтобы позволить Русским взять на себя ответственность. Сначала наш интерес ограничивался экспертами, которые работали над военными разработками, особенно над делением атома и секретным оружием. Другие в нашей зоне, включая тех, кто бежал перед Красными войсками, содержались в тюрьмах. Однако мы изменили эту расточительную политику после того, как доктор Роджер Адамс, заведующий кафедрой химии Иллинойского университета и научный советник заместителя губернатора AMG, заявил, что неразумно ограничиваться только учеными военной промышленности, поскольку многие из тех, кто томится в тюрьмах, могли бы оказаться столь же ценными для других целей, если бы мы решили их использовать. В результате в нашем распоряжении оказались сотни бывших Немецких ученых, которые, несомненно, являются одним из наших самых выгодных приобретений, сделанных в павшем Рейхе. Возможно, их следует засчитать в качестве репараций.

Кроме того, мы направили в Германию группы экспертов, чтобы прочесать страну и найти все Немецкие патенты, проекты и секретные процессы, находящиеся в частной или иной собственности. По словам помощника госсекретаря Уильяма Л. Клейтона в показаниях перед комитетом Сената США в июне 1945 года:

"Мы намерены добиться полного раскрытия существующей Немецкой технологии и изобретения в интересах Организации Объединенных Наций... Это правительство и другие правительства, с которыми Германия находилась в состоянии войны, взяли под свой контроль изобретения и образцы как запатентованные, так и незапатентованные, которые принадлежали и контролировались Германскими гражданами на момент начала войны... Вполне вероятно,

что ни законодательная, ни исполнительная власть этого правительства не предпримет никаких шагов, которые могли бы иметь эффект возвращения таких прав бывшим Немецким владельцам".

Моргентау призвал к промышленному разграблению Германии, предложив вместо того, чтобы повторять ошибку, допущенную после последней войны, требуя от нее

"репарации в виде будущих платежей и поставок", требуя производства и продажи экспортных товаров, на этот раз

"репарации осуществляются путем передачи существующих ресурсов и территорий, например...; путем передачи захваченным странам Германской территории и Германских частных прав на промышленную собственность, расположенную на этой территории...; путем вывоза и распределения среди опустошенных стран промышленных предприятий и оборудования...; путем принудительного использования Немецкого труда за пределами Германии; и путем конфискации всех Немецких активов любого характера за пределами Германии". (выделено автором)

Эти предложения по попранию неприкосновенности частной Немецкой собственности вряд ли могли не встретить искреннего одобрения в Политбюро. При осуществлении программы не делается никаких попыток, чтобы владельцы конфискованной частной собственности получили компенсацию сейчас или позже от союзников или Германского правительства, так как последнее, если оно когда-либо будет создано, несомненно, будет настолько слабым, что такая компенсация будет не по силам его финансовым возможностям.

Однако Гагская конвенция в статье 46 в разделе "Военная власть над территорией враждебного государства" гласит: "Частная собственность не может быть конфискована." Статья 53 подчеркивает

этот момент, говоря, что любая частная собственность, захваченная во время оккупации, "должна быть восстановлена и компенсация установлена при заключении мира."

Ввиду нынешнего смертоносного, всемирного нападения на институт частной собственности, те, кто претендует на роль его защитников, должны настаивать на соблюдении этих положений международного права. Вопиющие нарушения "Большой четверки" не только порождают несправедливость, для предотвращения которой были созданы эти законы, но и уличают победителей во Второй мировой войне в тех самых действиях, за которые они так решительно и справедливо осудили Гитлера. Можно легко понять, почему Социалистическая Советская Россия нарушала права частной собственности в оккупированных странах, но то же самое нельзя сказать о Соединенных Штатах.

Россия в Ялте взяла на себя инициативу и потребовала, чтобы репарации Германии были установлены в размере 20 миллиардов долларов, половину из которых она должна была получить сама. Президент Рузвельт, поглощенный своим "великим замыслом", полагая, что подозрения России в отношении западных капиталистических держав можно развеять, если дать Сталину все, что он хотел, и даже больше, согласился поддержать это требование. Премьер-министр Черчилль, однако, указал на очевидный факт: если Германия будет настолько ослаблена деиндустриализацией, что не сможет выплачивать репарации за счет текущего производства, и если репарации будут ограничены заводами и оборудованием, выброшенными в результате деиндустриализации, то позиция России не может быть оправдана. Программа деиндустриализации автоматически ограничила бы сумму репараций заводом и оборудованием, не разрушенным войной, за вычетом того, что осталось бы Немцам. Однако ради гармонии цифра в

20 миллиардов долларов была принята "в качестве основы для обсуждения".

В Потсдаме России была выделена львиная доля репараций. Она должна была получить все из своей зоны, плюс 25% из других зон. Из последних две пятых должны были достаться России полностью, а три пятых должны были быть переданы ей "в обмен на эквивалентную стоимость продовольствия, угля, поташа, цинка, древесины, продуктов дня, нефтепродуктов и таких других товаров, которые могут быть согласованы", которые, предположительно, должны были быть взяты из ее зоны. Президент Трумэн сказал об этом соглашении: "Это средство поддержания сбалансированной экономики в Германии и обеспечения обычного обмена товарами между восточной частью и западной". Другими словами, одна часть Немецкой экономики должна отдать России 15% плоти, которая будет содрана с ее костей, чтобы получить пропитание от другой части - самая замечательная форма экономического каннибализма.

Стоимость разбомбленных и разрушенных заводов и оборудования Германии, оставшихся к концу войны, официально оценивается в 5-10 миллиардов долларов, из которых 45% находилось в Русской зоне, где России была предоставлена свобода действий. В соответствии с "планом развития промышленности" 40% из них должны были быть вывезены в качестве репараций или уничтожены. Общая сумма репараций, таким образом, не могла превышать 2-4 миллиардов, и если бы Россия придерживалась общего плана в своей зоне, то ее общая доля от всей Германии не могла бы превысить 2,4 миллиарда долларов.

Поначалу Россия дружелюбно шла навстречу программе и, по некоторым данным, забрала из своей собственной зоны гораздо меньше 40%, чем было разрешено. В марте 1946 года глава местного

правительства Тюрингии сообщил корреспондентам, которым было разрешено посетить ее в рамках организованной экскурсии, что Россия демонтировала менее 100 из 5,200 промышленных предприятий Тюрингии.[12] В более позднем сообщении говорилось, что из 6,272 предприятий в провинции было демонтировано только 310, из которых 80 удалось вновь запустить. Ни в одном из отчетов не приводились данные об относительных размерах захваченных предприятий. Если захваченные предприятия были среднего размера, то они составляли лишь 2-5% от общего числа. В начале лета 1946 года Соединенные Штаты подсчитали, что фактический вывоз из российской зоны составил от 500 до 750 миллионов долларов, не считая военной добычи, реституции за уничтоженные или украденные российские товары или оккупационных расходов.[13] Это все равно было меньше, чем предусмотрено. Учитывая, как тщательно она разделалась с такими регионами, как Маньчжурия и Северный Иран, прежде чем эвакуировать свои войска, ее ранняя сдержанность в Немецкой зоне, если это правда, предполагает скрытые мотивы.

О том, какими могли быть эти мотивы, говорит тот факт, что, согласно отчетам, более 90% заводов в ее зоне работали, а от 80% до 100% их продукции направлялось в Россию в качестве оккупационных расходов или репараций. Например, на одном заводе с объемом производства 20 миллионов бритв на Немецкий рынок должно было поступить 3 миллиона, остальное - в Советский Союз. Кроме того, ходили упорные слухи о том, что в зоне оккупации день и ночь работают крупные Немецкие заводы по производству боеприпасов и орудий войны для Советского Союза.

Тем временем в апреле начались поставки репараций из западных зон. Первым грузом стали шесть судов с материальными активами крупнейшей в Германии верфи Дешимаг стоимостью \$4,800,000. Вскоре

последовали 20 вагонов с оборудованием и инструментами стоимостью \$5,000,000, что составляло половину активов крупнейшего в стране завода по производству шарикоподшипников. Среди других ранних поставок - подразделение химического завода Anorgana в Гендорфе стоимостью \$10,000,000 и огромный подземный завод по производству авиационных двигателей Daimler-Benz вблизи Оберингхайма.

К маю, по словам комиссара по репарациям Эдвина У. Поули, Американская зона наметила 144 завода для вывоза в Россию, из которых 35 или 40 были фактически отправлены, прежде чем мы внезапно остановили дальнейшие поставки на том основании, что мы должны сделать это для защиты экономических интересов нашей зоны до достижения межзонального экономического единства в соответствии с Потсдамом. Однако незадолго до этого западные державы не смогли договориться с Русскими о том, какой объем инспекций будет разрешен комиссии из четырех держав во всех четырех зонах, включая Российскую. Эта идея возникла на Парижской конференции министров иностранных дел, чтобы развеять межзональные подозрения и дать каждой оккупирующей державе четкую картину разоружения в других зонах. Британия намекнула, что хочет проверить слухи о том, что в Русской зоне производятся боеприпасы; Россия ответила прямым обвинением, что Британия не расформировала крупные части захваченной Немецкой армии и хочет провести расследование.

Каковы бы ни были причины, мы прекратили дальнейшие поставки репараций из нашей зоны. И тут разразилась буря.

Россия, очевидно, полностью изменила свое отношение к Германии. В июне в Париже Молотов объявил нелепыми попытки уничтожить Германию, призвал к созданию сильного, централизованного и экономически сбалансированного Рейха с присоединенными Руром и

Сааром, потребовал более высоких уровней производства стали и угля, чем те, на которые Россия ранее согласилась, заявив: "Рейху должно быть разрешено больше стали, больше промышленности и внешней торговли", и добавил: "Советское правительство настаивает на том, чтобы репарации с Германии в размере десяти миллиардов долларов были взысканы непременно". Его цель была ясна: Россия теперь хотела получить Германию, способную и обязанную выплатить крупные репарации, настолько большие, что социализация станет обязательной, а за ней последует "Аншлюс" с Союзом Социалистических Советских Республик.

Тем временем Россия обдираала свою зону до нитки, подразумевая, что это необходимо для обеспечения непрерывного потока репараций в Советский Союз. Многие из крупнейших Немецких производителей гражданской продукции были демонтированы и отправлены на восток. Среди них были две крупнейшие обувные фабрики (Lingel и Tack); крупнейшие сахарные заводы в большом свеклосахарном регионе; крупнейшие в Европе зерноперерабатывающие заводы в Барби под Магдебургом; великая Бембергская шелковая фабрика, известная до войны своими чулочно-носочными изделиями и нижним бельем, и Zeiss Optical Works в Йене. Все второстепенные железнодорожные линии были разорваны, а все электровозы выведены из зоны.

Но многие из конфискованных заводов были оставлены в Германии, где ими могли управлять Немцы в интересах России. Она назначила Русских или Коммунистических бригадиров и ввела Русских или Коммунистов в советы директоров. Таким образом, она получила полное владение и контроль над 200 ключевыми отраслями промышленности Германии, составляющими реальное экономическое богатство зоны и обеспечивающими занятость 1,300,000 рабочих - трети трудоспособного населения зоны. Примерами захваченных предприятий

являются все заводы I.G. Farben Industrie в Саксонии, включая знаменитые химические заводы Leuna в Мерзебурге, Биттерфельде и Воллине; единственный в Рейхе важный медный завод Mansfield Co. в Саксонии; машиностроительный завод Krupp Gruson в Магдебурге; Brabag Brown Coal and Gasoline Co. около Гера в Тюрингии; машиностроительный завод Polysius в Дессау; а также многие из самых важных железорудных заводов, станкостроительных заводов, угольных компаний, калийных шахт и электротехнических заводов.

Америка, которая с самого начала наиболее рьяно проводила деиндустриализацию в своей собственной зоне, не заявляла России никаких протестов, пока не стало известно, что среди конфискованных предприятий оказались два предприятия, принадлежащие Американским концернам - United Shoe Machinery Co. и Corn Products Refining Co. Тогда мы предложили освободить от конфискации имущество, принадлежащее союзникам, и добавили благочестивую мысль о том, что заводы, производящие гражданские товары, должны оставаться в Германии. Наша записка осталась без ответа. Известно, однако, что Россия придумала множество оправданий, чтобы придать своим захватам видимую законность, среди которых утверждение, что заводы с международной поддержкой являются брошенной собственностью и что их владельцы, большинство из которых бежали или были ликвидированы, были военными спекулянтами.

Поскольку Великобритания выступила с планом национализации Рура и других отраслей промышленности в своей зоне, потенциально стоящих миллиарды долларов, таким образом, чтобы передать право собственности на большую их часть в свои руки в качестве "хранителя" без единого цента компенсации бывшим владельцам, она потеряла все моральные основания для протеста против действий России. Французы также не могли возражать, учитывая их скупое, мстительное отношение к

своей собственной зоне, где грабеж был столь же тщательным, как и в Русской, но гораздо менее разумным; где, например, они требуют большую часть урожая, который должен быть собран, и в то же время реквизируют тягловых скот в июле, как раз тогда, когда он больше всего нужен для сбора урожая.

Хотя Америка взялась за дело демонтажа и подрыва Немецких заводов с большим рвением, чем это было вначале в любой другой зоне, наш мотив был совершенно иным, чем мотивы наших союзников. Россия стремится получить от Германии как можно больше награбленного и при этом заставить ее обильно производить для России, чтобы помочь ей осуществить ее новый пятилетний план и в конечном итоге поглотить Рейх в составе Советского Союза. Франция жаждала награбленного, стремилась навсегда уничтожить Германию и аннексировать как можно больше ее территории. Великобритания нашла применение большому количеству Немецкой добычи, хочет избавиться от Германии как от торгового конкурента, сохранив ее как рынок для Британских товаров. Соединенные Штаты не используют Немецкие заводы и оборудование в качестве добычи и часто об этом заявляли. Мы считаем, что наше собственное богатое производственное оборудование лучше. За исключением одного или двух особых случаев, наш основной интерес к Немецким активам был связан с теми, которые расположены за пределами Германии, чтобы устранить Немецкую конкуренцию в мировой торговле. Мы готовы позволить Немецкому народу жить на своем маленьком участке земли, если он сможет, но мы твердо решили, что он никогда больше не будет заниматься иностранной торговлей в значительных масштабах. В партнерстве с Великобританией мы провели систематическую кампанию по искоренению всех Немецких контактов и активов, расположенных за рубежом, и поставили на их место наших собственных торговцев.

Известная как "программа замещения", эта кампания тесно связана с программой "убежища", которая призывает к насильственной ликвидации всех скоплений Немецкого капитала за рубежом. Ниже приводятся выдержки из показаний помощника государственного секретаря Уильяма Л. Клейтона перед "Комитетом Килгора" Сената США 25 июня 1945 года:

"ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА"

"Правительство вскоре решило, что Немецким предприятиям нельзя позволить выжить... в этом полушарии. Соответственно, программа замещения была разработана как средство ликвидации Немецких предприятий и Немецких интересов.

"Предприятия любых лиц, действовавших против политической и экономической независимости или безопасности Американских республик, "должны стать объектом принудительной передачи или полной ликвидации." Германскому экономическому и политическому проникновению в этом полушарии, по большей части, был нанесен удар, от которого оно, вероятно, не оправится..."

"ПРОГРАММА "УБЕЖИЩЕ"

"Программы замещения и безопасного убежища основаны на общеизвестном факте, что тоталитарная Германия смогла объединить мнимые частные интересы Немецких граждан за рубежом для ведения экономической войны". - "Программа "убежища" занимается, среди прочего, "возвращением в Германию" "Немецких капиталовложений, уже находившихся за границей на момент начала войны". - "Финансовые и корпоративные интересы Немецких граждан, находящиеся за пределами Германии, либо были конфискованы, либо будут подвергнуты конфискации." (Клейтон также выступал за то, чтобы Немцы с мозгами и навыками, включая граждан латиноамериканских стран Немецкого

происхождения, которые публично выражали какие-либо симпатии к делу Германии, были выданы и отправлены в Германию).

Соответственно, мы конфисковали почти миллиард долларов собственности в этой стране, которая, по мнению нашего Министерства юстиции, принадлежит Немцам, хотя и хранится на имя граждан нейтральных стран, таких как Швеция и Швейцария. Генеральный прокурор Кларк говорит, что Министерство юстиции утверждает, что эти активы теперь принадлежат правительству Соединенных Штатов.

Внешнее действие программы было проиллюстрировано тем, что мы заставили Швейцарию, Швецию, Испанию и другие страны передать принадлежащие Германии активы. Например, в Швеции хранилось Немецкое имущество на сумму 104 миллиона долларов. В то же время у нас было 200 миллионов долларов шведских активов, которые мы "заблокировали", то есть вывели из-под шведского контроля во время войны. Мы использовали эти заблокированные средства в качестве клуба, чтобы заставить Швецию передать нам эти активы. После долгих переговоров она, наконец, передала Немецкие ресурсы на 77 миллионов долларов, а мы, в свою очередь, разблокировали 200 миллионов долларов шведских средств в Америке. Получив эти средства, мы конфисковали их и разделили награбленное с Великобританией и Францией.

Мы смогли получить половину из 200-250 миллионов долларов Немецких активов, хранящихся в Швейцарии, и вырвали из Испании Немецкие активы на сумму более 100 миллионов долларов. Мы использовали и используем все имеющиеся в нашем распоряжении средства и давление, чтобы искоренить и конфисковать Немецкие активы по всему миру, и в процессе, как свидетельствовал Клейтон, нанесли смертельный удар по Немецкой внешней торговле.

То, что мы официально признаем, что эта программа также уничтожит Германию и истребит Немецкий народ, было совершенно ясно сказано Клейтоном в его показаниях перед Комитетом Килгора. Доктор Шиммель, главный следователь, поинтересовался у заместителя государственного секретаря, правда ли, что Немцы успешно внедрились в южноамериканскую торговлю с целью приобретения превосходных информационных средств. Клейтон ответил:

"У Немцев это был не вопрос информации, это был в основном вопрос необходимости. Я имею в виду, что им нужно было вести внешнюю торговлю, им нужно было экспортировать, чтобы жить. У страны, как вы знаете, очень мало природных ресурсов. Единственные сколько-нибудь значимые природные ресурсы - это уголь и поташ, и они должны были экспортировать промышленные товары, чтобы приобретать сырье, необходимое для их экономической жизни, для их промышленности, и внешняя торговля была абсолютной необходимостью для Немцев. " (выделено автором)

Отнять у них внешнюю торговлю и сделать невозможным экспорт промышленных товаров - программа, отстаиваемая Клейтоном и воплощенная в Потсдамских соглашениях, - была равносильна, таким образом, вынесению смертного приговора Немецкому народу.

ИСТОЧНИКИ:

1. Henry Wales, Berlin, April 8, 1947, Chicago Tribune Press Service.
2. Lee Hills, Vienna, Austria, July 20, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
3. Edward P. Morgan, Berlin, Chicago Daily News Foreign Service. Cf. also Edd Johnson, Berlin, April 29, 1946, Chicago Sun Foreign Service.
4. William H. Stoneman, with U.S. 3rd Army, May 4, 1945, Chicago Daily News Foreign Service.
5. William H. Stoneman, with U.S. 3rd Army, May 8, 1945, Chicago Daily News Foreign Service.
6. Hal Foust, Frankfurt, Germany, Aug. 26, 1946, Chicago Tribune Press Service.
7. Chicago Sunday Tribune, Nov. 18, 1945, p. 22.
8. Associated Press, New York, July 24, 1946, Chicago Daily News.
9. United Press, Berlin, Sept. 25, 1946.
10. United Press, Moscow, Aug. 2, 1946, Chicago Daily News.
11. Allen Haden, Washington, Nov. 14, 1944, Chicago Daily News Foreign Service.
12. Edd Johnson, Berlin, Mar. 28, 1946, Chicago Sun Foreign Service.
13. James P. Warburg, The Chicago Sun, Aug. 5, 1946, p. 10.

Глава V:

БАСТАРДИЗАЦИЯ НЕМЕЦКОЙ РАСЫ

Завоеватели не только поставили перед собой цель уничтожить Германию экономически, разрушив три столпа производства, но они начали нападение на саму Немецкую расу, атакуя ее матерей. Из записей следует, что люди, собравшиеся в Ялте, намеренно сформулировали дьявольскую программу расовой дебилизации, которую они считали подходящим ответом на претензии на расовое превосходство.

Один Русский генерал сказал генералу Айре Икеру, командующему воздушными силами Средиземноморья: "Мы решили просто убить всех Немецких мужчин, взять 17,000,000 Немецких женщин, и это решит проблему". Что-то в этом приказе было явно умышленным. Миллионы Немецких мужчин брачного возраста, не убитых и не ставших инвалидами на войне, были отправлены в рабство, где они не могли защитить своих жен, возлюбленных, дочерей и сестер. А затем началось наступление.

С востока пришли Большевизированные монгольские и Славянские орды, многократно насилуя всех захваченных женщин и девушек, заражая их венерическими болезнями и оплодотворяя их будущей расой Русско-Немецких ублюдков. На западе Англичане использовали колониальные войска, Французы - Сенгальцев и Марокканцев, Американцы - чрезмерно высокий процент негров. Наш собственный метод не был таким прямым, как Русский: вместо применения физической силы мы заставляли Немецких женщин уступать свою добродетель, чтобы жить - получать еду, чтобы есть, кровати, чтобы спать, мыло, чтобы мыться, крыши, чтобы укрываться.

Сенатор Истленд из Миссисипи, совершив наблюдательную поездку по Европе, сказал своим коллегам в Сенате США в начале декабря 1945 года: "Добродетель женственности и ценность человеческой жизни - самые священные ценности цивилизованного человека, но сегодня в оккупированной Русскими Германией они стоят дешевле всего".

Из первых рук он узнал о таких происшествиях, как следующее, рассказанное священником в письме, тайно вывезенном из Бреслау, Германия, 3 сентября 1945 года:

"Бесконечной чередой нарушались права девочек, женщин и монахинь... Не просто тайно, в укромных уголках, а на виду у всех, даже в церквях, на улицах и в общественных местах, снова и снова подвергались нападениям монахини, женщины и даже восьмилетние девочки. Матери подвергались насилию на глазах своих детей, девочки - в присутствии своих братьев, а монахини - на глазах учеников. снова и снова до самой смерти и даже в виде трупов." [1]

Тем временем газетные заголовки уверяли нас, что "Иван и Джо - братья под кожей."

Премьер-министр Черчилль сказал Немцам в январе 1945 года, незадолго до того, как они безоговорочно капитулировали:

"Мы, союзники, не чудовища. Это, по крайней мере, я могу сказать от имени Организации Объединенных Наций... Мир, хотя и основанный на безоговорочной капитуляции, принесет Германии и Японии огромное и немедленное облегчение страданий и мучений." [2]

Когда наши Русские союзники "освободили" Данциг, они быстро освободили всех женщин от их добродетели и целомудрия - изнасиловав всех - от маленьких девочек до дам в возрасте 83 лет. 50-летняя учительница рассказывает, что ее племянница, 15 лет, была

изнасилована семь раз на следующий день после прихода Русских, а другая племянница, 22 лет, была изнасилована 15 раз в тот же день. Когда женщины города обратились за защитой, Русский офицер сказал им искать убежище в католическом соборе. После того, как сотни женщин и девушек были надежно укрыты внутри, туда вошли храбрые сыны матери-России и, "играя на органе и звоня в колокола, всю ночь устраивали неистовую оргию, насилуя всех женщин, некоторых более 30 раз." [3]

Католический пастор из Данцига заявляет: "Они даже насильовали восьмилетних девочек и расстреливали мальчиков, которые пытались заслонить своих матерей."

То же самое было во всех регионах, захваченных Коммунистическими армиями. Когда пал Берлин, командующий сказал своим Русским солдатам, что женщины города принадлежат им, чтобы они помогали себе сами. И они помогли! Единственным спасением для женщин было самоубийство.

Ниже приводится рассказ очевидца о том, что Русские делали в восточной Германии, написанный ветераном Американской газеты, который был взят в плен Немцами в Париже, а затем освобожден Русскими, с которыми он оставался в течение почти трех месяцев, пока они пробирались по восточной Германии и далее к Берлину и дальше:

"КРАСНЫЕ ТЕРРОРИЗИРУЮТ ПОБЕЖДЕННЫХ С НАСИЛИЕМ И СМЕРТЬЮ "Лондон, 4 августа 1945 г. - По мере того как длинная вереница Британских армейских "лори" (грузовых автомобилей), перевозивших Американских, Британских и Французских освобожденных военнопленных из Русской в главную Англо-Американскую зону Германии, проезжала по главной улице Бралсдорфа, последнего оккупированного Русскими города, из толпы наблюдавших за нами

Немец вынырнула симпатичная белокурая девушка и бросилась к нашему грузовику. "Цепляясь обеими руками за задний борт, она сделала отчаянную попытку забраться внутрь. Но мы ехали слишком быстро, а борт был слишком высок. После того, как ее протащило несколько сотен ярдов, она была вынуждена отпустить борт и упала на булыжную мостовую". "Эта сцена была драматической иллюстрацией того состояния ужаса, в котором находились женщины в оккупированной Русскими Восточной Германии. Все эти женщины, Немки, Польки, Еврейки и даже Русские девушки, "освобожденные" из Нацистских лагерей для рабов, были охвачены одним отчаянным желанием - бежать из Красной зоны."

"В районе вокруг нашего лагеря для интернированных - на территории, включающей города Шлаве, Лауэнбург, Буков и сотни более крупных деревень - Красные солдаты в первые недели своей оккупации изнасиловали всех женщин и девочек в возрасте от 12 до 60 лет. Это звучит преувеличенно, но это простая правда" (выделено автором).

"Исключение составляли только девушки, которым удавалось скрываться в лесах или у которых хватало ума симулировать болезнь - тиф, дифтерит или какую-нибудь другую инфекционную болезнь. Окрыленные победой - и часто вином, найденным в погребах богатых померанских землевладельцев, - Красные обыскивали каждый дом в поисках женщин, запугивая их из пистолетов или автоматов и тащили в свои танки или грузовики.

"Мужья и отцы, пытавшиеся защитить своих женщин, были застрелены, а девушки, оказывавшие крайнее сопротивление, были убиты".

"Через несколько недель после вторжения Красные "политические комиссии" начали объезжать сельскую местность якобы в поисках

членов Нацистской партии. В каждой деревне женщинам говорили, чтобы они явились для проверки документов в эти комиссии, которые просматривали их и задерживали тех, кто обладал сексуальной привлекательностью. Самых молодых и красивых забирали офицеры, а остальных оставляли на милость рядовых. "Этот террор продолжался до тех пор, пока я был с Красными в Померании. Несколько девушек, которых я знал во время моего плена, покончили жизнь самоубийством. Другие умерли после того, как их изнасиловали десять солдат подряд.

"В изолированном фермерском доме, где я и мой Французский товарищ провели три месяца после присоединения к Красным, жили восемь молодых девушек из соседних деревень, прятавшихся от Красных. Одна из них всегда стояла на страже, и при виде приближающихся Русских они убегали в соседний лес и прятались в густых зарослях. Иногда это происходило несколько раз в день, и у девушек никогда не было спокойной минуты, но пока мы были там, Красные никогда их не обнаруживали.

"Все эти девочки уже были изнасилованы, а три из них - одна маленькая девочка 13 лет - были беременны".

"Красная оккупация неизбежно оказывает пагубное влияние на нравственность жителей, и существующие условия анархии будут оказывать дурное влияние в течение многих лет. Многие женщины заразились венерическими болезнями, а теперь несколько молодых девушек присоединились к Красным ради удовольствия и еды и помогают им выслеживать своих соотечественников.

"При любой возможности девушки прикрепляются к освобожденным Англо-Американским или Французским военнопленным для защиты от Русских. Любопытно, что у Красных в этом отношении,

похоже, особый кодекс чести - они возьмут часы пленного Союзника, но не тронут его девушку.

"Когда Красная Армия начинает большое наступление, ее командиры в качестве поощрения войск открывают перспективы неограниченного изнасилования и грабежа, но позже они пытаются сдержать прилив похоти - не из соображений гуманности, а потому что это грозит подорвать дисциплину.

"Эскадроны казаков, используемые Красными, как и царем, в качестве конной полиции, периодически окружали деревни в Померании и обыскивали все дома в поисках дезертиров и беглецов, оставшихся с женщинами. Казаки безжалостно гнали солдат в тюрьму своими "нагайками" - казачьими плетьюми, но женщин они оставляли себе для собственного удовольствия." [4]

Отказав Ямасите в просьбе о помиловании, генерал Макартур в следующих словах осудил Японского лидера за жестокое обращение с беззащитными людьми:

"Солдат, будь то друг или враг, обязан защищать слабых и безоружных. Это самая суть и причина его существования. Когда он нарушает это священное доверие, он не только оскверняет весь свой культ, но и ставит под угрозу саму ткань международного общества. Традиции сражающихся мужчин давние и почетные. Они основаны на самой благородной из человеческих черт - самопожертвовании." [5]

Русские были не одиноки в нарушении этих принципов. Полицейские отчеты Штутгарта показывают, что во время Французской оккупации 1,198 женщин были изнасилованы и восемь мужчин подверглись насилию со стороны Французских войск, в основном Марокканцев. Доктор Карл Хартенштайн, прелат евангелической церкви города, оценил это число в 5,000. Фрау Шумахер, секретарь женского

отдела полиции, представив документальный отчет о многочисленных изнасилованиях, сообщила, что в ночь эвакуации города Французами был изнасилован и убит ребенок 9 лет, ее мать также была изнасилована и застрелена, а отец убит Марокканцами. В городе Вайльхинген с населением 12,000 человек, например, было зарегистрировано 500 случаев изнасилования.[6] Так было и в районах, оккупированных Французами.

Хотя значительное число Американских военнослужащих не поддались примеру других и депортировали себя в соответствии со своим Христианским происхождением, история наших оккупационных сил в целом мрачна.

Сообщение Associated Press из Нюрнберга, Германия, цитирует письмо, опубликованное в газете STARS AND STRIPES, написанное капитаном Фредериком Б. Юцлером, капелланом 478-го батальона Американского порта, в котором он утверждает, что поведение Американских солдат в Германии стало достойным сожаления. Он призвал газету "начать крестовый поход против этого позорного поведения, которое создает дурную славу нашей армии", и добавил: "Я имею в виду, в частности, предположение многих военнослужащих, что все Немецкие женщины аморальны, и это их привилегия - навязывать этим женщинам свое внимание и оскорблять их непристойными предложениями."[7]

В апреле 1946 года военные власти сочли необходимым "приструнить" и приказали строже придерживаться солдатских стандартов, чтобы не "дискредитировать" "прекрасную работу наших войск в целом."[8]

В том же месяце анонимный старший сержант написал в газете STARS AND STRIPES обвинение в том, что женатые мужчины в армии

боялись привозить своих жен в Германию, потому что многие Американские солдаты вели себя на людях как "натасканные волки" по отношению к женщинам. Он писал: "Поумнейте, мужчины. Самая трудная часть войны сейчас ведется не с пистолетами "томми", а с личностями. Давайте покажем Немцам, что мы мужчины, а не свиньи."

Сообщая об этом, Эдвард П. Морган из иностранной службы Chicago Daily News написал:

"Знал он или нет, но сержант затронул тему, которая уже давно является больным местом для Американских - и других - женщин на Европейском театре. Спросите почти любую женщину-корреспондента, которая хоть раз побывала в Европе, и она неохотно скажет вам, что поведение среднего Американского солдата на публике по отношению к женщинам "позорно" по сравнению с резервом и дисциплиной его Британских, Русских и Французских Союзников.

"Теперь, когда в Баварию пришла весна, одним из любимых развлечений военнослужащих в Нюрнберге, похоже, стало медленно проезжать по обочине на джипах и протягивать руки, чтобы похлопать по заднице испуганных фройляйн."[9]

Когда жены мужчин из наших оккупационных войск прибыли в Германию, для их защиты от непристойных приставаний со стороны Американских мужчин стало необходимо носить специальные значки на руках, чтобы отличать их от Немецких женщин.

Одним из последствий аморальности воющих волчьих стай Американских солдат является всплеск венерических заболеваний, достигший масштабов эпидемии. До нашего прибытия, хотя уровень заболеваемости вырос после возвращения Немецких солдат из Франции и Северной Африки, он все еще был умеренным и хорошо контролируемым. После нашего прибытия заражение резко возросло. В

декабре 1945 года только 7 процентов Немецких гражданских лиц, получавших лечение от венерических заболеваний, были мужчинами; к августу 1946 года, однако, мужчины составляли 41 процент пациентов. [10] Другими словами, заражение распространилось от наших солдат на Немецких женщин и, наконец, на Немецких мужчин.

Одним из последствий аморальности воюющих волчьих стай Американских солдат является всплеск венерических заболеваний, достигший масштабов эпидемии. До нашего прибытия, хотя уровень заболеваемости вырос после возвращения Немецких солдат из Франции и Северной Африки, он все еще был умеренным и хорошо контролируемым. После нашего прибытия заражение резко возросло. В декабре 1945 года только 7% Немецких гражданских лиц, получавших лечение от венерических заболеваний, были мужчинами; к августу 1946 года, однако, мужчины составляли 41% пациентов.[10] Другими словами, заражение распространилось от наших солдат на Немецких женщин и, наконец, на Немецких мужчин.

Большая часть заражения произошла от цветных Американских солдат, которых мы разместили в большом количестве в Германии и среди которых уровень венерических инфекций во много раз выше, чем среди белых солдат. В июле 1946 года текущий уровень инфицирования среди белых солдат составлял 190 на 1000 человек в год, что означает, что чуть менее чем каждый пятый будет инфицирован в течение года. Для сравнения, среди негров, расквартированных в Американской зоне Германии, этот показатель составлял 771 на тысячу человек![11] Говоря об этой общей проблеме, Ли Хиллс, иностранный корреспондент Chicago Daily News, пишет:

"Две самые большие головные боли в Американской оккупации Германии - это проблемы, которые мы принесли с собой. Первая - это

крайняя молодость и неопытность наших военнослужащих... Другая проблема - и настолько политически щекотливая, что Военное министерство боится ее решать - это интенсивное использование Негритянских Американских войск. В результате, несмотря на превосходное руководство армией на высшем уровне, Американский престиж неуклонно падает по сравнению с пиком, достигнутым в День Победы.

"Высшие чины в Германии, почти без исключения, считают, что это ошибка - держать здесь столько (42,000) Негритянских войск. 'Они просто не обучены и не дисциплинированы для этой работы, которая намного сложнее и деликатнее, чем боевые действия', - сказал один генерал. 'У них более высокий уровень преступности, уровень венерических заболеваний в несколько раз выше, чем у белых солдат, и они хуже справляются с проступками в целом'... Честно говоря, самая большая проблема возникает из-за того, что наши цветные солдаты встречаются с белыми Немецкими девушками. Это вызывает лютую ненависть среди Немецких мужчин. Многие наши собственные солдаты испытывают почти такую же ненависть." [12]

О том, что Немецкие женщины принимают ухаживания Американских солдат не по своей воле, а по суровой необходимости, свидетельствует тесная связь между уровнем венерических заболеваний и наличием продовольствия. Как пишет один из корреспондентов:

"Статистика показывает, что заболеваемость венерическими болезнями связана с питанием Немецкого гражданского населения во время нашей оккупации. После того, как прошлой осенью Немцам выдали зимний запас картофеля, количество зараженных солдат снизилось. По мере того, как фройляйн становились более голодными,

заражалось все больше солдат. Сокращение пайков прошлой весной также отразилось на увеличении числа венерических заболеваний"[13].

Немецкая пресса нарушила свое долгое молчание на тему венерического заражения в редакционной статье на первой полосе NEUE ZEIT, Советской лицензированной Берлинской газеты. Автор, молодая женщина-редактор по имени Ренате Ленгник, чей муж не вернулся из Американской зоны оккупации, где он был военнопленным, поразила крушению моральных устоев в сфере сексуальных отношений: Она писала:

"Есть мужья и возлюбленные, которые еще не вернулись. Многие никогда не вернуться. Есть девушки, у которых никогда не будет мужей. Есть безработица. Ученичество - это пустые обещания. Мало что внушает надежду.

"Тридцать пять процентов гражданских жертв венерических заболеваний - это девушки до 20 лет. Для большинства из них именно отчаяние обратило их к потворству сексу. Они нуждались в пище, одежде и жилье. Самое главное из того, чего им не хватало, - это надежда на нормальную, достойную жизнь.

"Врачи и полиция должны продолжать свою кампанию по искоренению без всяких ограничений. Мы также должны спасти дух, а также тела молодежи от деморализации."[14]

Главное отличие между Американскими и Русскими методами изнасилования безоговорочно капитулировавших женщин Германии - это Американский капиталистический, свободный экономический подход. ХРИСТИАНСКИЙ ЦЕНТР, за 5 декабря 1945 года, сообщает:

"Американский проректор-маршал подполковник Джеральд Ф. Бин, сказал, что изнасилование не представляет проблемы для военной полиции, потому что "немного еды, плитка шоколада или кусок мыла,

кажется, делают изнасилование ненужным". Подумайте об этом, если хотите понять, какова ситуация в Германии".

Доктор Джордж Н. Шустер, президент Хантер-колледжа, после посещения Американской зоны предъявил обвинение:

"Вы все сказали, когда заявили, что Европа - это место, где женщина проиграла свою извечную борьбу за приличия, потому что живут одни неприличные".

"За исключением тех, кто может установить контакты с военнослужащими, немцы не могут получить ничего - от мыла до обуви."[15]

Л.Ф. Файлвуд, написав в WEEKLY REVIEW, Лондон, 5 октября 1945 года, заявил:

"Молодые девушки, не имеющие пары, бродят по городу и свободно предлагают себя за еду или постель... Очень просто, у них остается одна вещь, которую можно продать, и они продают ее... Как способ умереть это может быть хуже голода, но это отсрочит смерть на месяцы - или даже годы."[16]

Важно отметить, что Потсдамская декларация заявляет:

"Союзные армии оккупировали всю Германию, и Немецкий народ начал искупать ужасные преступления, совершенные под руководством тех, кого в час их успеха он открыто одобрял и слепо повиновался."

Она не заявляет, что преступления, которые будут совершены Союзными оккупационными армиями, затмят те, в которых обвинялись Нацистские армии. Теперь, когда война закончилась и пыл боевых действий утих настолько, что мы можем снова взглянуть на холодные факты, Американцы должны понять, что многое из того, во что их заставляли верить, было порождено пропагандой, что Немецкая армия,

например, на самом деле вела себя очень корректно по отношению к жителям оккупированных территорий, правительства которых подписали Гаагскую и Женевскую конвенции. Эти факты теперь хорошо известны и не подлежат сомнению, несмотря на противоположную картину, которая ранее рисовалась в прессе как часть ужасного дела войны.

Уильям Л. Ширер в своем "Берлинском дневнике" (стр. 412) 17 июня 1940 года, в первый период Немецкой оккупации, описал, как многие Французские женщины бежали из Парижа, опасаясь того, что с ними могут сделать Немецкие войска.

"Похоже, - писал он, - парижане действительно верят, что Немцы будут насиловать женщин и поступать еще хуже с мужчинами... Те, кто остался, тем более поражены очень корректным поведением войск - до сих пор."

И их поведение не изменилось.

Фредерик К. Кроуфорд, президент компании Thompson Products, после инспекционной поездки, в ходе которой он вместе с другими сотрудниками военного министерства посетил районы, где Немцы находились в оккупации в течение четырех лет, в своем "Докладе с фронта войны" сказал:

"Немцы старались быть осторожными в общении с людьми... Нам говорили, что если гражданин строго занимается делами и не предпринимает никаких политических или подпольных действий против оккупационной армии, то к нему относятся корректно." [17]

ИСТОЧНИКИ:

1. From "In den Haenden unserer russischen Allierten," Der Wanderer, April 11, 1946.
2. Time, Jan. 29, 1945.
3. Nord-Amerika, Dec. 6, 1945, as summarized by Dr. A.J. App, Slave-Laboring German Prisoners of War.
4. B.J. Kospoth, London, August 4, 1945, Washington Times Herald, and Congressional Record, Dec. 4, 1945, p. 11554.
5. Walter Trohan, Washington, Feb. 6, 1945, Chicago Tribune Press Service.
6. David Darrah, Stuttgart, Germany, July 24, 1945, Chicago Tribune Press Service.
7. Associated Press, Nuremberg, Germany, Feb. 24, 1946.
8. Associated and United Press, Frankfurt, Germany, April 24, 1946.
9. Edward P. Morgan, Nuremberg, Germany, April 3, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
10. Hal Foust, Berlin, Aug. 17, 1946, Chicago Tribune Press Service.
11. Hal Foust, Berlin, July 22, 1946, Chicago Tribune Press Service.
12. Lee Hills, Frankfurt, Germany, Aug. 8, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
13. То же, что и №11.
14. То же, что и №10.
15. Dr. A.J. App, Ravishing the Women of Conquered Europe.
16. Catholic Digest, December, 1945.
17. Requoted from Dr. A.J. App, Ravishing the Women of Conquered Europe.

Глава VI:

ГОЛОД НАРОДА

Учитывая все, что произошло в Германии, неудивительно, что люди столкнулись с острой нехваткой предметов первой необходимости, особенно продуктов питания.

Спустя несколько месяцев после окончания войны, когда завоеватели взяли на себя полный контроль над правительством Германии и, следовательно, ответственность за Немецкий народ и его будущее, епископ Чичестера, цитируя одного известного Немецкого пастора, сказал:

"Тысячи трупов висят на деревьях в лесах вокруг Берлина, и никто не удосуживается их срезать. Тысячи трупов уносит в море реками Одер и Эльба - этого уже не замечают. Тысячи и тысячи умирают от голода на автострадах... Дети бродят по шоссе одни, их родители застрелены, мертвы, потеряны."[1]

В радиোগрамме, переданной в "Нью-Йорк Таймс" в апреле 1946 года, говорится:

"Подобно полудиким бродягам России после Первой мировой войны, молодежь Германии отправилась в путь... потому что дома не хватало еды. Бездомные, без документов и продовольственных карточек... эти группы грабят Немцев и перемещенных лиц. Они... бесцельно бродят, разочарованные, беспутные, больные и без руководства."[2]

Несмотря на условия, Немецкий народ ведет мужественную борьбу за существование. После пятинедельного турне по Европе, включая

Германию, Малкольм Мьюир, издатель BUSINESS WEEK, заявил в клубе Union League Club of Chicago:

"Немцы прилагают все усилия, чтобы помочь себе... Нередко можно увидеть дойную корову, привязанную к плугу, женщину, ведущую корову, и маленького мальчика, управляющего плугом." [3]

Оставшаяся уборочная техника в основном маленькая, старомодная и изношенная, часто бесполезная из-за отсутствия запчастей. Тягловую работу выполняют животные и люди. Там, где есть возможность, используют быков, а лошадь и корова, запряженные вместе, - обычное дело. Нередко можно увидеть повозку с соломой, движущуюся по дороге с одним-двумя стариками на запятках и толпой женщин и детей, толкающих ее. Один наблюдатель пишет:

"О бедственном положении Немцев свидетельствуют сцены на полях, которые хозяева тщательно убирают. Можно видеть, как жители деревни, старики, женщины и дети, подбирают с земли по одному зерну, чтобы потом отнести их домой в мешке размером с хозяйственную сумку" [4].

Урожайность сельскохозяйственных культур снизилась из-за пятилетнего дефицита удобрений, который продолжается, а также из-за того, что, как уже упоминалось, почва в большинстве своем обрабатывалась от 1,000 до 2,000 лет.

Запасы продовольствия, которые были достаточными на момент окончания войны, вскоре истощились, отчасти благодаря преднамеренному уничтожению армиями вторжения, а в случае Русских и Французов - оккупационными армиями, живущими за счет земли. Когда мы впервые вторглись в Нормандию, мы были удивлены большими запасами продовольствия, которые мы обнаружили. То же самое было и в других местах". Хотя его заявление резко контрастировало с текущей

пропагандой, согласно которой вся Европа голодает, профессор Теодор Шульц из Чикагского университета в ноябре 1943 года сказал, что континентальная Европа в том году собрала хороший урожай, что "сельскохозяйственное производство настолько хорошо сохранилось, несмотря на войну, что Европа удовлетворит 90-95% своих потребностей в продовольствии в течение года после объявления мира." [5] Хотя распределение было нарушено в конце войны, совокупные запасы продовольствия были большими. Но под управлением союзников они были вскоре растрочены.

Ситуация, усугубленная потерей восточной "хлебной корзины" и большим количеством перемещенных лиц и эвакуированных с востока, стала критической, а затем и катастрофической.

В течение шести месяцев наше военное правительство отказывалось поставлять продовольствие извне, чтобы пополнить исчезающие Немецкие запасы; однако ужасные последствия этой политики в конце концов настолько въелись в жесткие шкуры оккупационных властей, что к декабрю они обратились к правительству США с просьбой прислать достаточное количество продовольствия, чтобы предотвратить всеобщий голод. Помощь наконец-то была обещана, и после многих душераздирающих задержек прибыла целая капля.

Об интенсивности голода, через который проходит Германия, можно судить, сравнив Немецкий рацион с нашим и с тем, что, как показывают эксперименты, является минимальным для поддержания жизни.

Средний ломтик хлеба содержит около 200 калорий. Средняя Американская диета составляет 3,000 калорий на человека в день. Для поддержания веса и здоровья лесорубу требуется до 7,600 калорий,

активной женщине - не менее 3,000.[6] Герберт Гувер, известный своей работой по борьбе с голодом, говорит, что 2,200 калорий - "это минимум в нации для здоровых людей."[7]

Были проведены различные исследования, чтобы определить влияние субнормальных диет и пределы голодания. Университет Миннесоты во время войны провел испытание, в ходе которого группа сознательных отказников добровольно жила несколько месяцев на ежедневной диете в 1,650 калорий. В течение шести месяцев каждый мужчина потерял четверть своего веса, испытывал обмороки, головокружение и чувство постоянного холода. Их сердца уменьшились, и некоторым приходилось даже летом укрываться двумя одеялами. Все они потеряли три четверти своей энергии и работоспособности. "Постепенно каждый человек стал замыкаться в себе, избегать общения... Главным интересом в жизни стала следующая еда."[8]

Медицинская школа Северо-Западного университета провела аналогичный эксперимент с похожими результатами. Диета с содержанием белка и витаминов 40% и 25% от нормы, соответственно, была опробована с результатами, которые, по словам доктора Эндрю К. Айви, "открывают мрачные перспективы для жителей стран с ограниченным питанием". По его словам, в течение первых полутора месяцев у пациентов не было замечено никаких изменений; "однако после шести недель у них наблюдалось медленное, прогрессирующее ухудшение физического и психического здоровья, сопровождавшееся потерей выносливости, поражением кожи, болями в ногах и умственной медлительностью". Вернуть испытуемых к нормальной жизни было трудно: "время восстановления ни в одном случае не было меньше месяца."[9]

В ответ на вопрос о минимальных диетах Национальный Исследовательский Совет заявляет:

"Наилучшие доказательства, имеющиеся в распоряжении Комиссии, указывают на то, что взрослые Европейские мужчины, потребляющие в среднем от 1,400 до 1,700 калорий в течение шести месяцев, страдают от: 1) Снижение работоспособности (выносливости) до такой степени, что можно будет эффективно выполнять только очень легкую работу, умеренно тяжелую работу и совсем не выполнять тяжелую работу. 2) Потеря способности к умственной концентрации, связанная с апатией, депрессией и высоким уровнем раздражительности. 3) Повышенная восприимчивость к инфекциям и заразным заболеваниям... Способность населения поддерживать или увеличивать собственное общественное производство продуктов питания, не говоря уже о других товарах, будет снижена. Во-вторых, будет меньше надежд на создание приемлемой политической организации сообщества. В-третьих, можно ожидать, что население, находящееся на таком низком уровне продовольственного обеспечения, будет подвержено развитию эпидемий, которые могут распространиться на другие страны и, следовательно, представлять опасность для всего мира." [10]

Эти факты доказывают мучительный характер пайка, навязанного Немецкому населению завоевателями. В Американской зоне, где уровень был постоянно выше, чем в других зонах, базовый рацион после Дня Победы колебался между максимумом в 1,550 и минимумом в 1,180 калорий на человека в день. Вот данные: до 11 ноября 1945 года — 1,262 калории; с этой даты по март следующего года — 1,550 калорий; с 1 апреля 1946 года по большую часть мая следующего года — 1,275 калорий; с тех пор и до конца лета — 1,180 калорий. В августе 1946 года

она была повышена до 1,350 калорий, а осенью восстановлена до 1,550 калорий, где она должна была оставаться в течение зимы 1946-47 годов.

Герберт Гувер в апреле 1946 года, комментируя ситуацию в Европе в целом, назвал уровень в 1,550 калорий "мрачной и опасной базой" и сказал: "При таком уровне, как мы полагаем, большинство взрослых смогут продержаться в течение короткого периода в четыре месяца до следующего урожая. Здоровье детей станет восприимчивым к болезням. Многих из детей и стариков покинут силы." [11] Последствия сохранения базового Немецкого рациона на уровне 1,500 калорий или ниже после Дня Победы нетрудно представить. Хотя некоторым Немецким рабочим, например, фермерам и шахтерам, разрешен несколько более высокий рацион, базовый рацион распространяется на подавляющее большинство, включая домохозяек и детей. Поэтому такие сообщения, как следующее, сделанное чиновником продовольственного отдела Американского военного правительства, не должны вызывать удивления. [12]

"Величайшая голодная катастрофа последних столетий надвигается на нас в центральной Европе. Наше правительство подводит наше военное правительство в поставках продовольствия, которые оно обещало, хотя то, что просили и обещали генералы Клей, Дрейпер и Хестер, было самым минимальным для выживания людей. Мы будем вынуждены сократить пайки с 1,550 калорий до 1,000 или менее калорий.

"Немногочисленные ростки демократии сгорят в агонии смерти стариков, женщин и детей.

"Британцы и мы будем официально заявлены как те, кто позволил Немцам голодать. Русские выпускают в разгар голода значительные запасы продовольствия, которые они держали под замком (300,000 -

400,000 тонн сахара, большое количество картофеля). "Помимо бесчеловечности, это преступно глупо - устраивать такой спектакль невероятной глупости на глазах у всего мира. Это заставляет стыдиться всех многих трудолюбивых офицеров Управления военного правительства, продовольственного и сельскохозяйственного отделения.

Карл Брандт

Берлин, Германия, 18 марта 1946 года."

Нижеследующее взято из отчета, подготовленного Центральным Управлением Здравоохранения Германии, Немецким агентством, созданным Российскими оккупационными властями:

"Народ голодает. Они считают ответственными за свое состояние только непосредственное настоящее. У них нет энергии, чтобы проследить связь причин. Они забыли даже Гитлера. За пределы непосредственного настоящего их способность воспроизводить даже память не выходит. Растет, словно по психологическому принуждению, массовая истерия с тысячей различных симптомов наркомании, пьянства, извращений, садизма, убийств и инфантилизма... Ситуация доходит до общепсихопатологического состояния из-за хронического голода. Мы наблюдаем такие отклонения, которые раньше были известны только среди застрявших и голодающих моряков в спасательных шлюпках, или измученных жаждой людей, забытых караванами в песках пустыни. В народных массах все чаще невозможно обнаружить мнения. У них есть только животные побуждения.

"Объяснение этого массового явления, этого умственного и духовного паралича - физическое. Они истощены до костей. Их одежда

болтается на теле, нижние конечности похожи на кости скелета, руки трясутся, как при параличе, мышцы рук увяли, кожа лежит складками и лишена эластичности, суставы пружинят, как будто сломаны.

"Вес женщин среднего роста и телосложения упал намного ниже 110 фунтов. Часто женщины детородного возраста весят не более 65 фунтов. Число мертворожденных детей приближается к числу родившихся живыми, и все большая часть из них умирает через несколько дней. Даже если они появляются на свет с нормальным весом, они сразу же начинают терять вес и вскоре умирают. Очень часто матери не выдерживают потери крови при родах и погибают. Младенческая смертность достигла ужасающей отметки в 90 процентов." [13]

Следующее сообщение из Висбадена, Германия, рассказывает о жребии, постигшем детей:

"Эти толстые, круглощекие, пухлощекие Немецкие дети, так хорошо известные по картинкам и рассказам, - помните их?"

"Они из другой эпохи. Сейчас их не видно.

"Я сидел с матерью, наблюдая, как ее восьмилетняя дочь играет с куклой и коляской, ее единственными игрушками. Потом она пришла ужинать - черствый коричневый хлеб, три тонких ломтика пресованной колбасы, чашка заменителя кофе. Ее ноги были крошечными, с выпирающими суставами. На руках не было плоти. Кожа была натянута на кости, глаза темные, глубоко посаженные и усталые. "Она выглядит неважно", - сказал я.

"Шесть лет войны", - ответила мать в той спокойной манере без тона, которая так часто встречается здесь сейчас. 'У нее не было шанса. Ни у кого из детей не было. У нее плохие зубы. Она так легко подхватывает болезни".

"Она смеется и играет - да, но скоро она устает. Она никогда не знала", - и глаза матери наполнились слезами, - "что такое не быть голодной." "Было ли так плохо во время войны? спросил я.

"Не так плохо, - ответила она, - но совсем не хорошо. А теперь мне сказали, что пайка хлеба будет меньше. Что же нам делать, всем нам?

"Шесть лет мы страдали. Мы любим нашу страну. Мой муж был убит - его вторая война. Мой старший сын находится в плену где-то во Франции. Другой мой сын потерял ногу. Вот что Нацисты сделали для нас. А теперь...

"К этому времени она уже плакала. Я дал этой девочке батончик "Херши", и она плакала - от чистой радости, - когда держала его в руках. К этому времени я и сам был не слишком бодр... Но это дает вам представление."[14]

Доктор Лоуренс Мейер, исполнительный секретарь Лютеранской церкви, Миссурийский синод, после возвращения из Германии сказал 13 января 1946 года:

"Германия буквально кишит детьми. Восемь детей на семью - ничего необычного. Миллионы этих детей должны умереть, прежде чем появится достаточно пищи. Во Франкфурте в детской больнице было выделено 25 из 100 детей. Их будут кормить и поддерживать жизнь. Лучше накормить 25 достаточно, чтобы сохранить им жизнь, и оставить 75 голодать, чем накормить 100 на короткое время и оставить их всех голодать."[15]

Дороти Томпсон сообщила:

"В Берлине в августе 1945 года из 2,866 родившихся детей умерло 1,148, и это было летом, а еды было больше, чем сейчас... Из Вены

надежный источник сообщает, что... детская смертность приближается к 100 процентам."[16]

Эдд Джонсон из Р.М. 3 октября 1945 года написал из Германии:

"Уровень младенческой смертности сегодня в 16 раз выше, чем в 1943 году... Произойдет определенная элиминация возрастных групп. Большинство детей до 10 лет и людей старше 60 лет не смогут пережить предстоящую зиму."[17]

Сообщение Американской прессы из Берлина от 8 февраля 1946 года гласит:

"Официальное сообщение о том, что две Немецкие женщины были убиты, а их плоть продана на черном рынке продуктов питания, вызвало сегодня опасения, что здесь действуют организованные банды мясников. Представители отдела уголовных расследований Немецкой полиции заявили, что было установлено только два случая убийства ради плоти, но возможно, что мясники действуют в гораздо больших масштабах, убивая своих жертв и продавая их плоть на местных черных рынках."[18]

Хэл Фауст писал из Берлина, 20 февраля 1946 года:

"Немцы массово умирают не столько от голода, сколько от болезней, усугубляемых острым недоеданием."[19]

Сообщение United Press из Гамбурга, Германия, 22 марта 1946 года, гласит:

"Сегодня 33 рабочих скончались от голода - первые признаки голода проявились в этом районе - враждебность среди гамбургских рабочих классов растет, а продовольственные беспорядки продолжаются в Гамбурге четвертый день подряд."[20]

Дороти Томпсон написала:

"Дети Европы голодают. Шесть лет войны, неописуемые разрушения и безумная политика, усугубившая дезинтеграцию, унаследованную от краха Нацистского режима, сделали свое дело. Германия, а вместе с ней и Европа, катится в пропасть.

"Факты наконец-то становятся известны благодаря тому, что здесь было равносильно заговору молчания... Эта война велась Западом во имя Христианской цивилизации, четырех свобод и человеческого достоинства против тех, кто совершал преступления против человечества. Но политика, которая неизбежно должна привести к послевоенному уничтожению десятков тысяч детей, также является "преступлением против человечности." [21]

Генерал армии Дуайт Д. Эйзенхауэр в ноябре 1945 года торжественно предупредил, что если наша военная победа будет иметь долговременное значение, Соединенные Штаты и другие страны должны "помочь опустошенным войной странам встать на ноги", и добавил:

"Если эта горькая ситуация не станет настолько катастрофической, что заставит меня задуматься, стоило ли брать в руки оружие против Нацистов, мы в Соединенных Штатах - которые действительно являются страной изобилия по сравнению с Европой - должны быть готовы нести тяжелую ответственность" [22].

После того, как 13 апреля 1946 года Герберт Гувер, занимавший пост председателя Комиссии по расследованию голода при президенте Трумэне, представил мрачный доклад о продовольственном положении Германии, генералы Джозеф Т. Макнарни и Люциус Клей заявили в официальном заявлении:

"Политическая стабильность не может развиваться в условиях, которые создают политическую апатию. Политическая апатия может быть преодолена у населения, которое должно посвящать все свои силы

ежедневному поиску пищи". Политическая стабильность в Германии тесно связана с политической стабильностью в остальной Европе.

"Немецкие транспортные средства необходимы для перевозки грузов помощи и экспорта по всей Европе. Немецкие рабочие должны быть использованы для укомплектования имеющихся транспортных средств.

"Немецкий уголь жизненно важен для Европы. Немецкий поташ, соль, пиломатериалы, запчасти и другие товары нужны всей Европе. Производство угля в Руре значительно сократилось после недавнего сокращения продовольствия. Без продовольствия Германия не может производить уголь. Без угля Германия не может производить удобрения, а если она не производит удобрения, она не может улучшить свое продовольственное снабжение." [23]

Далее в заявлении указывалось, что Американская зона даже в нормальные времена была дефицитной в отношении продовольствия, что потребовало 2,000,000 тонн импорта в 1943-44 годах. В нем говорилось, что Немецкий экономический насос должен быть подкачан за счет импорта продовольствия, поскольку Американская зона и другие западные районы не могут производить достаточно продукции для поддержания жизни даже на голодном уровне.

Через десять месяцев после Дня Победы в нашей зоне AMG ввезла всего 600,000 тонн продовольствия, что составляло примерно одну унцию на человека. Тем не менее, офицеры AMG просили гражданских лиц напомнить Немцам, что они в долгу перед Америкой за то, что она их кормит. [24]

Доказательства преднамеренного голода в Германии

Сенатор Гомер Э. Кейпхарт из Индианы в своем выступлении в Сенате США 5 февраля 1946 года, в частности, сказал:

"Факт больше нельзя скрывать, а именно тот факт, что это было и остается преднамеренной политикой конфиденциальной и заговорщической клики в руководящих кругах этого правительства, чтобы выманить и четвертовать нацию, которая сейчас доведена до крайней нищеты.

"В этом процессе эта клика, подобно стае гиен, борющихся за кровавые внутренности трупа, вдохновляемая садистской и фанатичной ненавистью, полна решимости уничтожить Немецкую нацию и Немецкий народ, независимо от последствий.

"В Потсдаме представители США, Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик торжественно подписали следующую декларацию принципов и целей:

"В намерения Союзников не входит уничтожение или порабощение Немецкого народа". "Господин президент, циничное и жестокое отречение от этих торжественных заявлений, которое привело к крупной катастрофе, не может быть объяснено с точки зрения невежества или некомпетентности. Этот отказ не только от Потсдамской декларации, но и от всех законов Божьих и человеческих, был преднамеренно спланирован с таким злобным коварством и с таким дьявольским мастерством, что Американский народ сам оказался в международной смертельной ловушке. "Вот уже девять месяцев эта администрация проводит преднамеренную политику массового голода без какого-либо различия между невинными, беспомощными и виновными.

"Первый вопрос был и остается чисто гуманитарным. Эта порочная клика в администрации, ответственная за политику и практику, которые

превратили Центральную Европу в сумасшедший дом, не только предала наши Американские принципы, но они предали солдат, которые страдали и погибли, и они продолжают предавать Американских солдат, которые вынуждены продолжать за них грязную работу.

"Второй вопрос, о котором идет речь, - это влияние этой трагедии в Германии на другие Европейские страны. Те, кто несет ответственность за это преднамеренное разрушение Немецкого государства и преступное массовое голодание Немецкого народа, были настолько ревностны в своей ненависти, что все другие интересы и заботы были подчинены этой единственной навязчивой идее мести. Для достижения этой цели не имело значения, будут ли страдать и голодать освобожденные страны Европы. К этому клика заговорщиков и обратилась: "Германия должна быть уничтожена. Что при этом произойдет с другими странами Европы, имеет второстепенное значение".

Эти высказывания перемежались массой подтверждающих доказательств.

Не может быть никаких сомнений в том, что была предпринята намеренная попытка скрыть факты от Американской общественности. Например, сенатор Истленд из Миссисипи, выступая в Сенате США 3 декабря 1945 года с волнующим обращением, разоблачающим хаотические условия в Германии, рассказал о больших трудностях, с которыми он столкнулся, получив доступ к официальному отчету об условиях в Рейхе, подготовленному Кальвином Гувером. Он сказал, что Государственный департамент сначала отказался предоставить ему копию доклада, но благодаря заступничеству высокопоставленного чиновника в департаменте ему удалось получить его, но только "при понимании и обещании, полученном от меня вначале, что содержащаяся

в нем информация будет доступна народу этой страны". Сенатор Истленд продолжил:

"Создается впечатление, что существует заговор молчания с целью скрыть от нашего народа истинную картину условий в Европе, скрыть от нас факты о состоянии континента и информацию о нашей политике в отношении Немецкого народа...

Утаиваются ли реальные факты, потому что наша политика настолько жестока, что Американский народ не одобрил бы ее?

"Что нам скрывать, господин президент? Почему эти факты должны быть скрыты от народа Соединенных Штатов? Не может быть никакой уважительной причины для секретности. Мы следуем политике мстительной ненависти, политике, которая не была бы одобрена Американским народом в целом, если бы он знал истинные условия? "Господин президент, я был бы менее чем честен, если бы не сказал откровенно, что картина настолько хуже, настолько более запутанная, чем подозревает Американский народ, что я не знаю ни одного источника, способного дать полный фактический отчет об истинной ситуации, в которую наша политика привела Американский народ. Правда в том, что страны центральной, южной и восточной Европы плывут по течению анархии и хаоса." [25]

Виктор Голланц, влиятельный Британский издатель и памфлетист левого толка, в своей книге "Оставить их на произвол судьбы - этика голодания", собрав множество доказательств, объясняет голодание такими словами:

"Простым фактом является то, что когда весна в Английском воздухе, мы морим голодом Немецкий народ, и мы морим его голодом не сознательно в том смысле, что предпочитаем его смерть собственным неудобствам.

"Другие, включая нас самих, должны сохранять или получать удобства, в то время как Немцам не хватает самого необходимого для существования. Если выбор стоит между дискомфортом для другого и страданиями для Немца, то Немец должен страдать; если между страданиями для другого и смертью для Немца, то Немец должен умереть".

Он описывает обильный Британский рацион и запасы продовольствия, в то время как Немцы голодают, и говорит:

"Запасы продовольствия и продуктов питания в стране, находящиеся в собственности и под контролем министра продовольствия, за исключением запасов на фермах или у вторичных оптовиков и производителей, по оценкам, составили на последний день марта не менее 4,000,000 тонн."

Он отвергает тезис о том, что мы должны морить Немцев голодом, потому что они морили бы нас голодом, если бы победили, на том основании, что те, кто рассуждает как Нацисты, ничем не лучше Нацистов. Он мог бы добавить, что морить голодом детей вражеской страны - значит признать, что у нас есть вражеские дети. Одна из ведущих ежедневных газет считает, что Голланц не сумел проникнуть в глубины позора:

"Напротив, он [голод] является продуктом предвидения. Он был сознательно спланирован в Ялте Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем, и эта программа во всей своей жестокости была позже подтверждена Трумэном, Эттли и Сталиным... Намерение уморить Немецкий народ голодом осуществляется с безжалостностью, неизвестной в западном мире со времен монгольского завоевания." [26]

В то время как Немцы голодали, запасы продовольствия были в достатке даже ближе к Германии, чем в Англии. На одной и той же

странице газеты осенью 1945 года появились две статьи под следующими заголовками:

"ЗАПАДНЫМ НЕМЦАМ ПРЕДСТОИТ ТЯЖЕЛАЯ БОРЬБА С ГОЛОДОМ"

"ПРИХОДИТЕ И ПОЛУЧИТЕ ЭТО", - ГОВОРIT ДАНИЯ ГОЛОДНОЙ ЕВРОПЕ" Статья под последним гласит:

"Измученному датскому фермерству удалось увеличить поголовье свиней почти до двух миллионов, что составляет 60% от довоенного поголовья, а на прошлой неделе на убой было предложено 45,000 голов живого скота, от 32,00 из которых пришлось отказаться, так как склады заполнены до отказа, а отгрузки не было.

"Дания тщетно обращала внимание Великобритании, США и UNRRA на эти факты, одновременно направляя предложения, но до сих пор не получила никакого ответа.

"Огромные холодильные склады на севере Германии не используются, а суда-рефрижераторы простаивают в северогерманских гаванях. В то же время убойные пункты вынуждены возвращать живой скот фермерам, а скот в результате сбоя в работе распределительных механизмов потребляет корма, которые в противном случае могли бы пойти на дальнейшее увеличение производства.

"Дания будет рада, если общественное мнение побудит объединенный судоходный пул, UNRRA и другие заинтересованные агентства преодолеть трудности и обеспечить доставку грузов, необходимых для опустошения "лопающихся кладовых Европы." [27]

Сообщение Associated Press из Копенгагена месяцем ранее рассказывало ту же историю:

"В то время как остальная Европа жаждет мяса, Дания еженедельно имеет от 3,000 до 4,000 тонн излишков говядины, которые не могут быть экспортированы из-за отсутствия места для перевозки. Хёгсбро Хольм, постоянный секретарь сельскохозяйственного совета Дании, заявил сегодня, что за последние шесть недель у фермеров было до 16,000 голов скота, готовых к забою, но Дания смогла использовать и экспортировать только 10,000. Хольм сказал: "Мы пытались найти транспорт, по крайней мере, в течение двух месяцев, но до сих пор ничего не готово принять мясо." [28]

Другое сообщение, написанное Робертом Конвеем из New York News 22 марта 1946 года из Рима под заголовком: "ЕВРОПЕЙСКИЙ 'ДЕФИЦИТ' ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕМ":

"В связи с прибытием бывшего президента Гувера с продовольственной миссией, очень важно, чтобы Американская общественность узнала простые факты о грубо преувеличенных разговорах о нехватке продовольствия в Европе.

"Англия не голодает, хотя продовольствия не хватает. Франция живет лучше, чем Англия, а Италия - лучше, чем Франция. Богачи и рэкетеры роскошно питаются в Лондоне, Париже и Риме, а бедняки в Италии получают пайки, эквивалентные рациону, которым наслаждались в 1937 году на пике эпохи процветания Муссолини.

"Англия - единственная из трех стран, которая предпринимает честные, серьезные усилия по нормированию продуктов питания и одежды и контролю над ценами. Во Франции дела обстоят лучше, чем в Италии, но черный рынок в Париже процветает по всем видам товаров. Италия эксплуатирует все на фантастическом черном рынке, основанном на презрении большинства нации к невежеству Союзных -

главным образом Американских - офицеров в отношении языка, обычаев и традиционной системы бартера и попрошайничества.

"Кроме того, некоторые офицеры откровенно сотрудничают в различных рэкетах". "Я обнаружил, что в Лондоне, Кентербери и других Английских городах можно хорошо и дешево поесть. Аналогичная ситуация в Париже и его окрестностях. Затем я приехал в Италию, которая является настоящей страной изобилия, хотя во всех трех странах рестораны черного рынка поставляли стейки, яйца, фрукты и другие деликатесы по ценам, эквивалентным ценам ресторанов в Нью-Йорке.

"Задача выяснения истины о продовольственной и экономической ситуации является трудной, и если для этой цели не будет предоставлен лучший и более опытный персонал, чем тот, который имеется в постоянной союзной администрации здесь, то мистер Гувер получит искаженную и неадекватную картину." [29]

На то, что рекламируемый Вашингтоном всеобщий Европейский голод по большей части является Немецким, как сообщил сенатор Батлер из Небраски после поездки по 33 странам, указывает тот факт, что UNRRA использовалась "для финансирования правительств, а не для того, чтобы накормить голодных". UNRRA фактически поддерживала эти правительства, в основном сателлиты Советского Союза, поставляя им товары на миллиарды долларов, которые они, в свою очередь, продавали тем, у кого были деньги на покупку, принося себе таким образом огромные доходы вместо налогов. [30] В Германии, где широко распространены голод и нищета, UNRRA специально запрещено функционировать на благо кого-либо, кроме "перемещенных лиц", и то только путем реквизиций у голодающих немцев. [31] В августе 1946 года

Сирил Осборн, М.Р., осудил так называемое агентство помощи ООН как "самый большой рэкет в Европе".

Кроме того, в пострадавшем Рейхе не было разрешено функционировать Центральному Красному Кресту. И уже стало историей, что Вашингтонская администрация почти год горячо сопротивлялась всем усилиям по оказанию частной помощи Немцам, и разрешила лишь жалкие крохи, когда, наконец, разрешила, по настоятельной просьбе чиновников AMG. Она установила лимит в 2,000 тонн в месяц, ограничив посылки 11 фунтами и 72 дюймами в обхвате, а стоимость доставки составила 14 центов за фунт.

Сенатор Альберт У. Хокс из Нью-Джерси обратился к президенту с настоятельным призывом разрешить доставку частных посылок с гуманитарной помощью, чтобы предотвратить массовый голод Немецкого народа. В своем ответе от 21 декабря 1945 года президент Трумэн признался, что "пока нет возможности осуществлять доставку индивидуальных посылок в Германию", поскольку "почтовая система, а также системы связи и транспорта Германии находятся в состоянии полного коллапса". Затем он сказал:

"Наши усилия были направлены в первую очередь на заботу о тех, кто воевал с нами, а не против нас - Норвежцах, Бельгийцах, Голландцах, Греках, Поляках, Французах. В конце концов, вражеским странам будет уделено некоторое внимание.

"Хотя у нас нет желания быть излишне жестокими по отношению к Германии, я не могу испытывать большого сочувствия к тем, кто стал причиной смерти стольких людей от голода, болезней и откровенных убийств, в дополнение ко всем разрушениям и смертям войны. Возможно, со временем в Германии будет создано достойное правительство, и она снова сможет занять свое место в семье народов.

Я думаю, что пока никто не должен быть призван расплачиваться за несчастье Германии, кроме самой Германии.

"Пока не будут преданы забвению несчастья тех, кого Германия угнетала и мучила, не представляется правильным направлять наши усилия на саму Германию. Я признаю, что в Германии, конечно, есть много невинных людей, которые не имеют никакого отношения к Нацистскому террору. Однако административное бремя, связанное с попытками найти этих людей и относиться к ним иначе, чем к остальным, является почти непреодолимым." (выделено автором)[32]

Это письмо совершенно ясно показывает, что мы намеренно дискриминируем "Немцев", что Трумэн проявлял по меньшей мере жестокость в обращении с ними, и что он не имел ни малейшего представления о Немецких детях, как таковых, и о муках, которые они должны испытывать, хотя они, несомненно, "имеют мало отношения к Нацистскому террору" и, конечно, могут быть так же легко обнаружены, как Нацисты и военные преступники. Действительно, трудно понять, как ответственные за нашу политику могут избежать осуждения в соответствии со следующими принципами, изложенными генералом Эйзенхауэром:

"Хотя я и мои подчиненные считаем, что суровая справедливость должна быть воздана военным преступникам в соответствии с надлежащей правовой процедурой, мы никогда не будем потворствовать бесчеловечным или неамериканским действиям в отношении беспомощных людей, что является одним из преступлений, за которые эти военные преступники должны предстать перед судом."[33]

Майкл Фут, член парламента, обсуждая этот вопрос, напомнил Палате общин, что для защиты жертв или нашей политики существует более древний закон, чем тот, который был принят в Потсдаме:

"А кто обидит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской."[34]

Позже выяснилось, что возражения России в Совете по контролю были, по крайней мере, частично ответственны за нашу неспособность отправить частные пакеты помощи в Германию. Четыре сенатора, получив отпор в Белом доме на свою просьбу открыть почту, чтобы разрешить посылку помощи в Германию, узнали, что разрешение на это должно получить единогласное согласие всех четырех оккупационных держав, и что Советский Союз выступил против этой идеи. Эти четыре державы сообщили эту информацию в заявлении, в котором, в частности, говорилось следующее:

"Американский народ должен знать раз и навсегда, что в результате официальной политики этого правительства его делают невольным соучастником преступления массового голода. Как долго мы должны ожидать, что Сталин лишит Американский народ возможности выразить свой исконный гуманизм и желания?"[35]

О бесчеловечной наглости России косвенно упомянул генерал Макнарни в письме сенатору Уайли (14 февраля 1946 года). Он объяснил:

"Гражданам Соединенных Штатов не было разрешено посылать индивидуальные подарки гражданам Германии, поскольку создание международной почтовой службы, хотя и находится в стадии изучения, еще не осуществлено.

"Как только такое соглашение будет достигнуто, распределение посылок в зоне Соединенных Штатов может быть достаточно хорошо удовлетворено службой посылочной почты, которая теперь восстановлена в Германии." (выделено автором)[36]

Другими словами, сложность заключалась в согласии, а не в отсутствии возможностей.

В тесном согласии с бесчеловечным отношением России, которое, как мы увидим, имело скрытую цель как часть более широкой программы, "либеральная" пресса по большей части приветствовала молчанием или насмешками все усилия по обнародованию фактов о Немецкой прострации и принесению облегчения страдающим Немецким массам. Элеонора Рузвельт, сенатор Коннелли и покойный Сидни Хиллман, поддерживаемые лицами из AMG, при посещении Германии утверждали, что не видели никаких свидетельств голода или страданий, выходящих за рамки того, что они считают терпимым. New Republic выразила свой ужас по поводу того, что сенатор Уэрри, который выступал за проведение сенатского расследования условий в Европе, включая Германию, может стать более влиятельным. По словам самой New Republic, это было его преступлением: "Его нынешние усилия направлены на получение большего количества продовольствия для Германии и Австрии".

Комментируя позицию "Новой республики" и исповедуемый РМ либерализм, Уильям Генри Чемберлен в своей замечательной статье "Кризис либерализма", которая была включена в Рекорд Конгресса, сказал:

"Таким образом, в глазах либерального журнала становится преступлением пытаться предотвратить то, что в лучшем случае является острым недоеданием, а в худшем - голодом. Что касается РМ, с его громко провозглашенным кодексом гуманитарной этики, то в своем отношении к помощи Центральной Европе он ежедневно демонстрирует Нацизм наоборот, положительно садистское желание причинить

максимальные страдания всем Немцам, независимо от их ответственности за преступления Нацистов."[37]

Однако "либералы" все же потворствовали некоторым действиям по оказанию помощи. Вот один из случаев, о котором сообщает корреспондент Филипп Уорден:

"Вашингтон, округ Колумбия, 6 июня (1946) - Комитет по сбору продовольствия на случай чрезвычайной ситуации, возглавляемый Генри А. Уоллесом, миссис Элеонорой Рузвельт и Гербертом Леманом, собрал \$323,000 наличными и понес около \$300,000 административных расходов, сообщил сегодня председатель Уоллес Комитету по малому бизнесу Сената.

"Уоллес перечислил среди "предполагаемых денежных потребностей" для двухмесячной кампании, которая должна завершиться к 1 июля, \$75,000 на зарплату, \$45,000 на проезд и суточные, \$115,000 на рекламу, материалы и канцелярские принадлежности, \$28,000 на связь, и \$20,000 на организационные расходы штата и метрополии."[38]

ИСТОЧНИКИ:

1. Congressional Record, Dec. 20, 1945, p. A-6130.
2. Wireless to New York Times and Chicago Tribune, Frankfurt, Germany, April 13, 1946.
3. The Chicago Sun, June 7, 1946, p. 29.
4. Hal Foust, Berlin, Aug, 6, 1946, Chicago Tribune Press Service.
5. George Theim, Chicago Daily News Farm Editor, Chicago Daily News, Nov. 4, 1943.
6. Chicago Daily Tribune, Oct. 10, 1945.
7. То же, что и №6.
8. Chicago Tribune Press Service, Washington, April 26, 1946.
9. Chicago Daily News, April 12, 1946.
10. Congressional Record, Jan. 29, 1946, p. 533.
11. Associated Press, Washington, D.C., April 19, 1946.
12. Congressional Record, March 29, 1946, pp. 2858-9.
13. Congressional Record, March 29, 1946, p. 2865.
14. Jack Bell, Wiesbaden, Germany, May 10, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
15. American Economist, Feb. 1946, p. 6.
16. Congressional Record, Dec. 4, 1945, p. 11562.
17. Congressional Record, Dec. 4, 1945, p. 11553.
18. United Press, Berlin, Feb. 8, 1946, The Chicago Daily News.
19. Hal Foust, Berlin, Feb. 20, 1946, Chicago Tribune Press Service.

20. United Press, Hamburg, Germany, March 22, 1946.
21. Congressional Record, Dec. 4, 1945, p. 1156l.
22. Reported by Griffing Barcroft, Washington, Nov. 22, 1945, Chicago Sun Washington Bureau.
23. John Thompson, Berlin, April 13, 1946, Chicago Tribune Press Service.
24. Associated Press, Berlin, June 22, 1946.
25. Congressional Record, Dec. 4, 1945, p. 11552.
26. Chicago Daily Tribune, May 8, 1946.
27. Einar Christiansen, Chicago Tribune Press Service, Copenhagen, Denmark, Oct. 19, 1945, Chicago Daily Tribune, Oct. 20, 1945.
28. Associated Press, Copenhagen, Denmark, Sept. 16, 1946.
29. Robert Conway, Rome, March 22, 1946, wireless to New York News.
30. Chicago Tribune Press Service, Washington D.C., Aug. 5, 1946.
31. Edd Johnson, Frankfurt, Germany, The Chicago Sun for Nov. 19, 1945.
32. Congressional Record, Jan. 29, 1946, pp. 530-l.
33. Congressional Record, Jan. 29, 1946, p. 537.
34. Congressional Record, Dec. 4, 1945, p. 11557.
35. Chicago Daily Tribune, Washington, D.C., Jan. 8, 1946.
36. William Moore, Washington, D.C., Chicago Tribune Press Service.
37. Congressional Record, May 20, 1946, p. 2953.
38. Philip Warden, Washington, D.C., June 6, 1946, Chicago Tribune Press Service.

Глава VII:

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЕДСТВО

Непоследовательно проявлять заботу о благополучии Германии или Немецкого народа и в то же время поддерживать Потсдамские соглашения, потому что, как мы видели, последние были предназначены не для того, чтобы помочь Германии восстановиться, а скорее для того, чтобы помешать ей это сделать. Потсдам был основан на плане Morgenthau, а план Morgenthau предусматривал:

"Единственной целью военных, контролирующих экономику Германии, должно быть содействие военным операциям и военной оккупации. Союзное военное правительство не должно брать на себя ответственность за такие экономические проблемы, как контроль над ценами, нормирование, безработица, производство, реконструкция, распределение, потребление, жилье или транспорт, или принимать какие-либо меры, направленные на поддержание или укрепление Германской экономики, за исключением тех, которые необходимы для военных операций. Ответственность за поддержание Немецкой экономики и народа лежит на Немецком народе с такими возможностями, которые могут быть доступны в данных обстоятельствах." (выделено автором)

"При данных обстоятельствах" должно быть подчеркнуто как означающее отсутствие необходимых условий. Территориальные потери и захваты; программа перенаселения за счет высылки миллионов восточных Немцев; массовое порабощение Немецкой рабочей силы; ликвидация Немецкой науки и управленческих, технических и профессиональных классов путем де-нацификации; установление низкого уровня промышленности в сочетании с промышленным

разграблением и ликвидацией всех внешних ресурсов Германии - все эти меры поверх военной разрухи нельзя назвать ничем иным, как программой по ввержению Германии и ее народа в состояние коллапса.

Но это не единственные акты репрессий. Налоги были подняты до конфискационного уровня, который подавляет стимулы и препятствует функционированию системы свободного предпринимательства. Они помогли социализировать Немецкую экономику и убить мотив прибыли. Они развратили общественную мораль, так как даже бедняки вынуждены уклоняться от них, чтобы иметь достаточно дохода для покупки обуви.[1] Мы отказались установить обменную стоимость Немецкой марки по отношению к другим валютам, препятствуя частному импорту и экспорту и отдавая ту небольшую внешнюю торговлю в руки военного правительства. И вместо того, чтобы попытаться разработать разумный план реанимации рухнувшей финансовой системы, мы пошли на то, чтобы усугубить ситуацию такими действиями, как печатание огромных сумм оккупационной валюты, которая почти наверняка поможет создать инфляционную катастрофу 1923 года и завершить уничтожение Немецкого среднего класса.[2] Такой результат послужит целям Советской России, но вряд ли целям других держав.

Экономическая прострация

Трудно представить себе глубину Немецкой депрессии. Когда Соединенные Штаты достигли дна в 1932 году, промышленное производство упало до 60% от нормального уровня. Депрессия была настолько сильной - потери настолько огромны, безработица настолько широко распространена, - что едва не привела к революции.

Промышленное производство в Германии через год после Дня Победы составило 10% от привычного уровня.

Производство в нашей зоне постепенно росло, пока не достигло максимума - около 12% от старой нормы, или около 20% от нового разрешенного уровня. Однако после сокращения пайков показатель начал неуклонно снижаться.[3] 4 мая бригадный генерал Уильям Х. Дрейпер, директор по экономике AMG, сообщил, что объем производства в нашей зоне "намного ниже того, что необходимо для поддержания минимального уровня жизни". Далее в отчете приводились цифры производства по отдельным отраслям промышленности в процентах от производственных мощностей. Вот несколько примеров: химикаты - 25%; электроэнергия - 20%; строительные материалы - 20%; стальные изделия - 13%; керамика - 5%; сельскохозяйственная техника - 22%; электрооборудование - 15%; автомобильное и промышленное оборудование - 10%.[4] Следующим летом сообщалось, что в нашей зоне работает менее 30% имеющейся промышленности.[5]

Заместитель военного губернатора Клей в конце августа заявил, что Германии потребуется еще как минимум четыре года для восстановления экономики в достаточной степени, чтобы довести производство до уровня прожиточного минимума, установленного программой деиндустриализации.[6]

Военные разрушения плюс программа репрессий союзников привели к глубокой дезорганизации. Из тех заводов, которые не были полностью разбомблены, многие устарели, другие были расположены в районах, где разрушение жилых домов было настолько полным, что не было места для рабочих, или где имеющийся транспорт и связь могли обслуживать только часть производства.[7] Грузовые перевозки были медленными и ненадежными, способными удовлетворить только 70% низкого спроса. Пассажирские перевозки покрывают лишь 30% потребностей Германии. Вагоны забиты, и пассажиры даже висят на боках и крышах. Нехватка железнодорожного транспорта - подвижного

состава, судов, рабочей силы, угля - частично вызвана узкими местами и неизбежной неэффективностью военного контроля.[8]

Низкая добыча угля была ключевой проблемой, частично вызванной нехваткой гражданских товаров, доступных шахтерам и их семьям. В июле 1946 года ответственный сотрудник АМГ заявил, что для повышения добычи шахтеров необходимо лучше кормить и лучше обращаться с ними в других отношениях. "Нам придется обеспечить достойное жилье, и нам придется сделать доступными потребительские товары, чтобы у шахтеров был стимул копать. Сейчас они не могут купить даже иголку с ниткой, чтобы залатать штаны... Нет ни заговора против замедления темпов роста, ни подпольного политического саботажа со стороны рабочих, просто у них нет достаточного стимула работать"[9].

Высокопоставленный Британский офицер несколькими днями ранее признал, что в Руре растут антибританские настроения. Он сказал: "Немцы только начинают осознавать экономические трудности, налагаемые на них политикой союзников. Вполне естественно, что отношение Немцев к этой политике должно ужесточиться, и что основную тяжесть этого ужесточения получают Британцы, поскольку программа репараций берет больше из Британской зоны, чем из других частей Германии". Он отметил, что шахтерам не хватает стимула из-за отсутствия еды и других предметов первой необходимости, и добавил: "В порочном экономическом цикле у нас нет потребительских товаров, потому что у производственных предприятий нет угля для их производства. Поэтому мы должны иметь больше угля для производства."[10]

Узкие места и дефицит пронизывают всю Немецкую экономику как неизбежное следствие военных разрушений и запретов на производство,

введенных в соответствии с планом развития промышленности. В июле 1946 года, например, сообщалось, что нехватка металла остановила производство плугов, а запасы подков и гвоздей почти исчерпаны. Количество грузовых автомобилей в Берлине с его 3,000,000 жителей и площадью, в пять раз превышающей площадь Чикаго, сократилось до 8,000. Припоя не было даже для починки кастрюль и сковородок. Сапожники использовали для ремонта обуви старые портфели, коробки из-под игральные кости, подкладки от шлемов, любые куски обрезков кожи, которые только можно было найти. Хотя 50,000 школьников не имели обуви, запасы сапожных гвоздей были почти исчерпаны. Из-за отсутствия перманганата калия, вызванного демонтажем заводов I.G. Farben, под угрозой оказалось производство сахарина, жизненно необходимого из-за сахарного голода, а также диабетикам. В Тюрингии было приостановлено производство клейкой ленты, муслина, бинтов и хирургических повязок, поскольку хлопчатобумажные фабрики, присвоенные Русскими, не могли поставлять сырье. Производство цемента, столь необходимого для восстановления, было низким из-за демонтажа и нехватки машин и инструментов.[11] По сообщениям, такие отрасли промышленности, как производство ковров, тканей, столовых приборов, игрушек и музыкальных инструментов, которым повезло пережить войну, испытывают нехватку топлива и сырья.[12]

Текущего Немецкого производства было гораздо меньше, чем достаточно для обеспечения текущих минимальных потребностей населения. В течение первого года можно было опираться на резервные запасы, оставшиеся со времен до капитуляции и пощажённые в ходе разграбления и уничтожения даже огромных остатков продовольственных складов армиями победителей.[13] Но эти запасы постепенно истощались, оставляя мрачную перспективу на будущее. Одежда изнашивалась и не могла быть заменена из-за практически

полного отсутствия текстиля для гражданского использования. В результате, как говорится в одном из отчетов:

"Лучше всего одетые фройляйн в Берлине этой весной будут носить комбинацию оконных занавесок и старого постельного белья"[14].

Отчаяние в поисках денег для покупки продовольствия на черных рынках в дополнение к голодному пайку заставило Немцев продавать свое имущество, избавляясь в первую очередь от того, что им меньше всего нужно. Ушли кольца, затем часы, браслеты, вторая пара туфель, платья, пиджаки, костюмы. Как сказал один берлинский репортер:

"Прошлой зимой не было угля, и Берлинцы сожгли все деревья в городе и на несколько миль вокруг. Холод - самое жалкое из всех условий жизни, и поскольку люди все ближе и ближе подходят к примитиву, естественно, что они смотрят в будущее. Сначала я был поражен, увидев, как летом по Берлинским улицам ходят девушки, одетые в длинные шубы из лисы, или белки, или овцы. Потом я понял. Вспоминая прошлую зиму; предвидя еще одну зиму без топлива - они продавали одежду, которая была им меньше всего нужна. И я не шучу, когда говорю, что многие из этих фройляйн надели последние шубы."[15]

Бюллетень Ассошиэтед Пресс из Херефорда, Германия, от 9 сентября 1946 года гласит:

"Сегодня Британцы официально сообщили Немцам в своей зоне, что они могут рассчитывать на отсутствие угля для отопления этой зимой."[16]

Чуть позже была достигнута договоренность о том, что шахтеры будут работать по воскресеньям, чтобы средняя семья из четырех человек в объединенной Американской и Британской зоне могла получить этой зимой топливо, эквивалентное по теплотворной способности чуть более полутонны каменного угля на шесть месяцев.

[17] Через месяц профсоюзы проголосовали за отказ от работы по воскресеньям.

Перед лицом этой мрачной перспективы лучшее, на что могло надеяться население, живущее на грани голода, страдающее от голодного отека, опухания суставов и всех других ужасов постепенного голодания, - это увеличение пайка до "мрачного и опасного" уровня в 1,500 калорий в течение всей зимы 1946-47 гг. В июне 1946 года полковник Х.Б. Хестер, ответственный за продовольственную ветвь Американского военного правительства, предсказал катастрофический голод в Германии следующей зимой, если уровень пайка не будет повышен к октябрю.[18] Его доклад последовал за докладом полковника У.Л. Уилсона, начальника отдела общественного здравоохранения и благосостояния, о том, что состояние завоеванного народа быстро ухудшается при нынешнем рационе.[19]

Во Французской зоне 5,000 еженедельно умирали от голода.[20] В середине лета 1946 года в Берлине 19,000 очень тяжелых больных туберкулезом, для которых не было мест, о чем официально сообщили Американские власти. Сенат Гамбурга опубликовал обращение к Англии и всему миру с призывом прислать продовольствие и лекарства, чтобы "предотвратить ужасные эпидемии и массовые смерти". Гамбургские мотористы и кондукторы ставили под угрозу безопасность общественного транспорта, "падая в обморок от голода" и падая на своих постах от долгого недоедания и слабости во время дежурства. Медицинский совет Кельна сообщил Британским военным властям, что населению "грозит катастрофа", если не будет быстро предоставлено продовольствие, добавив, что "сопротивляемость инфекционным заболеваниям, особенно туберкулезу, исчезает". Власти Рейнской области направили из Дюссельдорфа обращение к Британскому военному правительству с просьбой "закрыть убийственный

продовольственный пробел", чтобы остановить быстро распространяющиеся болезни и эпидемии, вызванные голодом". Один из медицинских авторитетов сказал:

"Многие тысячи мужчин, женщин и детей, которые с теми резервами сил и жизненной энергии, которыми они еще обладали, смогли пережить суровую, холодную и голодную прошлую зиму, не переживут эту зиму, после того как еще один год истощит их силы сопротивления болезням, развиваемым голодом и полуголодом. Жатва смерти действительно может быть ужасающей." [21]

При такой пугающей перспективе организациям по оказанию помощи следует работать на пределе возможностей, если мы хотим спасти миллионы жизней.

Экономическое расчленение

Представители "большой четверки" возложили всю вину за бедственное положение Германии на войну и зональное разделение. По их мнению, Потсдам позволил бы наилучшим образом разрешить все трудности, если бы только можно было исправить зональное разделение.

Территория Германии к западу от линии Одер-Нейсе была разделена на четыре зоны, которые должны были быть оккупированы и управляться военными силами России, Великобритании, США и Франции.

Зона России, включающая восточную половину Пруссии к западу от линии Одер-Нейсе, является наиболее сбалансированной из четырех зон. В дополнение к тому, что во время войны в ней было сосредоточено около 45% обрабатывающей промышленности Германии, она производила более чем достаточно продовольствия для собственного

потребления и добывала бурый уголь и другие полезные ископаемые. Другие части Рейха в значительной степени зависели от нее по многим ключевым видам сырья и продукции. Будучи разрушенной, она, тем не менее, поставляет в Россию значительный поток товаров, взятых в качестве репараций.

Зона Великобритании включает в себя западную половину Пруссии. В ее пределах находится Рурский район, который содержит наиболее ценные природные ресурсы континента, особенно крупные залежи высококачественного угля, расположенные рядом с лучшими в Европе железными рудами, и находится в центре самой плотной концентрации населения Европы в регионе, обслуживаемом превосходным железнодорожным и водным транспортом. Молотов справедливо назвал ее "мастерской Европы". Несмотря на интенсивное земледелие, зона испытывает острый дефицит продовольствия, и даже добыча угля находится на низком уровне после Дня Победы. Административные расходы превышают доходы на 320 миллионов долларов в год.

Американская зона расположена в центральной и южной частях Рейха. Большая ее часть гористая и в значительной степени живописная. Она не является и не может стать самодостаточной в производстве продовольствия и сильно зависит от различного импорта. Это прекрасно иллюстрирует существенную взаимозависимость всех секторов Немецкой экономики. Все потребности в каменном угле должны импортироваться из Рурской или Саарской областей, а 83% стали, необходимой многочисленным производственным предприятиям, должны поступать извне. Нехватка угля привела к частичному или полному закрытию многих производств, например, фармацевтической промышленности, которой необходима каменноугольная смола, шинной промышленности, которой необходима буна, получаемая из угля, а

также различных предприятий по производству, обработке и отделке. Из-за нехватки стали крупнейший производитель жестяных банок в Баварии закрылся, так что около 10 миллионов банок, столь необходимых для посадки гороха, фасоли и фруктов урожая 1946 года, не были изготовлены. Большое количество безработных, а административные расходы обходятся Американским налогоплательщикам в 200 миллионов долларов в год.

Зона Франции состоит в основном из провинциальных фрагментов бывшей Германии, граничащих с Францией, и не содержит законченных политических или экономических образований. Ее главным достоянием является Саарский бассейн, богатый углем и сталью. Несмотря на интенсивное земледелие, зона не является самодостаточной в продовольственном отношении из-за большой специализации на виноградниках и фруктовых садах. Например, картофель приходится импортировать из Баварии, а другие зоны полагаются на ее продовольственные особенности.

Одним из выдающихся фактов о Германии является зависимость каждой части, а теперь и каждой зоны, от всех остальных - по продовольствию, стали, углю, древесине и другим предметам первой необходимости. Мирные соглашения не предусматривали экономического разделения крайне взаимозависимых регионов Германии. Поскольку зоны были созданы исключительно в административных целях и не должны были оказывать никакого разделительного влияния на экономику Германии, зональные границы были проведены беспорядочно по политическим и экономическим подразделениям. Вера в то, что зоны останутся одним, а экономика Германии - другим, четко прослеживается в ранних заявлениях и декларациях о политике.

Потсдам предписывает, что "в период оккупации Германия должна рассматриваться как экономическая единица", а более раннее заявление "Большой четверки" о механизме управления Германией гласит, что:

"Контрольный совет, решения которого должны быть единогласными, обеспечит надлежащее единообразие действий главнокомандующих в их соответствующих зонах оккупации и будет принимать согласованные решения по главным вопросам, затрагивающим Германию в целом".

Это требование результатов, невозможных в силу одновременно заложенных условий, было столь же эффективным, как приказ солнцу стоять на месте.

Настаиваемое Россией требование, чтобы решения Контрольного совета "были единогласными", на практике препятствовало принятию "согласованных решений по главным вопросам, затрагивающим Германию в целом", и привело к чему угодно, только не к единообразию зональных действий. Оно убило эффективность Совета контроля так же, как право вето, на котором также настаивала Россия, уничтожило эффективность Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Франция особенно препятствовала голосованию в Контрольном совете. Хотя Британская и Американская делегации настаивали на включении Франции в программу четырех держав по контролю и оккупации Рейха, Франция никогда не подписывала Потсдамские соглашения. Вследствие этого она не связана соглашениями, но имеет возможность наложить вето на их выполнение.[22] Она откровенно призналась в своей несогласии с объединением Германии и, ради собственной предполагаемой самозащиты и территориального

возвеличивания, требовала балканизации и уничтожения Германии как силового фактора Европы. Для достижения этой цели она упрямо настаивала, как уже говорилось, на том, чтобы вся западная Германия была отделена и либо интернационализирована, либо присоединена к Франции. Заняв свое место в "большой четверке", она предупредила, что пока эти требования не будут выполнены, она будет накладывать вето на все решения Контрольного совета, направленные на рассмотрение Рейха как экономической единицы, и впоследствии выполнила свое обещание - вплоть до такой тонкости, как отказ от национальной почтовой марки.

Франция была далеко не одинока в блокировании единого экономического управления. Россия была почти столь же обструктивно и, вероятно, была бы еще более обструктивно, если бы Франция не была столь услужливой. Даже Британия и Соединенные Штаты без колебаний уклонялись, когда это казалось им эгоистически выгодным.

В отсутствие "согласованных решений", призывающих к единым действиям во всех зонах, Рейх оказался разделенным на четыре экономически неполноценных и несбалансированных "герметичных" отсека, каждый из которых управляется исключительно оккупационной властью, словно колония или протекторат. Более труднопреодолимые, чем границы независимых государств, зональные границы образуют такие барьеры для межзонального общения, что та небольшая торговля, которая имеет место, должна быть бартерными сделками, заключенными по специальному договору. [23]

Хотя такое экономическое расчленение само по себе гарантировало бы экономическую дезорганизацию, оно не может по праву служить козлом отпущения за все грехи Потсдама, а также за Британский и Американский зональные дефициты. Даже в отсутствие

зонального разделения другие жесткие и репрессивные меры, предписанные в Потсдаме, гарантировали бы паралич Немецкой экономики.

Не обращая внимания на этот очевидный факт, многие чиновники находят удобным возложить всю вину на зональные барьеры и утверждать, что если бы их удалось устранить, то Потсдам превратился бы из удручающего провала в ослепительный успех. Этот тезис может позволить им избежать признания колоссального провала, которым на самом деле является Потсдам, но он также служит препятствием для принятия мер, необходимых для коренного решения проблемы.

Выдвинутое в качестве общей панацеи от всех административных болезней Германии, экономический аншлюс как можно большего числа зон стал главной целью наших зональных властей. Пытаясь сломить возражения Франции и России, они предложили разделить Рейх на ряд федеративных государств и гарантировать разоружение Германии на 25 или даже 40 лет. После того, как это предложение было отвергнуто на том основании, что оно совершенно неадекватно и приведет к войне, они предложили экономически объединить Американскую зону "с одной, двумя или тремя другими зонами." [24] Делая это предложение, главнокомандующий AMG генерал Макнарни заметил:

"Правительство Соединенных Штатов предлагает это соглашение, поскольку оно убеждено, что Германия больше не может управляться в четырех герметичных компартаментах без свободного экономического взаимодействия, если это не приведет к параличу. Правительство Соединенных Штатов не желает допускать развития ползучего экономического паралича, если возможно достичь экономического единства между своей зоной и любой другой зоной Германии, как прелюдии к экономическому единству всей Германии." [25]

Хотя Россия и Франция отклонили это предложение, Британия приняла его, и задача экономической унификации Битанской и Американской зон была выполнена.

Даже если такое экономическое слияние может быть эффективным в отсутствие политического объединения, что сомнительно, это лишь один короткий шаг на длинном пути, который необходимо пройти, прежде чем будет достигнуто существенное постоянное улучшение положения Германии. С другой стороны, объединение разделяет Рейх на Восток и Запад, усиливает и обостряет конфликт между ними.

Источники:

1. Hal Foust, Berlin, July 5, 1946, Chicago Tribune Press Service.
2. Edd Johnson, Berlin, April 30, 1946, Chicago Sun Foreign Service.
3. Hal Foust, Berlin, June 2, 1946, Chicago Tribune Press Service.
4. Hal Foust, Berlin, May 4, 1946, Chicago Tribune Press Service.
5. John Fisher, Washington, Aug. 22, 1946, Chicago Tribune Press Service, quoting Prof. Jas. K. Pollock.
6. Associated Press, Berlin, Aug. 31, 1946.
7. То же, что и №6.
8. Hal Foust, Berlin, April 27, 1946, Chicago Tribune Press Service.
9. Hal Foust, Berlin, July 23, 1946, Chicago Tribune Press Service, quoting Max H. Forester, Chief of Coal and Mining Div. of AMG.
10. Hal Foust, Berlin, July 17, 1946, Chicago Tribune Press Service.
11. Hal Foust, Berlin, July 29, 1946, Chicago Tribune Press Service.
12. Hal Foust, Berlin, Feb. 26, 1946, Chicago Tribune Press Service.
13. Reuters, Frankfurt-on-Main, Germany, Dec. 16, 1945.
14. Edward P. Morgan, Berlin, Mar. 12, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
15. Jack Bell, Berlin, July 21, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
16. Associated Press, Hereford, Germany, Sept. 9, 1946.
17. Hal Foust, Berlin, Sept. 21, 1946, Chicago Tribune Press Service.
18. John Elliott, Berlin, June 2, 1946, Special to The Chicago Sun.
19. Hal Foust, Berlin, June 3, 1946, Chicago Tribune Press Service.

20. James P. Warburg, New York, The Chicago Sun , Aug. 8, 1946.
21. Karl H. von Wiegand, Paris, Aug. 3, 1946, Chicago Herald-American.
22. То же, что и №20.
23. Edward P. Morgan, Berlin, May 25, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
24. Associated Press, Berlin, July 21, 1946.
25. Hal Foust, Berlin, July 20, 1946, Chicago Tribune Press Service.

Глава VIII:

ОБУЧЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ НАОБОРОТ

Верховные палачи

Мы думали, что придем в Германию как освободители, чтобы освободить Немецкий народ от диктатуры, научить его ошибкам своего пути и дать ему преимущества нашей формы демократии и свободного предпринимательства. На самом деле мы приняли в Потсдаме программу, которая отрицала все наши принципы, которая могла продать нашу форму демократии только в обратном направлении. Потсдамский план был сделан на заказ для Советской России, но не для свободного предпринимательства или свободных демократических процессов. Само его исполнение требует тоталитаризма того типа, к которому привыкли Советы, того типа, который, когда Нацисты практиковали его, настолько возмутил нас, что мы провели войну стоимостью в полтриллиона долларов, чтобы искоренить его с лица земли.

Сначала мы ликвидировали германское правительство, единственный инструмент, с помощью которого Немецкий народ мог предпринять коллективные самосохранительные действия, а затем заменили его системой военного абсолютизма, порожденного не свободными Американскими институтами или идеалами, а абсолютизмом, доминировавшим в Потсдаме. Военный абсолютизм был установлен в соответствии со следующим эдиктом:

"В период, когда Германия будет выполнять основные требования безоговорочной капитуляции, верховная власть в Германии будет осуществляться по указанию своих правительств Советским,

Британским, Американским и Французским главнокомандующими, каждый в своей зоне оккупации, а также в вопросах, касающихся Германии в целом. Эти четыре главнокомандующих вместе составят Контрольный совет".

Для функционирования под началом этой инопланетной военной диктатуры создана сложная бюрократия, возглавляемая иерархией нисходящих Цезарей, образующая точную копию авторитарного аппарата, использовавшегося как Советами, так и Нацистами.

Эта диктатура, как мы уже видели, ставила своей целью не реанимацию и восстановление павшего Рейха, а его подавление и возведение барьеров на пути к восстановлению. Имея за спиной сотни тысяч хорошо вооруженных оккупационных войск, инопланетная диктатура была также готова предотвратить сопротивление Немцев, поскольку они видели, что почва для их уничтожения подготовлена, поскольку они были брошены на произвол судьбы, и им запрещалось получать помощь извне, в то время как необходимые средства для их выживания были уничтожены. Она опустила вокруг своих жертв звуконепроницаемый железный занавес, фактически прервав связь с внешним миром, якобы для того, чтобы предотвратить заражение других народов Нацистскими идеями, но также для того, чтобы мучительные крики Немецких женщин и детей не доносились до других и не беспокоили их, пока эта ужасная программа приводилась в исполнение.

По мере того, как смертельная петля затягивалась вокруг них, Немцам должны были внушить, что они полностью виноваты в своей дилемме. Даже неизбежный экономический крах должен быть возложен на Немецких администраторов. Они должны быть вынуждены сами открыть дверь в ловушку. Потсдам говорит:

"При введении и поддержании экономического контроля... должен быть создан Германский административный механизм, и от Германских властей в максимально возможной степени требуется провозгласить и взять на себя управление таким контролем. Таким образом, до Немецкого народа должно быть доведено, что ответственность за администрирование такого контроля и за любой срыв этого контроля будет лежать на нем самом". (выделено автором)

Это был подлый способ, которым мы должны были принести Немцам самоуправление.

Мы, несомненно, надеялись, например, что, передав денацификацию в руки так называемых "Немецких" прокуроров и судов, созданных и действующих по нашему мандату, мы сможем заставить Немцев винить себя за пагубные последствия.

Мы говорили, что это демократично - заставить Немцев провести собственную чистку, что равносильно признанию Русских чисток демократическими. Но эти чистки были, по крайней мере, Российскими делами. Немецкий механизм чистки управляется Коммунистами и радикальными марксистскими социалистами, поставленными у власти чужеземной диктатурой и представляющими Немцев не больше, чем Нацистское правительство Квислинга представляло норвежцев. Немцы прекрасно знают, что все, что делают наши марионетки, отражает нашу волю и диктовку. Если мы каким-то образом убедим их, что именно это мы подразумеваем под демократией, которую мы пришли навязать им, мы вряд ли сможем винить их, если они отвергнут ее при первой же возможности.

Наше военное правительство не является демократическим, разве что в Российском понимании. Его возглавляют хорошо обученные военные, компетентные в выполнении военных задач и приказов,

полученных из Вашингтона, подготовленных политиками и закулисными операторами. Вместо демократического органа, представляющего свободных Американцев, они являются исполнителями приказов, готовыми беспрекословно выполнить любую директиву, полученную сверху. В этом отношении они идентичны Гитлеровской иерархии верховных палачей.

Наши оккупационные войска были великолепными молодыми Американскими парнями, но по большей части сырыми, неопытными, подростками-призывниками, от которых нельзя было ожидать ни удовольствия от работы, ни понимания ее требовательного характера. Весь этот опыт развратил и огрубил их. Как уже упоминалось, использование непропорционально большого количества негров в войсках способствовало отчуждению Немцев и отвращению нашего собственного персонала.

Вместе с вооруженными силами мы направили корпус высокооплачиваемых гражданских служащих, состоящий в значительной степени из людей, которые не выдержали социальной и экономической конкуренции дома, включая в некоторых случаях сломленных, уволенных офицеров, которые не выдержали тяжелых условий реальных боевых действий во Франции и Италии, Но теперь они получают более высокую зарплату, чем когда-либо в своей жизни в мирное время, и им нравится высокомерно раздуваться от собственной значимости перед побежденными, но часто более утонченными, культурными и значительными людьми, попавшими под их полномочия.

Эта разношерстная команда в большинстве своем не имеет глубокого знания Европейских и особенно Немецких условий, нравов, проблем или истории, но была наспех набрана и поверхностно обучена для выполнения чрезвычайно сложной миссии.

Хотя обстоятельства не позволяют нашему корпусу гражданских служащих в целом быть представителем всего лучшего, что есть в Америке, есть, к счастью, некоторые заметные исключения. Часто ценой больших личных жертв некоторые очень способные, хорошо информированные, добросовестные эксперты и специалисты перешли на другую работу и своим влиянием и усилиями помогли смягчить сложную ситуацию. Этим великолепным продуктам наших свободных институтов должна принадлежать львиная доля заслуги в том успехе, которого добилась AMG. Ведь от армейцев, если они компетентны как таковые, нельзя ожидать управления и проведения крупных операций в разрушенной иностранной экономике и социальной системе без создания хаоса. Если армия оказалась неспособной управлять такими относительно простыми вещами, как железные дороги и почтовые отделения в Америке, она, несомненно, должна быть неспособна справиться с той огромной работой, которую ей поручили в Германии.

Потсдам навязал нам программу, которая противоречит нашим фундаментальным убеждениям и философии. Военные, возглавляющие AMG, в целом считают, что чем меньше правительство вмешивается в бизнес, тем лучше для всех, кроме Германии. И они философски выступают против коллективизма, за исключением Германии. Хотя они вели войну, чтобы уничтожить диктатуру, они готовы сами служить ей и навязывать почти полный контроль над жизнью отдельных Немцев. Ничто не работает без их разрешения.

Зональное управление экономической, политической и культурной жизнью Немецкого народа, как это было предписано в Потсдаме, могло быть с определенной долей успеха осуществлено только людьми с большим опытом в тоталитарной философии и методологии. И в этом отношении Российские зональные власти имеют большое преимущество. В то время как правила, установленные в Потсдаме,

чужды нашему происхождению, подготовке и философии, они прекрасно согласуются с Российской практикой внутри страны. Такое правление не может принести в Германию свободное предпринимательство; при нем может вырасти только какая-то форма коллективистского общества.

Эти моменты имеют кардинальное значение в соперничестве между Советской Россией и западными державами за окончательный контроль над Германским Рейхом.

"Перевоспитание"

Многие ярые сторонники Потсдама сильно расстроились из-за планов Коммунистов по захвату Рейха. Они не имеют на это права, потому что первая подпись под документом принадлежит Иосифу Сталину. Поэтому Русские имеют такое же право, как и мы, изложить смысл его вольных положений и неопределенных терминов. Когда Потсдам призывает к демократизации Рейха, не уточняя, что именно подразумевается под "демократией", Советы имеют полное право настаивать на том, что приказ призывает к коммунизации Германии. И это лишь одна из пагубных особенностей программы "перевоспитания".

В Потсдаме в связи с денацификацией издается указ о том, что изгнанные Нацисты "должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными содействовать развитию подлинно демократических институтов в Германии". Но не дается никакого намека на то, какими могут быть "подлинно демократические институты". Он запрещает пропаганду национал-социалистических идей, не указывая, что это такое, а затем предусматривает, что "Немецкое образование должно контролироваться таким образом, чтобы полностью исключить Нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей", опять же без определения.

Но запрет на распространение и обсуждение одной политической философии и принуждение общества к принятию другой, которой придерживаются те, кто находится в креслах власти, - это Нацистская доктрина. Это также доктрина Коммунистов. А Коммунисты утверждают, что их демократия является единственной и подлинной.

Политическая демократия, говорят Большевики, невозможна в долгосрочной перспективе без "экономической демократии", под которой они подразумевают отмену частной собственности на имущество, основу свободного предпринимательства. Но они называют свободное предпринимательство фашизмом, а защитников Американской системы - фашистами. А Нацизм - это одна из форм фашизма. Поэтому денацификация в глазах России равносильна искоренению нашей собственной системы вместе со всеми другими системами частной собственности.

Большевики называют любую страну или партию фашистской или Нацистской, если она принимает или отстаивает меры по ограничению деятельности Коммунистических партий; те же, кто позволяет Коммунистам свободно заниматься своим делом - уничтожать их и строить всемирный советский союз, называются "демократическими". Таким образом, Потсдам квалифицируется как "демократический" документ.

Эти факты были известны или должны были быть известны всем принципалам в Потсдаме. Когда России было позволено подписать соглашения без четкого определения того, что подразумевается под "демократией", мы попали в опасную ловушку, из которой нам не выбраться, если только мы просто не откажемся от подписанных соглашений. Во всей этой истории мы выглядим очень глупо.

Если под демократией мы понимаем наш образ жизни - свободное предпринимательство, частную собственность, индивидуальные свободы, защиту, гарантированную Биллем о Правах, и правительство от народа, и для народа, - то нам с самого начала должно было быть очевидно, что программа установления демократии силой была обречена на провал. Мы могли логически надеяться уничтожить Гитлеризм Гитлеровскими методами, но мы определенно никогда не могли надеяться установить наш образ жизни таким образом.

Наша нетерпимость к Нацистским политическим взглядам, какой бы оправданной она ни казалась, тем не менее, противоположна демократии в Американском понимании. Наша решимость уничтожать идеи силой - это отказ от самых священных постулатов демократии. Люди, которые действительно верят в свободу мысли и мнения, не используют дубинки на дебатах. Мы презирали Гитлера за сожжение книг, запрещенных Нацистами, не потому, что были пристрастны к конкретным книгам, а из принципа. Однако мы сами нарушили этот принцип и приняли Гитлера, сжигая Нацистские книги. На словах мы осуждаем Гитлеризм, а на деле оправдываем его!

Длительная пропаганда создала впечатление, что постулаты национал-социализма были явно злыми и преступными, что они открыто призывали, например, к агрессивной войне и завоеванию мира. Это не соответствует действительности. Как и платформа любой политической партии, ищущей поддержки на избирательных участках, его планы выглядели вполне безобидно. На самом деле, Нацизм и его деяния восхвалялись многими иностранными деятелями, такими как Ллойд Джордж и Уинстон Черчилль. В ходе опроса 51% наших военнослужащих, расквартированных в Германии, заявили, что, по их мнению, Гитлер "сделал Рейху много хорошего до 1939 года", а 19% опрошенных считали, что "Немцы имели некоторые или значительные

основания для начала войны." - "Это показало, что значительная часть солдат готова принять Немецкие объяснения и готова освободить массу Немцев от ответственности за зверства в концлагерях." - "29% признали, что они стали "более благосклонны" к своим бывшим врагам с тех пор, как оказались в стране."[1]

Честные, умные, добросовестные граждане Германии вполне могли быть членами партии и даже энтузиастами. Если мы считаем иначе, это просто проявление нашего невежества и доверчивости к пропаганде. Нацизм был ошибочным во многих фундаментальных аспектах, и эти особенности должны быть разоблачены. Немцам следует показать, в чем эти идеи ошибочны и опасны. Они должны быть изложены как общие принципы, против которых следует выступать независимо от того, кто их продвигает, даже если это Коммунисты. И эта операция должна обсуждаться в свободной, неподцензурной дискуссии. Конечно, ничего нельзя получить, если считать эти темы не подлежащими обсуждению.

Нацисты были неправы в своем вторжении в школы и принуждении к уничтожению одних идей и текстов и принятию других. Они были неправы в принципе. Мы тоже не правы, когда навязываем Немцам свои идеи и учебники. Мы тем более неправы, что мы чужаки, в то время как Нацисты были, по крайней мере, Немцами. Нацисты были неправы в своей жесткой цензуре Немецкой прессы. И мы тоже. Мы не можем создать свободную прессу в Германии с помощью жесткой цензуры, и мы выглядим очень глупо, когда пытаемся это сделать.

Преследование людей по признаку их крови достойно сожаления - как со стороны Немцев, так и против них. Преследования возникают из ненависти и разжигаются ненавистниками. Уолтер Уинчелл сказал, что мы должны ненавидеть Немцев. "Пусть будущие Немецкие поколения

увидят их [Немецкие памятники] и узнают, с какой кровью они родились", - писал он через год после капитуляции Германии. "Если они смогут вырасти среди напоминаний о том, чего стоит быть чудовищем, возможно, они будут немного больше работать, чтобы вернуться в человеческий род."[2] Точно так же, пока государственный секретарь Бирнс обращался к Немцам в Штутгарте, отдел информации и образования армии США на Европейском театре все еще призывал к ненависти к Немецкому народу. В одном из памфлетов говорилось "Чувство жалости к Немцам очень похоже на психологическую реакцию, которую мы испытываем по отношению к симпатичной девушке, хладнокровно убившей своего отца, из-за нежелания осуждать ту, кто выглядит такой милой и доброй, как убийца". Немцы в своей ненависти были не более нечестивы, чем христиане: "Возлюби врага своего".

Немецкие лидеры применили отвратительную и неоправданную доктрину коллективной вины против целого народа, на который они смотрели как на смертельных врагов. Это было одним из их величайших преступлений. Мы совершили такое же преступление, применив ту же доктрину против всего народа Германии, включая нерожденных младенцев. Возможно, причина, по которой мы запрещаем обсуждать Нацизм, не перечисляем его особенности и пытаемся уничтожить его силой, кроется в том, что с 1932 года мы бессознательно приняли большинство его худших черт, не осознавая их идентичности.[3]

И вот мы беззаботно идем своим путем, пытаюсь искоренить Нацизм, в то время как сами его исповедуем. Само клеймение - это Нацизм.

Мы пришли как освободители, чтобы научить Немцев пользоваться самоуправлением и политической свободой. Однако мы ввели наши декреты о денацификации, которые так напугали их, что они

отказываются участвовать в политике, опасаясь возможных последствий под нашим "демократическим" контролем. Мы пытаемся научить их демократии, но мы настолько ограничили то, чему они могут учиться, что их учителя, если только они не Коммунисты, боятся что-либо сказать. В политическом плане Немецким лидерам не разрешается говорить свободно, и даже те, кто входит в наше военное правительство, боятся говорить то, что думают, опасаясь последствий. Из-за нашей недемократической политики в отношении свободы прессы, которую мы проповедуем, но нарушаем на практике, Немецкая пресса работает в вакууме. Интеллектуальный голод в Германии почти такой же острый, как и физический.

Помимо всего прочего, наша система правосудия стала жестокой и крайне дискриминационной. У нас есть три отдельных свода законов, один для наших войск, один для перемещенных лиц и один для Немецкого населения, и ни в одном из них нет серьезных усилий, чтобы наказание соответствовало преступлению. Например, хрупкая, овдовевшая Немецкая мать двух маленьких детей была отправлена в тюрьму на пять месяцев за то, что у нее был нож для парашюта, подаренный ей как трофеем и память о муже незадолго до того, как он был сбит над Британией. 4] Это типичный, а не исключительный случай. Это заставляет немцев содрогаться от "демократического правосудия". В то время как мы проповедуем закон и порядок, мы потворствуем и предоставляем особые привилегии "перемещенным лицам", которые, по словам офицеров AMG, ответственны за 50 процентов преступлений в Американской зоне[5].

Помимо всего прочего, наша система правосудия стала жестокой и крайне дискриминационной. У нас есть три отдельных свода законов, один для наших войск, один для перемещенных лиц и один для Немецкого населения, и ни в одном из них нет серьезных усилий, чтобы

наказание соответствовало преступлению. Например, хрупкая, овдовевшая Немецкая мать двух маленьких детей была отправлена в тюрьму на пять месяцев за то, что у нее был нож для парашюта, подаренный ей как трофеей и память о муже незадолго до того, как он был сбит над Британией.[4] Это типичный, а не исключительный случай. Это заставляет Немцев содрогаться от "демократического правосудия". В то время как мы проповедуем закон и порядок, мы потворствуем и предоставляем особые привилегии "перемещенным лицам", которые, по словам офицеров AMG, ответственны за 50% преступлений в Американской зоне.[5]

Проповедуя демократию, мы превратили себя в чужеродную плутократию, многие члены которой считают, что операции на черном рынке и другие сомнительные сделки им не по зубам. В то время как Немцы вокруг голодают, ходят в лохмотьях и живут в лачугах, Американские аристократы живут в непривычной для них легкости и роскоши. Их жены должны быть специально отмечены, чтобы защитить их от развратных ухаживаний; они живут в лучших домах, из которых они изгнали Немцев; они щеголяют в прекрасных ливреях и изнуряют себя диетами в три раза большими, чем они позволяют Немцам, а "перемещенным лицам" позволяют диеты в два раза большие. Когда мы говорим Немцам, что их низкие пайки необходимы из-за нехватки продовольствия, они, естественно, либо думают, что мы им лжем, либо считают нас бесчеловечными за то, что мы забираем львиную долю дефицитных запасов, в то время как они и их дети голодают.

Во многих отношениях мы проявили черствость к страданиям побежденных. Война оставила после себя бесчисленное количество жертв войны с искалеченными телами, некоторые без рук, ног, глаз или изуродованные иным образом. У них и миллионов убитых в боях или содержащихся в качестве военнопленных есть миллионы иждивенцев,

престарелых родителей, жен и детей. Кроме того, есть полчища обнищавших, страдающих изгнанников с востока. Но огромные нужды всех этих миллионов беспомощных Немцев были второстепенными по сравнению с питанием и жильем перемещенных лиц. От их близких, содержащихся в качестве военнопленных в Англии, Франции и других западных странах, приходит лишь немного новостей, из России - ни одной. Союзный контрольный совет также не опубликовал полного и подробного списка ни жертв войны, ни военнопленных. Тысячи людей все еще находятся в ненужном, мучительном напряжении, гадая, живы или мертвы отцы и братья, участвовавшие в войне. Как сказала одна Немецкая мать: "Хоть немного сочувствия помогло бы. Я уже больше года ничего не слышала о своем сыне. Если бы я знала, что он погиб, я бы смирилась с этим".

Это способ обучения демократии наоборот. Если Немцы хотят стать приверженцами, они должны сделать это добровольно, через убеждение, а не через принуждение. Своим поведением мы делаем невозможным их убеждение. В свете того, что им приходится переживать под нашим контролем и из-за нашей политики и слабостей, они не смогут легко прийти к выводу, как мы того хотим, что Гитлеризм является уникально жестоким, деспотичным или нечестным.

Одна из главных трудностей заключается в том, что наша демократия столкнулась с парадоксом, который почти не поддается решению. Мы не только не столкнулись с ним и не решили его, но и не заметили. А те, кого мы хотим привлечь к демократическим принципам, видят нашу слепоту и теряют уважение к своим потенциальным учителям. Рано или поздно мы должны решить, может ли демократия мириться с распространением разрушающих демократию доктрин, и если нет, то как она может остановить их и остаться демократией.

Если то, что мы делаем в Германии против Нацизма, правильно, то то, что мы делаем здесь, дома, в отношении Коммунизма, неправильно. Если мы должны искоренить Нацизм там, мы должны искоренить Коммунизм здесь; если во имя демократии и свободы мнений мы можем терпеть распространение Коммунистической доктрины и предательскую деятельность Коммунистической пятой колонны здесь, мы должны относиться к Нацизму с такой же добротой там. Ибо один так же плох, как и другой.

Источники:

1. Associated Press, Wiesbaden, Germany, Jan. 24, 1946, The Chicago Sun and Chicago Daily Tribune, Jan. 25, 1946.
2. Walter Winchell [daily column], San Francisco, May 4, 1946.
3. Prof. Friedrich Hayek, The Road to Serfdom (University of Chicago Press, 1944), p. 184.
4. Larry Rue, Munich, Germany, July 10, 1946, Chicago Tribune Press Service.
5. Larry Rue, Munich, Germany, July 6, 1946, Chicago Tribune Press Service.

Глава IX:

ПРОГРАММА КРЕМЛЯ

Империалистическая экспансия и мировая революция

Чтобы понять стремление России установить контроль над Германским Рейхом, необходимо сначала понять более общие цели и идеи Советского Союза. Отсутствие таких знаний в первую очередь является причиной того, что наши лидеры испортили наши отношения с Москвой.

Стремительная, агрессивная Советская Россия представляет собой слияние территориальных амбиций старого Русского империализма и коммунистической программы мировой революции. Первая, как и прежде, опирается на военную мощь и соблазны панславизма, к которым теперь добавилась сила мирового коммунизма. Вторая, движимая, как всегда, крестоносным порывом идеологического фанатизма, идет на поводу у экспансионистского империализма своей базы - Советской России. Усиливая друг друга, они противостоят миру с угрожающей мощью.

Российская имперская экспансия сегодня, как и в прежние годы, угрожает Британским торговым путям, стратегическим запасам нефти и коммерческим возможностям. Российские попытки проникнуть через Иран в Персидский залив и через Дарданеллы и Триест в Средиземное море являются для Британии непереносимой угрозой ее жизненному пути в Индию. Не меньший ущерб наносит фактическое и потенциальное расширение самого Советского Союза, поскольку, где бы он ни расширялся, он практически закрывает двери для международной торговли и финансовых операций, на которых процветает Британия и без

которых она голодает. Через силу мирового коммунизма СССР, который уже втянул в свою орбиту восточную половину Европы и важные части Азии, активно угрожает другим секторам по всему миру - в Азии, Африке, Западной Европе и даже Америке.

И поскольку мы считаем, что наши собственные жизненные интересы совпадают с интересами Великобритании, наша реакция на Российскую экспансию схожа с Британской и тесно с ней сотрудничает.

Мировой Коммунизм, основанный на учениях Маркса, Ленина, а теперь и Сталина, рисует капитализм как дьявольскую эксплуататорскую систему, в которой собственнические классы грабят рабочих через систему заработной платы. В соответствии с диалектическим материализмом и экономическим учением Маркса, Коммунисты и многие Социалисты считают, что капитализм умирает, проходя predetermined, судорожные стадии, включающие коммерческие кризисы, войны и катастрофы, что конец капиталистического мира близок, и на смену ему придет новый мировой порядок социализма.

Коммунисты считают своей миссией ускорить всеми доступными средствами процесс распада капитализма и наступление социалистического тысячелетия. Следуя философии "могущество делает право", что цель оправдывает средства, все их действия, даже если они замаскированы под "реформы", направлены на ускорение революционного падения системы частной собственности и заработной платы.[1] Коммунисты стремятся возглавить революцию и командовать новым социалистическим мировым порядком, возглавив "диктатуру пролетариата", с помощью которой он будет управляться.[2]

Главным инструментом для выполнения этой миссии является Коммунистическая Партия с отделениями во всех странах и штаб-квартирой в Москве. Но это не политическая партия в обычном смысле

этого слова. Она предназначена не для того, чтобы быть объединением избирателей, чтобы получить власть законным путем, а как тщательно подготовленный, высоко дисциплинированный военный штаб и авангард революционных масс, чтобы захватить власть насильем и удерживать ее террором, "неограниченной властью, опирающейся на насилье, а не на закон". Слова Ленина, процитированные Сталиным:

"Для успешной победы над капитализмом необходимы правильные отношения между ведущей Коммунистической Партией и революционным классом, пролетариатом, с одной стороны, и массами, то есть всеми теми, кто трудится и эксплуатируется, с другой. Только Коммунистическая Партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей класса, если она состоит из полностью сознательных и преданных Коммунистов, воспитанных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса и через этот класс со всей массой эксплуатируемых, проникнуться к этому классу и к этим массам полным доверием - только такая партия способна повести пролетариат в самой беспощадной, решительной и окончательной борьбе против всех сил капитализма. "[3]

Прозелитическая сила партии возникает в первую очередь из массового недовольства существующим порядком, которому Коммунисты приписывают все раздражения и неприятности жизни. Партия использует все преимущества многих признанных недостатков существующей системы, значительная часть которых коренится в самой человеческой природе и будет присутствовать при любом устройстве. Она процветает на таких вещах, как неспособность классической политической экономии объяснить или смягчить кризисы в бизнесе; неадекватность и искажения ортодоксальной истории; неспособность

церковных и других лидеров признать и посмотреть в лицо великим проблемам нашего времени; всеобщая тенденция завидовать тем, кто лучше обеспечен, и обвинять "систему" в личных неудачах и неправильной адаптации; тайное желание стать свидетелем, возможно, помочь, падению тех, кто занимает более высокое положение, полученное, как предполагается, благодаря нечестной игре или личным связям, а не заслугам. Наконец, есть идеалистическая привлекательность лозунга "от каждого по способностям и каждому по потребностям." Предлагаемая перспектива кажется идеальным братством и альтруистической заинтересованностью в благополучии ближних, что резко контрастирует с холодным, самодостаточным характером частного предпринимательства. Но те, кто позволяет себе поддаться этой приманке, не понимают, чему научилась Россия, хотя она и не проповедует этого, а именно, что на практике устранение стимула для более высокой производительности, обеспечиваемого личным вознаграждением в соответствии с делами, приводит к падению интереса и производительности, а за этим следует принуждение, порабощение или еще хуже.

Первой страной, павшей перед мировым коммунизмом, была Россия, которая с момента большевистской революции в октябре 1917 года стала мощной национальной базой для международных коммунистических операций. Сейчас предпринимаются активные усилия, чтобы создать впечатление, что Коммунистический Интернационал распущен, что больше нет никакой связи между Россией и коммунистическими партиями в других странах. Сталин на недавний вопрос: "Каково ваше мнение по поводу обвинения в том, что политика коммунистических партий в Западной Европе "диктуется Москвой"?" ответил: "Я считаю это обвинение абсурдным и заимствованным из обанкротившегося арсенала Гитлера и Геббельса." [4]

Однако в своей собственной книге "ПРОБЛЕМЫ ЛЕНИНИЗМА", которая в настоящее время переработана им, переведена с его разрешения на все цивилизованные языки, распространена коммунистическими партиями повсюду и принята ими как непререкаемое евангелие, Сталин восклицает: "Ибо чем же еще является наша страна, страна, строящая социализм, если не базой мировой революции?"[5] Цитируя Ленина, он заявляет:

"Победа социализма возможна сначала в нескольких или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав свое социалистическое производство, поднимется против остального капиталистического мира, привлечет к себе угнетенные классы других стран, поднимет среди них восстания против капиталистов и в случае необходимости выступит даже с вооруженной силой против эксплуататорских классов и их государств."[6]

"Невозможно представить себе, чтобы Советская республика продолжала существовать в течение длительного периода бок о бок с империалистическими государствами. В конце концов, одно или другое должно победить. Между тем ряд страшных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что если пролетариат, как правящий класс, хочет и будет править, он должен доказать это и военной организацией"[7].

Сталин говорит, что все, кроме предателей дела коммунизма, должны принять эти взгляды, что отрицать их "значит отказаться от интернационализма, отказаться от Ленинизма".[8] В своих столь же широко переведенных и распространенных "Основах ленинизма" Сталин говорит:

"Но свержение власти буржуазии и установление власти пролетариата в отдельно взятой стране еще не гарантирует полной победы социализма. Укрепив свою власть и поведя за собой крестьянство, пролетариат страны-победительницы может и должен построить социалистическое общество. Но значит ли это, что таким образом пролетариат обеспечит полную и окончательную победу социализма, то есть значит ли это, что силами одной страны он сможет окончательно укрепить социализм и полностью гарантировать эту страну от интервенции, то есть от реставрации? Конечно, нет. Для этого нужна победа революции по крайней мере в нескольких странах. Поэтому важнейшей задачей победившей революции в одной стране является развитие и поддержка революции в других. Поэтому революция в победившей стране должна рассматривать себя не как самодостаточную единицу, а как вспомогательное средство и средство ускорения победы пролетариата в других странах.

"Ленин кратко выразил эту мысль, сказав, что задача победившей революции - сделать "все возможное в одной стране для развития, поддержки и разжигания революции во всех странах"[9].

В той же работе Сталин подчеркивает необходимость поддержания абсолютного единообразия политики во всех отделениях мировой коммунистической партии путем железной дисциплины.[10] Он говорит:

"Но партии Коммунистического Интернационала, организующие свою деятельность на основе задачи достижения и укрепления диктатуры пролетариата, не могут позволить себе быть "либеральными" или допускать образование фракций. Партия - это синоним единства воли, которое не оставляет места для фракционности или разделения власти в партии."[11]

Именно этим объясняется известная близость Американской Компартии к политике Москвы. И ни эти реалии, ни только что приведенные цитаты не могут быть вычеркнуты для удобства Сталина как абсурд, "заимствованный из обанкротившегося арсенала Гитлера и Геббельса." Ложь и обман - одно из самых полезных оружий коммунизма. Сталин объясняет необходимость обманывать своих буржуазных врагов, даже если они выступают в качестве союзников, вести неустанную войну против всех буржуазных государств, то есть государств, действующих в рамках системы частной собственности, к которым относятся и Соединенные Штаты Америки. Цитируя Ленина, он говорит:

"Вести войну за свержение международной буржуазии, во сто крат более трудную, длительную и сложную, чем самая упорная из обычных войн между государствами, и заранее отказаться от маневрирования, от использования конфликта интересов (пусть даже временного) своих врагов, от временных и компромиссных решений с возможными (пусть даже преходящими, неустойчивыми, колеблющимися и условными) союзниками - разве это не смешно в высшей степени? Не все ли равно, что при трудном восхождении на неизведанную и доселе недоступную гору заранее отказаться от мысли, что все время придется идти зигзагами, иногда повторяя свои шаги, иногда отказываясь от однажды выбранного пути и пробуя различные другие?"[12]

Притворство России в военное время о том, что она отказалась от революции как внутри страны, так и за рубежом, было сделано лишь для того, чтобы обмануть своих неустойчивых союзников в данный момент, было лишь необходимым зигзагом или стратегическим отступлением в продолжающихся усилиях по достижению конечной цели - уничтожения частного предпринимательства во всем мире. В речи к Русскому народу 9 февраля 1946 года Сталин ясно дал понять, что Кремль

рассматривает Советский Союз как свою собственную организацию объединенных наций, которую он хочет распространить по всему миру якобы для прекращения войн и других трудностей между народами. Он сказал:

"Советская государственная система оказалась примером многонациональной государственной системы, где национальная проблема и проблема сотрудничества между нациями решена лучше, чем в любом другом многонациональном государстве." [12A]

Уверяя Россиян, что в нормальных условиях им живется лучше, чем любому другому народу, Кремль постоянно рисует внешний мир в мрачных, полных ненависти красках. Он говорит людям, что дьявольские капиталисты замышляют напасть на них изнутри и извне, чтобы уничтожить рай для рабочих, который угрожает свергнуть капиталистическую систему эксплуатации. Сталин в 1939 году, например, предупреждал Коммунистическую партию:

"Никогда не забывать, что мы окружены капиталистическим миром; помнить, что иностранные службы шпионажа будут тайно ввозить в нашу страну шпионов, убийц и разрушителей; и, помня об этом, укреплять нашу социалистическую разведку и систематически помогать ей побеждать и искоренять врагов народа" [13].

Люди, которых таким образом убеждают, что они борются за спасение своей национальной жизни, легче управляются, охотнее беспрекословно подчиняются приказам, охотнее принимают чистку своих рядов как необходимую чистку от смертоносного капиталистического влияния. Любо́й Русский, замеченный в разговоре с иностранцем, естественно, подозревается в том, что он является агентом свободного предпринимательства, и с ним поступают соответствующим образом.

Между теми, кто принимает и теми, кто отвергает учение коммунистической идеологии и указы ее лидеров, нет и не может быть никакого компромисса, никаких уступок и согласий, никакого поля терпимости. Когда они берут верх, Коммунисты искореняют и уничтожают под гнетом террора все капиталистические элементы и влияния. Они верят, что рабочие, пробудившись к правде о своих бывших хозяевах, будут приветствовать новый порядок как огромное улучшение по сравнению со старым. Ленин сказал, цитируемый Сталиным:

"Диктатура пролетариата... это не просто применение насилия против эксплуататоров и даже не только применение насилия. Экономическая основа этого революционного насилия, залог его жизненности и успеха состоит в том, что пролетариат представляет и вводит более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом заключается суть дела. В этом источник силы Коммунизма и залог его неизбежной полной победы." [14]

Немецкая программа

Коммунисты считают, что фашизм - это последнее состояние капитализма, что когда он падет, а он должен пасть, его сменит только коммунизм. [15] Они считают, что наши попытки демократизировать фашистскую Германию в западном понимании так же бесполезны, как попытки превратить курицу в яйцо или бабочку в личинку. Они считают, что Германия должна пройти через естественную метаморфозу от нацизма к коммунизму, и что, помогая этому процессу, они действуют в гармонии с неизбежным ходом истории.

Вальтер Ульбрихт, директор Коммунистической Партии Германии, жена которого была секретарем генерала Жукова и который находился в России с 1933 года до Дня Победы, заявил на секретном Берлинском

заседании исполнительного комитета "Свободного Немецкого Профсоюза" по советской зоне в составе 45 человек:

"Когда работа по Коммунизации Советской зоны будет завершена, мы посвятим себя другим зонам.

"Скоро в Советской зоне Германии не останется ни одного предприятия, находящегося в частной собственности. Все крупные и даже средние предприятия перейдут в общественную собственность. Это должно быть сделано быстро, пока создание центральной администрации в Германии не вмешалось в нашу зону"[16].

Коммунизм по своей сути является атакой против частной собственности и класса собственников. В Российской зоне процесс лишения Немцев их собственности осуществлялся путем уничтожения в ходе военных действий, грабежа, репараций, инфляции, конфискации и принудительной продажи. Тем временем ликвидация классов собственников была завершена денацификацией, принудительным трудом, казнями и террором, который привел тысячи людей к самоубийству, а другие тысячи - к бегству и, таким образом, к потере своих владений.

Мы уже отмечали, с какой тщательностью была разграблена эта зона, принеся России миллиарды долларов корысти. Другие операции были столь же разрушительными. Инфляция, которая уничтожает целые классы и выедает мозг из костей любой экономики, была намеренно создана. Доля России в оккупационных марках, заранее напечатанных казначейством США, была недостаточной. Она попросила у нас пластины и после того, как мы ей их передали, напечатала и выпустила в обращение еще несметные миллиарды. Наконец, она открыла хранилища Рейхсбанка, его филиалов и других банков и конфисковала их содержимое.[17] Возникшая в результате инфляция принесла

баснословные барыши практически без затрат и в то же время способствовала разорению и экспроприации класса собственников.

Лишенные собственности Немецкие массы превратились в покорных, беспомощных, безропотных пролетариев. Потеряв всякую индивидуальную безопасность, они полностью зависят от своих новых хозяев в вопросах работы, еды и всего остального. Поскольку критикам и возражающим ничего не предоставляется, выжившие становятся покорными. Фермеры, как уже говорилось, были лишены оборудования, инструментов, семян и скота во время раннего грабежа. Чтобы получить замену, необходимую для продолжения работы, они должны обратиться в "кооперативы", которые находятся под контролем коммунистов и которые используют свою монополию, чтобы помешать "политически ненадежным" фермерам получить необходимые товары. Если они не подчинятся, они должны отказаться от ведения сельского хозяйства и отдать свою землю. Таким образом, открывается широкий путь для зональной советизации с минимальным вмешательством.

Советские власти считают, что Немецкие массы с энтузиазмом воспримут ликвидацию собственнических классов как освобождение от капиталистической эксплуатации. Тщательно цензурированная пресса и радио уверяют их, что нынешние болезненные трудности - это лишь родовые муки славного нового порядка, который был заблокирован прежними высшими классами. В соответствии с этой мыслью во всех действующих школах и университетах Немцев учат преимуществам коммунизма и принижают западные демократии как оплот фашизма и капиталистической эксплуатации, жалкого империализма и разжигателей империалистических войн. Такие идеи преподаются членам спонсируемого Россией общенационального движения "Свободная молодежь", [19] а также тысячам детей, которые были изъяты из семей и

помещены в специальные детские "Дома" для систематической индоктринации.[20] Вот пример того, чему их учат:

"По сравнению с Советской Республикой парламентские демократии - это шаг назад... Разница между буржуазным обществом и Советским Союзом подобна разнице между обезьяной и человеком. Социализм - это будущее всего человечества.

...Старые силы могут задержать это развитие, но не могут его уничтожить... Это изменение в структуре общества не может быть достигнуто реформаторским путем. Его можно достичь только революционным путем... Если бы этот социалистический строй, который мы имеем в России, был введен во всех странах мира, то война была бы невозможна, как невозможна война между Украиной и Арменией." [21]

Советы, по их словам, прилагают усилия, чтобы склонить Немцев к принятию коммунизма и свести к минимуму недовольство. Как уже отмечалось, они сравнительно легко справились с денацификацией. Ученых, технологов, военных экспертов и других людей с особыми талантами охотно ищут и предлагают им привлекательные стимулы для служения новому режиму. Раскаявшихся Нацистов приглашают перейти на сторону Коммунистической Партии и через нее начать работать на спасение Германии. Пользуясь глубоким недовольством Французов и предложением Morgenthau об ампутации западной части Рейха, Коммунисты взяли на себя инициативу в интенсивном движении в поддержку Отечества. Это создает у Немцев впечатление, что западные демократии, которые встанут на пути "нового и великого Германского Рейха", являются настоящими врагами, а не нацизм или коммунизм.[22] Русские оккупационные войска, по-видимому, больше не пристают к фрэйляйн, "по крайней мере, не так беспечно и безответственно, как Американцы", сообщает Американский корреспондент.[23] Интересно

отметить в этой связи, что на каждые 15 женщин в возрасте от 20 до 30 лет в зоне остается только один мужчина.[24]

Гитлер освободил крестьян от бедствий ростовщиков; Россия делает еще один шаг вперед в своем стремлении получить одобрение народа, разбивая Юнкерские и другие крупные поместья и предоставляя землю небольшими участками от 11 до 17 акров на льготных условиях одобренным Немцам.[25] Эта операция не увеличивает общее производство, но, похоже, распространяет собственность. Очевидно, что этот маневр является предварительной коллективизацией, аналогичной процедуре ликвидации Украинских Кулаков. Новым "владельцам" обещаны дома и оборудование. Поскольку их нет, у владельцев нет другого выбора, кроме как объединиться в существующие усадебные здания, где должен быть расположен штаб коллективизации. Таким образом, коллективизация может быть проведена немного позже с минимальными нарушениями, а новое правительство может легко проскользнуть на место, чтобы эксплуатировать тех, кто обрабатывает землю вместо бывших владельцев.

Все фермеры получают квоты на производство, которые они должны выполнять по контролируемым ценам. Часть любых излишков, а они редко бывают, поскольку квоты установлены столь высокими, может быть продана на рынках, где те, у кого есть деньги на покупку, обычно члены новой правящей бюрократии, могут купить продовольствие для пополнения пайка, который номинально установлен примерно на том же уровне, что и в Американской зоне. Однако необходимые запасы не всегда доступны во многих местах, и повсеместно наблюдается голод.[26] Постоянные сообщения, тем не менее, говорят о значительном экспорте продовольствия в Россию.[27] Однако людям разрешен нормированный бурый уголь для отопления жилых домов,[28] в то время

как, как уже упоминалось ранее, Берлинцы и жители западных зон не имели угля для отопления своих домов.

Все предприятия, оставшиеся в зоне, работают и управляются либо Русскими, либо "рабочими советами", в которых доминируют Коммунисты. Хотя большая часть продукции изымается в качестве репараций и отправляется в Советский Союз, небольшое ее количество поступает на продажу Немецким рабочим. Корреспонденты, которым разрешили посетить зону в марте 1946 года, сообщили, что на выставке был представлен длинный список промышленных товаров, включая столярные инструменты, пишущие машинки, швейные машинки и даже автомобили.[29] Они сообщили, что Немцы, которых они видели, демонстрировали меньше настроения к бесполезности и более бодрый дух, чем в других зонах.[30]

Разрешена только одна политическая партия - Партия Социального Единства, представляющая собой насильственное слияние Коммунистической и Социал-демократической партий, при полном доминировании первой. Поскольку все должности, обеспечивающие власть, престиж и более высокие, чем обычно, доходы, занимают Коммунисты и их питомцы, тысячи Немцев бросились в партию просто для того, чтобы получить ее привилегии.[31] Немцы учатся политике наживы у своих Красных повелителей в таких масштабах, которые заставили бы покраснеть подопечных Таммани.[32] Даже если Россия будет вынуждена вывести свои оккупационные войска, а политический контроль вернется к Немцам, глубоко укоренившиеся Немецкие Коммунисты, несомненно, продолжат оставаться у власти и, по всей вероятности, обеспечат политическое руководство всей Германией[33].

Путь к окончательной коммунизации западных районов усердно готовят Коммунисты в западных зонах оккупации,[34] многие из которых

заняли важные посты как в оккупационной бюрократии, так и в местных правительственных учреждениях, созданных для управления Немцами под присмотром военных. Такому проникновению коммунистов автоматически способствовала Потсдамская программа, деиндустриализация, денацификация, порабощение, репрессии, вся эта ужасная катастрофа. Бродячие банды бродяг могут быть проклятием для западных зональных властей, но они дают Коммунистам прекрасный революционный материал. Поскольку институт частной собственности и классы собственников теперь в основном уничтожены, открылся путь для превращения всего Рейха в Советизированную "демократию".

Мы уже многое сделали, чтобы облегчить реализацию планов России, и Кремль ожидает, что мы сделаем еще больше. Он хочет, чтобы мы приняли Российское требование о репарациях Германии в размере 10 миллиардов долларов, не только для того, чтобы получить прекрасную добычу, но и для того, чтобы нагрузить искаленную немецкую экономику таким грузом, что она сможет выжить только в условиях коммунизации.[35] России выгодно как можно дольше оттягивать подписание мирного договора с Германией, так как эта отсрочка даст ее планам еще больше времени для созревания. И если за это время в Германии будет создано какое-либо правительство, Россия хочет, чтобы это было временное, централизованное правительство, которое даст максимальную возможность основательно укрепившимся Коммунистам взять под свой контроль всю Германию.

Пробуждение Запада

Запад медленно осознал, что Российский союзник на самом деле вовсе не союзник, а решительный враг, что за каждым шагом Кремля скрывается зловещий, опасный мотив. Наши собственные лидеры долгое время находились под влиянием "великого замысла" Рузвельта,

стратегии попытки излечить Советских лидеров от подозрительности, враждебности и ненависти к Западу, осыпая их милостями и любезностями. Находясь под действием этих чар, мы считали строптивых сыновей России блудными детьми, только что вернувшимися в семью народов, и считали своим долгом удовлетворять их прихоти и эксцентричность, не обращать внимания на их оскорбления и удары.

Мы подписали Потсдамскую декларацию, не подозревая, что это Русская мина-ловушка, что ее расплывчатые, противоречивые, неопределенные положения и фразы могут быть применены только Советским Союзом, процветающим на человеческих страданиях, и принести ему выгоду. Мы закрыли глаза на жизненно важное различие между нашим образом жизни и Русским коммунизмом. Поскольку Коммунисты называли свой путь "демократией", мы полагали, что он в чем-то схож с нашей "демократией", и мы добросовестно принимали на веру претензии России военного времени, что она покончила с революцией как внутри страны, так и за рубежом, что ее агрессия - это не более чем шаги по укреплению ее "существенной безопасности".

У нас были стычки с Русскими как в Германии, так и за ее пределами, мы терпели такие пощечины и унижения, с которыми Американцы никогда раньше не мирились. Мы позволили прослушивать наши телефонные линии, идущие через Российскую зону в нашу зону в Берлине. Мы даже смирились с отказом России снабжать нашу Берлинскую зону свежими продуктами. Мы смирились с отказом России разрешить нам провести двойную железнодорожную линию в Берлин. У нас были серьезные конфликты по поводу цензуры газет, контроля над радиостанциями и программами, школами и школьными программами, множества важных и тривиальных вещей, и мы принимали все это с дружеской улыбкой, когда нам приходилось уступать Советским требованиям.

Но в конце концов мы начали понимать, что такая тактика производит на Русских впечатление слабости, и осознавать угрожающий характер Советских замыслов. Сначала мягко, но с растущей решимостью мы начали занимать более твердую позицию, требовать, чтобы нашим собственным интересам было уделено некоторое внимание. Наше разочарование было полным, когда Молотов в Париже, наконец, показал свою руку. С тех пор мы приходим в себя, пошатываясь. Остается надеяться, что пробуждение наступило вовремя, чтобы помешать Кремлю поглотить Германский Рейх.

В этой борьбе мы должны признать, что Россия будет иметь определенные преимущества, помимо тех, которые она получит в результате нашей попытки применить садистские Потсдамские указы, включая глубокое недовольство Германии. Российская бюрократия с ее многолетним опытом управления экономическими институтами и процессами сравнительно легко взяла под контроль Немецкую экономику в своей зоне и полностью готова распространить этот контроль на остальную часть Рейха, когда представится возможность. С другой стороны, наше собственное правительство и особенно наши вооруженные силы, как известно, некомпетентны в ведении экономических дел. В Русской зоне условия достигли дна рано, так что все изменения, которые произошли, были к лучшему; в то время как в нашей зоне дела обстоят плохо, и следует ожидать, что они будут становиться все хуже и хуже. Немцы не преминут заметить этот контраст и сделать опасные выводы. Как уже говорилось, прежнее движение Немцев с Востока на Запад уже обратилось вспять. Тысячи разочарованных, обескураженных Немцев переходят в Российскую зону, где они с энтузиазмом готовятся помочь изгнать ненавистные демократии из Германии.

Однако у нас есть многочисленные преимущества, которые, при правильном подходе, должны оказаться решающими. Немецкая антипатия к России и большевизму глубоко укоренилась; напротив, Немцы до сих пор всегда восхищались нами, Американцами, и во многом подражали нам, особенно в экономических методах. Россия также скомпрометировала себя в фундаментальных аспектах. Она стояла за страшными изгнаниями Немцев с потерянных территорий и других мест. Она была инициатором и главным бенефициаром рабовладельческой системы, взяв в три-четыре раза больше пленных, чем все западные державы вместе взятые. Немцы всех классов глубоко возмущены жестокой и насильственной ликвидацией бывших высших и средних классов, особенно потому, что она была проведена иностранцами и Коммунистами, чей патриотизм вызывает подозрения.

Наша задача - сформулировать новую и справедливую Немецкую программу мира - такую, которая воплотит в жизнь наши основные идеалы и убеждения и поведет Германию к нам и нашему образу жизни, а не от нас. Но прежде чем мы сможем сделать этот шаг разумно, мы должны сначала посмотреть в лицо некоторым основным фактам, должны избавиться от некоторых грубых заблуждений, которые понизили наше уважение к Германии и ввели нас в заблуждение относительно нынешней опасности.

Источники:

1. Josef Stalin, Foundations of Leninism (New York: International Publishers), Chapter 6, Sec. 6.
2. Josef Stalin, Problems of Leninism (New York: International Publishers, 1934), Chapter V, "The Party and the Working Class Within the System of the Dictatorship of the Proletariat.
3. Josef Stalin, Problems of Leninism. pp. 43-4.
4. Reported in Chicago Daily News and other newspapers, Sept. 24, 1946.
5. Problems of Leninism , p. 75.
6. Problems of Leninism , p. 69.
7. Problems of Leninism , p. 66.
8. То же, что и №7.
9. Foundations of Leninism, p. 44.
10. Foundations of Leninism, Chapter VIII, "The Party," (5) 'The Party as the Expression of Unity of Will, Which Is Incompatible with the Existence of Factions,' pp. 118 ff.
11. Foundations of Leninism, p. 120.
12. Foundations of Leninism, p. 102-3.
- 12a. Congressional Record , Feb. 11, 1946, p. A-683.
13. Josef Stalin, From Socialism to Communism in the Soviet Union (New York: International Publishers, 1939), p. 38.
14. Problems of Leninism, p. 25.

15. David Dallin, *The Real Soviet Russia* (Yale University Press, 1945), p. 46.
16. *Chicago Herald-American*, April 14, 1946.
17. Prof. Karl Brandt, "Behind the Iron Curtain," *The Progressive*, Sept. 16, 1946. p. 5.
18. Same at No. 17.
19. Henry Wales, Berlin, March 26, 1946, *Chicago Tribune Press Service*.
20. *United Press*, Berlin, Aug. 8, 1946, *Chicago Daily News*.
21. Hal Foust, Berlin, May 20, 1946, *Chicago Tribune Press Service*.
22. Edd Johnson, Berlin, Jan. 30, 1946, *Chicago Sun Foreign Service*.
23. Edward P. Morgan, Berlin, March 25, 1946, *Chicago Daily News Foreign Service*.
24. Henry. Wales, Berlin, April 9, 1946, *Chicago Tribune Press Service*.
25. Hal Foust, Berlin, July 7, 1946, *Chicago Tribune Press Service*.
26. Prof. Karl Brandt, "Behind the Iron Curtain," *The Progressive*, Sept. 16, 1946, p. 5.
27. John Thompson, Berlin, Oct. 3, 1946, *Chicago Tribune Press Service*.
28. Edd Johnson, Berlin, March 26, 1946, *Chicago Sun Foreign Service*.
29. Edward P. Morgan, Berlin, March 27, 1946, *Chicago Daily News Foreign Service*.
30. То же, что и №29.
31. То же, что и №24.
32. Hal Foust, Berlin, July 13, 1946, *Chicago Tribune Press Service*.
33. То же, что и №23.

34. Cf. Hal Foust, Berlin, May 4, 1946, Chicago Daily Tribune; Wallace R. Deuel, Chicago Daily News, Sept. 12 and 16, 1946.
35. Cf. Samuel Grafton, The Chicago Sun, July 22 and 23, 1946.

Глава X:

ФАКТЫ, С КОТОРЫМИ МЫ ДОЛЖНЫ СТОЛКНУТЬСЯ

Как мы сыграли на руку России

Генерал Эйзенхауэр сказал на пресс-конференции в Лондоне, что Русские "любят смеяться". Что ж, они могут, учитывая то, как мы играем им на руку и поддаемся на их уловки.

Дело дошло до того, что нам серьезно говорили, что мы не должны критиковать Русских или их правительство; однако те, кто так говорил, чувствовали себя совершенно свободно, критикуя все Американское, и не предпринимали никаких соответствующих усилий, чтобы остановить Советские взрывы в наш адрес.

В марте 1945 года Американским военнослужащим в Германии был отдан официальный приказ не высказывать нелестных замечаний о Красных.[1] Типичным примером наших неамериканских усилий по подавлению критики была цензура AMG в апреле 1946 года, когда письмо католического епископа обратило внимание на жестокое обращение Русских с Немцами через принудительные работы и высылки. Мы запретили читать это письмо в церквях, потому что оно могло оскорбить Россию.[2] Социал-демократам и другим Немецким политическим партиям не разрешалось критиковать Коммунистическую партию, чтобы Россия не обиделась.

Мы должны понять, что с нациями, как и с людьми, которые не выносят критики, пытаются поставить себя вне всяких упреков, и что с людьми, которые подстраиваются под них, тоже что-то не так.

Россия заслуживает не только критики, но и осуждения. Сталин в 1939 году сказал Коммунистической Партии России, что она должна

остерегаться нас, потому что мы пошлем в Советский Союз своих "шпионов, убийц и разрушителей". Факты таковы, что Советский Союз послал своих шпионов, убийц и разрушителей в эту страну, как и во все другие, где они проникли в наше правительство, заняв сотни ключевых постов, заседаая в наших внутренних советах и даже помогая формировать нашу внешнюю политику.

Русские, должно быть, хихикают, глядя на то, как мы потворствуем этим коварным пятым колоннам. В отличие от них, Красные расстреливают по подозрению всех, кого они ловят в России, кто, по их мнению, может представлять внешнее влияние.

В ходе судебного процесса над канадскими шпионами было установлено как прямыми показаниями, так и документальными доказательствами, что "ропуск Коммунистического Интернационала был, вероятно, самым большим фарсом Коммунистов за последние годы", и что "только название было ликвидировано с целью успокоить общественное мнение в демократических странах. На самом деле Коминтерн существует и продолжает свою работу". Коммунистические инсайдеры были предупреждены вышестоящим руководством в отношении Великобритании и Соединенных Штатов: "Вчера они были союзниками, сегодня они соседи, завтра они станут нашими врагами". Было также отмечено, что "в России ведется большая пропагандистская работа путем бесед пропагандистов и даже в прессе. Все это делается для того, чтобы приучить людей к мысли, что они должны вести еще одну войну, что, возможно, это будет наша последняя война." [3]

В Германии мы позволили Коминтерну внедрить своих агентов в AMG и местный аппарат Немецкого правительства, который мы создали. Газетчики в нашей зоне склоняются к коммунизму, в основном потому, что бывшие антинацистские таланты были сначала очищены для работы

в прессе Немецкими эмигрантами с левыми взглядами, нанятыми AMG для отбора.

В мае 1946 года стало известно, что Госдепартамент с помощью ФБР очистился от сотен просоветских сотрудников.[5] Некоторое время спустя Бирнс, глава департамента, на вопрос, почему некоторые другие не были отстранены, несмотря на то, что их личность была установлена, ответил, что это было бы нежелательно делать, пока мы вовлечены в серьезную дипломатическую борьбу с Советским Союзом.[6]

Его оправдание было молчаливым признанием того, что он признает, что эти люди являются агентами Советского правительства, и что Кремль может расстроиться, если мы выгоним этих гнильцов.

Нет никаких веских причин, по которым мы должны относиться к России и ее пятой колонне иначе, чем к Нацистской Германии и ее пятой колонне. Единственное важное различие между ними с точки зрения их угрозы нашему национальному спокойствию и безопасности заключается в том, что Советская пятая колонна намного сильнее и глубже укоренилась, чем когда-либо была Нацистская. Если было правильно, что мы подавили Нацистов здесь так, как мы это сделали, не обращая внимания на чувства Гитлера, то правильно, что мы должны с такой же твердостью и эффективностью подавить Коммунистов в нашей среде, не обращая внимания на чувства Сталина, поскольку все они будут потенциальными предателями и саботажниками, если у нас возникнут серьезные проблемы с Россией.

Одним из самых дорогостоящих последствий Советского проникновения в наш Госдепартамент стало принятие нами хитроумных Российских предложений в Ялте и Потсдаме. К ним относятся: разделение Германии на зоны, каждая из которых должна быть оккупирована отдельной державой; Союзный контрольный совет с

пунктом, требующим единогласия при принятии всех решений, с уже отмеченными катастрофическими результатами; требование от Германии выплаты репараций натурой; система принудительного труда; насильственное изгнание Немцев с потерянных Немецких территорий, Польши, Венгрии и Чехословакии. Все территориальные урегулирования и договоренности, принятые в Потсдаме, были теми, на которых настаивала Россия; Французские претензии оставались открытыми. Идея длительного перемирия для Германии, если и не имела Российского происхождения, то уж точно сыграла бы на руку России.

Великобритания и Соединенные Штаты в дни между Тегераном и Потсдамом, во многом благодаря неудачному "великому замыслу" Рузвельта и влиянию Красных в администрации, стремились позаимствовать любую Советскую идею и одобрить любой Советский план в отношении Германии. Несмотря на глубокую вовлеченность в войну, мозги Политбюро нашли время для разработки программы, чтобы в полной мере воспользоваться заботой Запада. С тех пор они наживаются на этом, а мы страдаем от последствий.

Мы даже оказали России прямую и косвенную помощь в распространении ее власти на Восточную Европу и половину Германии. Вместо того, чтобы последовать совету Черчилля атаковать Германию через Балканы и тем самым предотвратить Российское завоевание и оккупацию, мы встали на сторону России и решили атаковать через Ла-Манш. Когда Русские ворвались на Балканы и далее в Австрию и Германию, они передвигались на Американских грузовиках, джипах и самолетах, полученных по ленд-лизу. С тех пор мы поддерживаем их жестокое правление через такие агентства, как UNRRA. Так же быстро, как мы поставляли гуманитарную помощь в эти районы, Россия выкачивала эквивалентную сумму для себя и ставила себе в заслугу то, что мы вливали.[8] В Германии мы даже передали Русским наши

денежные знаки и разрешили им печатать миллиарды оккупационных марок, которые мы первоначально должны были использовать, и, возможно, все еще используем. Но вся эта помощь, включая одиннадцать миллиардов долларов в виде подарков по лендлизу, была проигнорирована Кремлем, который беззастенчиво продолжал идти против наших самых жизненно важных интересов.

Мы должны были знать лучше

В дополнение ко всему этому, как хорошо выразилась Дороти Томпсон: "Фантастические концепции Morgентау заложили основные "принципы" для Потсдамской программы, что сыграло прямо на руку Советскому Союзу." [9] Другими словами, план Morgентау был сделан на заказ для Кремля.

Когда мы приехали в Россию в Ялту с так называемым мирным планом, который призывал к мести и уничтожению торгового конкурента, она увидела и воспользовалась возможностью обратить всю программу в свою пользу за наш счет.

Хотя План обещает принести благословения мира и процветания в беспокойный мир, если бы мы только взяли на себя труд проанализировать его предложения в свете собственных принципов Morgентау, высказанных в других связях и по другим поводам, мы бы сразу поняли, что он может принести только катастрофу.

Содействуя принятию Бреттон-Вудского фонда и банковского плана, Morgентау, будучи министром финансов, провозгласил тезис о том, что "процветание, как и мир, неделимо." А впоследствии, продвигая предоставление кредита Великобритании, он подробно остановился на этом принципе. Вот его слова:

"Если мы больше ничему не научились на страшном опыте войны, то, по крайней мере, должны были понять, что мы живем в мире, в котором все интегрировано. Это мир, который не может существовать наполовину в рабстве и наполовину в свободе, наполовину в войне и наполовину в мире.

Он также не может существовать наполовину в процветании и наполовину в нищете. Процветание, как и мир, неделимо. Оно должно быть общим для всех, если мы хотим им пользоваться." - "Наш собственный уровень жизни не может расти и оставаться на высоком уровне без прогрессирующего процветания во всем мире." - "Как я уже отмечал ранее, процветание не может быть сегментировано; все должны участвовать в нем, иначе со временем все его потеряют." [10] (выделено автором)

Противоречие между этими постулатами и намеренным обнищанием любой нации непримиримо и очевидно. Моргентау выдвигает эти идеи как универсальные принципы, применимые ко всем странам без исключения. Если они могут быть использованы для поддержки жертв, чтобы поставить на ноги одну страну, Великобританию, для укрепления мировой торговли и процветания, то с такой же силой они заставляют сделать вывод, что программа, призывающая к постоянному обнищанию любой ведущей страны, не исключая Германию, ввергнет весь мир в экономическую трясину.

Однако Моргентау не одинок в этом компромиссе с собственными принципами. Бернارد Барух, известный советник президентов, в одно и то же время был и сторонником превращения Германии в бедный дом. Когда война на Европейском театре военных действий подходила к концу, Барух, который любит обращаться к своей аудитории как "Сограждане мира", находился в Лондоне, где он дал интервью Виктору

Ласки, штатному писателю газеты "Stars and Stripes". Объясняя свое присутствие в Британской столице, Барух, по словам Ласки, сказал:

"И одна из причин, по которой я здесь, заключается в том, чтобы держать большую палку над большими мальчиками, чтобы убедиться, что они не собираются нарушать мир. Мы должны деиндустриализировать Германию и Японию - по крайней мере, на одно поколение - чтобы эти субсидируемые страны, использующие рабский труд, снова не наводнили мир своей дешевой продукцией..."[11]

Это был способ Баруха сказать, что за границей он будет следить за тем, чтобы Германия была навсегда устранена как конкурент в мировой торговле.

Барух не смог объяснить природу "большой дубинки", которую он держал в руках над большими мальчиками, но в июне следующего года, выступая в сенатском комитете по военным вопросам, он очень ясно дал понять, что он хочет сделать с Рейхом. Он сказал, что недостаточно просто требовать "экономически слабой" Германии, что программа ослабления Германии должна быть "достаточно конкретной - отрасль за отраслью - чтобы все оккупирующие страны знали, что они согласились на одно и то же". Прежде всего, сказал он, репарации должны быть выплачены Немецким трудом, вместо того, чтобы восстанавливать промышленность страны, чтобы она могла выплачивать репарации за счет экспорта от текущего производства. Необходимо ликвидировать "потенциал Германии в области военного производства". Многие из ее заводов должны быть перенесены на восток и запад в дружественные страны; вся тяжелая промышленность должна быть разрушена; Юнкерские поместья разгромлены; ее экспорт строго контролируется; Немецкие активы и деловые организации по всему миру выкорчеваны."

Эта программа обнищания и программа Моргентау, конечно, очень похожи. Барух откровенно признает, что его целью является уничтожение Германии как торгового конкурента; программа Моргентау молчаливо содержит ту же цель.

Люди были потрясены, когда говорили, что старший Рокфеллер сжег нефтеперерабатывающие заводы конкурентов, которых он не мог уничтожить иным способом. Насколько более возмутительными являются эти предложения разрушить экономику целой нации с аналогичной целью! Консервативные лидеры, использующие свое влияние подобным образом, создают основу для эффективной критики капиталистической морали или ее отсутствия и ослабляют основу для защиты системы прибыли. Поскольку, согласно тезису о едином мире, процветание "должно быть общим для всех, если мы хотим им пользоваться", и "все должны участвовать в нем, иначе со временем все его потеряют", план Моргентау-Баруха приведет к обнищанию не только Германии, но и Европы, и всего мира, не исключая Соединенные Штаты, а значит, предположительно, и господ Баруха и Моргентау.

Предложения Моргентау-Баруха были официальной политикой нашего Правительства, которое в то же время привержено принципам "одного мира." В результате наши ведущие чиновники, пытаясь отстаивать эти взаимоисключающие теории, были вынуждены, как и Моргентау, впасть в абсурдное самопротиворечие. Например, Трумэн, выступая за обнищание Германии по схеме Моргентау-Баруха, заявил на Солдатском поле в Чикаго:

"Мы будем добиваться равных возможностей в мировой торговле, потому что закрытые экономические блоки в Европе или в любом другом месте мира могут привести только к обнищанию и изоляции людей, которые их населяют. Мы будем добиваться устранения искусственных

барьеров для международного судоходства, чтобы ни одна нация, в силу географического положения, не была лишена неограниченного доступа к морским портам и международным водным путям".

Позже он сказал в той же речи:

"Экономическое бедствие в любой точке мира является благодатной почвой для насильственных политических потрясений." [12]

Продолжая политику создания экономического кризиса в Германии, мы тем самым создадим благодатную почву для коммунизма." Здесь Трумэн признает это.

В своей речи в Штутгарте Бирнс противоречил сам себе подобным образом, поскольку он пытался оправдать первоначальную программу деиндустриализации и денацификации, которая означает удержание Германии в нищете, и в то же время сказал:

"Мы узнали, нравится нам это или нет, что живем в одном мире, от которого нельзя отделиться. Мы поняли, что мир и благополучие неразделимы."

Прежде чем мы сможем завоевать уважение всего мира и встать на правильный путь, ведущий к реальному процветанию и благополучию, мы должны искоренить всю заразу Моргентау и Потсдама из нашего мышления и официальной политики.

Германия, сердце Европы

Мы должны серьезно отнестись к признанному факту, что Германия - это сердце Европы, от которого зависит экономическая жизнь континента, и что если мы заставим это сердце перестать биться, вся Европа умрет. Мы также должны осознать, что любое снижение уровня жизни в Германии приведет лишь к снижению уровня жизни в других Европейских странах, что приведение их всех к одному среднему

уровню, приведет к всеобщему обнищанию, которое сведет на нет прогресс веков.

Несмотря на свои принципы единого мира, высказанные в других местах, Моргентау в своей книге "ГЕРМАНИЯ - НАША ПРОБЛЕМА" пишет:

"На самом деле не существует "Европейской Экономики", конечно, не в том смысле, в каком существует экономика Соединенных Штатов. Около тридцати стран Европы имеют свои отдельные экономики, причем самые разнообразные." (стр. 31)

Он яростно утверждает, что "сильная Европа лучше сильной Германии", как будто эти два понятия противоположны, и настаивает на том, что ослабление Германии и сокращение ее внешней торговли будет способствовать процветанию Европы. Он говорит:

"До Первой мировой войны на долю Германии приходилось 12% мировой международной торговли. К 1920-м годам ее доля упала ниже 10%. В 1936 и 1937 годах она составляла немногим более 8%. Мир не будет в проигрыше, если Германия упадет до 2% или 3%, а ее доля перейдет к другим странам". (стр. 71-2)

Короче говоря, когда речь идет о Германии, Моргентау считает внешнюю торговлю совершенно неважной ни для Рейха, ни для стран, торгующих с ней; однако, когда речь идет о других странах, внешняя торговля приобретает уникальное значение.

В заявлении, представленном Комитету по малому бизнесу Сената 20 апреля 1945 года, Моргентау сказал:

"Может показаться, что наш экспорт составляет лишь небольшую часть от общего объема производства. Тем не менее, они жизненно

важны... Они означают разницу между процветанием и депрессией как для сельского хозяйства, так и для промышленности".

26 февраля 1945 года он заявил Детройтскому экономическому клубу, призывая увеличить экспорт автомобилей до миллиона машин в год:

"Мы сможем достичь такого уровня торговли только в том случае, если производящие и потребляющие силы всех стран будут расширены, а не просто восстановлены на прежнем уровне".

Подобные заявления показывают, что сам Моргентау, если он только все обдумает, должен отказаться от своих предложений по обнищанию Рейха и уничтожению его торговли с остальным миром, либо отказаться от принципов "одного мира".

Опыт Великобритании красноречиво свидетельствует о важности Германии для Европейской экономики. Сначала она попала под влияние тех, кто выступал за обнищание Германии, якобы для предотвращения новой войны, но на самом деле для того, чтобы устранить Рейх как торгового конкурента и, возможно, превратить его в рынок для тех самых товаров, которые он раньше экспортировал. Но когда она увидела, что Германии грозит полная катастрофа и она тянет за собой Европу, она частично изменила свою позицию, чтобы предотвратить то, что "близко напоминало отрезание носа назло лицу." Ведь, в конце концов, она должна была понять, что разрушение Германии, чтобы предотвратить конкуренцию Немецкого экспорта со своим, означало бы также потерю большого Немецкого спроса на Британские товары. Как сказал премьер-министр Эттли в Конгрессе США: "Мы не можем иметь процветание дома, когда за границей ад."

Немецкая протрация ощущалась повсюду. Швеция официально выразила озабоченность тем, что она не может вести привычную

торговлю с Рейхом, что имеет пагубные последствия как для нее самой, так и для Германии.[13] Голландия тоже сильно пострадала, вынужденная экспортировать продовольствие и топливо, в то время как родина обходится без них. Голландские фермеры обменивали продукты питания на Немецкие удобрения, которые теперь они могут получить только по высоким ценам от дорогостоящих производителей. Голландия получала плату за передачу товаров между Германией и другими странами; теперь эта торговля и ее прибыль исчезли с подавлением Немецкой торговли. Германия и Голландия обменивались тем, что каждая из них лучше всего производила в своей стране. Таким образом, Немецкие машины, инструменты и приборы находились на Голландских заводах, на Голландских фермах и железных дорогах. Теперь это оборудование не может быть заменено или даже отремонтировано из-за остановки производства в Рейхе. Как сказал один наблюдатель:

"Декреты о деиндустриализации поощряются менее эффективными интересами Объединенных Наций, особенно Англии, которые надеются выиграть от смертных приговоров Немецкой конкуренции. Нидерланды и другие страны теряют то, что раньше получали от Германии." [14]

В Лондоне "Министры продовольствия 17 Европейских стран, - говорится в сообщении Associated Press, - обратились к побежденной Германии как к возможному источнику угля и удобрений, которые были крайне необходимы, чтобы избежать голода." [15]

Выражая глубокую озабоченность, лондонский журнал The Economist пишет:

"Правда заключается в том, что процветание Западной Европы в значительной степени зависело от наличия в Руре огромной промышленной концентрации, производящей богатство. Сейчас этот

производящий богатство механизм почти полностью простаивает, и все западные соседи Германии несут на себе последствия этого.

"Сказать, что гибель Германии - это гибель Европы, значит не вызвать в России ничего, кроме вздоха облегчения от того, что обе страны будут ослаблены вместе. Американскую позицию понять труднее." [16]

Редакция газеты The Chicago Sun сообщила:

"Любой оптовик должен помочь своему лучшему клиенту встать на ноги, когда тот испытывает финансовые трудности, - это хороший бизнес - простой, крепко сбитый здравый смысл. Если покупателем является целая нация, необходимость в этом становится еще более насущной." [17]

Конечно, это было сказано в защиту кредита Великобритании, но та же логика применима и к Германии, которая когда-то была одним из наших лучших клиентов.

Бирнс сказал в Париже:

"Экономическое возрождение Германии необходимо для благополучия Европы."

В Штутгарте он, как и Молотов в Париже, признал, что Германия является промышленной мастерской Европы.

Повторяю, мы вынуждены признать тот факт, что мы не можем продолжать нашу первоначальную политику в отношении Германии и надеяться на что-либо, кроме обнищания Германии, и, как следствие, Европы и всего мира.

Вопрос о военной вине

Моргентау, чьи идеи по этому вопросу соответствуют официальному мнению Организации Объединенных Наций, основывает всю свою аргументацию в пользу превращения Германии в богадельню на тезисе, что жажда войны была единственной причиной обеих мировых войн.

"Желание войны", - пишет он в своей книге, - "так же прочно заложено в Немце, как желание свободы в Американце". По его словам, воля к войне, сопровождаемая замыслом завоевать мир, интенсивно культивировалась в Немецком народе в течение почти двухсот лет и, вероятно, потребуются еще двести лет, чтобы ее искоренить. Следовательно, утверждает он, единственный способ помешать Германии снова нарушить мир во всем мире при первой же возможности - это предотвратить такую возможность, а это можно сделать наилучшим образом, постоянно ослабляя ее до такой степени, что она не сможет, даже если и захочет, вести войну.[18]

Справедливость всей его программы, а значит и Потсдама, должна стоять или падать на этой предпосылке. Если есть сомнения в ее обоснованности или полноте, то такие же сомнения должны быть и в справедливости его плана.

Не пытаясь исчерпать эту тему, мы предлагаем следующие свидетельства, которые вызывают сомнения в точности предпосылок, а значит, и сомнения в справедливости нашего отношения к Немецкому народу.

Давайте еще раз обратимся к Моргентау по другим поводам. 7 марта 1945 года он заявил в Комитете Палаты представителей по банковскому делу и валюте:

"Политика власти... стала в мире термином упрека... Организация Объединенных Наций надеется искоренить ее с лица земли. Но экономика власти может быть не менее опасной, поскольку если она и не является корнем всех зол в международных делах, то, по крайней мере, является частой причиной конфликтов. Законодательство, рассматриваемое этим комитетом, является нашей лучшей надеждой изгнать и это.

"Мы не можем сказать, что присоединимся к другим странам в организации по поддержанию мира, но не поможем устранить одну из самых опасных причин войны - экономическую дезорганизацию." [19]

Экономические неурядицы - это вряд ли то же самое, что своенравные черты Немецкой природы или "воля к войне."

Три месяца спустя Моргентау заявил в сенатском комитете по банковскому делу и валюте:

"Мир - это больше, чем политическая проблема. Это сложная структура, которая может быть построена только на прочном фундаменте экономического порядка и процветания во всех странах. Мир и процветание - две стороны одной и той же проблемы. Мы не можем пренебречь одной из них, не поставив под угрозу другую. Чтобы мир был прочным, должны быть рабочие места, должна быть надежда на экономическое улучшение.

"Международные валютно-финансовые проблемы были источником конфликтов на протяжении целого поколения. Мы должны проследить, чтобы после этой войны они не стали основой для новых конфликтов." [20]

Отсутствие процветания и надежды на улучшение экономики, а также международные валютно-финансовые проблемы, по крайней мере, частично виноваты в недавней войне, по мнению самого

Моргентау, а не только Немецкая жажда войны, утверждается в его книге.

Он рассказал об этом Торговой палате Сент-Луиса:

"После последней войны были предприняты неофициальные попытки стабилизировать валюты, но они провалились... Конкуренционное обесценивание валют привело к другим формам экономической войны... Новые валютные трюки ограничивали и обременяли торговлю. Их, безусловно, следует считать одной из причин, способствовавших возникновению великой депрессии. И они были первой фазой трагической войны, в которую мы сейчас вовлечены." [21]

Винсон, сменивший Моргентау на посту министра финансов, изложил свою версию причин войны в таких словах:

"У нас есть политические, социальные и экономические проблемы между странами, которые дважды за наше поколение ввергали нас в войну. Решение этих проблем необходимо для длительного процветания и прочного мира." [22]

Решение таких проблем для предотвращения войны - это далеко не та политика, которую мы изначально проводили, пытаясь сохранить мир, превратив Германию в пастбище для коз.

Герберт Э. Гастен, помощник министра финансов, в опубликованной речи сказал:

"Почти полностью из-за больного состояния внешней торговли мы едва выбрались из последней депрессии, когда на нас обрушилась война." [23]

А в другой раз он сказал:

"Еще до начала нынешней войны, когда Германия напала на Польшу, казалось очевидным, что мы не можем иметь политический мир

без экономического мира, а процветающая мировая торговля возможна только в условиях валютного мира." [24]

То, что большинство войн, включая последнюю, были вызваны экономическими потрясениями и последующими "подлыми ростами", если воспользоваться фразой покойного лорда Кейнса, является трюизмом, который не станет отрицать ни один информированный человек. Такие потрясения и их результаты не тождественны людям; люди - это жертвы. Поэтому неправильно винить людей за силы, которые заставляют их вести себя. Когда люди попадают в ловушку, где само их существование находится под угрозой, они будут бороться за выход, если есть такая возможность. Они будут бороться, даже если это может показаться самоубийством. Ведь большинство людей предпочитают умереть в борьбе, а не в бездействии. Такое поведение может быть неправильным, но именно так вели себя люди на протяжении многих тысяч лет, и есть шанс, что так будет и впредь.

Сами Британцы часто находили условия мира более невыносимыми, чем условия войны. Всякий раз, когда баланс сил в Европе нарушается настолько, что континент начинает подпадать под господство какой-то одной из держав, Британия рассматривает ситуацию как угрозу самому своему существованию и вступает в войну, чтобы сохранить себя. Один из лучших и наиболее авторитетных анализов этого вопроса появился в сентябрьском, 1943 года, номере полуофициального Британского издания "The Nineteenth Century and After", редактором которого является Ф.А. Войт. Ниже приведены соответствующие выдержки:

"Сейчас модно отвергать баланс сил как устаревшую доктрину. Это не доктрина. Для Великобритании и империи это неизменное условие

выживания. Любая держава, которая становится неоспоримым хозяином Европейского материка, может стать хозяином Британских островов...

"У Англии нет ни одного постоянного врага в Европе, и ни один из ее жизненных интересов не противоречит жизненным интересам какой-либо Европейской державы. Ее единственный враг - это та держава или та коалиция держав, которая может попытаться доминировать в Европе. Против этого врага она должна быть всегда готова, всегда быть сильной и всегда иметь союзников. Как меняется ее враг, так должны меняться и ее союзники. Вчерашний враг может стать завтрашним союзником, а вчерашний союзник может стать завтрашним врагом.

"Сила Британской империи плюс сила континентальных союзников, если империя сильна, всегда будет уравнивать силу любой державы, стремящейся к господству. И пока баланс сохраняется, будет мир, потому что ни одна держава не может преобладать над остальной Европой плюс Британская империя, пока империя сильна".

"Этот простой механизм и есть баланс сил. Он существует в силу неизменных физических реалий. Ни Лига Наций, ни любая система коллективной безопасности, ни разоружение не могут изменить эти реалии. Как только баланс сил будет поставлен под сомнение, любая коллективная система рухнет, и Англия, если ей не суждено погибнуть, бросит встречный вызов. Она сделала это в 1939 году. Механизм равновесия был запущен, и Лига Наций в одночасье лишилась всякой реальности, которой она когда-либо обладала, 1 сентября того года, в день, когда Германия напала на Польшу и, высвободив механизм, начала вторую мировую войну. Англия боролась за сохранение равновесия - по этой причине и ни по какой другой.

"Общепринятое мнение о том, что Германия развязала войну, чтобы доминировать в мире, на наш взгляд, ошибочно.

"Она хотела быть мировой державой, но мировая держава и мировое господство - это не одно и то же (Англия - мировая держава, но она не господствует в мире).

Гитлер был бы рад разделить мир с Англичанами... Если бы Англия сохранила нейтралитет, он бы добился успеха. Но тогда она оказалась бы на его милости или на милости его преемника - в любом случае на милости Немецкой нации... Ничто не могло спасти Англию от гибели - кроме доброй воли Немцев.

"Именно для того, чтобы избежать этой участи, Англия вступила в войну в 1939 году. Именно для предотвращения подобной участи в последующие годы необходимо всегда поддерживать баланс. Политический цвет кожи тех, кто поддерживает баланс, совершенно неважен... Характер мира должен определяться непреходящими реалиями Европейской ситуации, а не преходящими явлениями, такими как фашизм, национал-социализм, социализм или коммунизм. Непомерная мощь Германии должна быть уменьшена, и ее необходимо поддерживать. Лучше не слишком сильная деспотически управляемая Германия, чем слишком сильная либеральная Германия... Но... важно, чтобы ослабление Германии было относительным, а не абсолютным." [25]

Это объясняет в терминах, сильно отличающихся от терминов Моргентау, основную причину двух мировых войн. Он объясняет интерес Британии к Потсдамским соглашениям, включая деиндустриализацию и денацификацию, а также причины, стоящие за нынешней оппозицией Британии к России, которая снова угрожает нарушить Европейский баланс, как это сделала Германия. В книге оспаривается тезис о том, что Немецкий народ и его своеобразие были исключительно ответственны за войну и должны понести соответствующее наказание.

Она также проясняет многие необъяснимые в других обстоятельствах эпизоды, связанные с войной и ее началом. Она показывает, почему Великобритания вступила в войну якобы для того, чтобы противостоять агрессии, но применила эту политику только к Германии, а не к России, когда та напала на Польшу в полном партнерстве с Германией. Она объясняет причину секретного протокола, приложенного к ее декларации, гарантирующей Британскую и Французскую помощь Польше, который квалифицировал и ограничивал эту гарантию немецкой агрессией и ничем другим. Часть этого договора, которая была обнародована в то время, создавала впечатление, что гарантия стояла на моральной почве, против любой и всякой агрессии. Опубликованная часть гласила:

"Если одна из договаривающихся держав окажется вовлеченной в военные действия с Европейской державой вследствие агрессии последней против этой договаривающейся стороны, то другая договаривающаяся сторона немедленно окажет вовлеченной в военные действия договаривающейся державе всю возможную поддержку и помощь".

Несмотря на то, что формулировки несколько натянуты, смысл ясен: защита от агрессии была главным соображением и тем, за что Англия будет сражаться. Нападение Германии на Польшу было расценено как международное преступление. Но когда Россия также напала, а Британия не смогла противостоять этой агрессии, которая также была жестоким ударом в спину, но продолжала войну против Германии в одиночку, многим наблюдателям стало ясно, что в ситуации присутствует нечто большее, чем кажется на первый взгляд. К договору была приложена секретная оговорка, которая с тех пор была обнародована и которая гласит: "Под выражением "Европейская

держава", используемым в соглашении, следует понимать Германию."[26]

Другими словами, Британия воспользовалась ситуацией, чтобы вступить в войну против Германии, потому что Рейх стал слишком сильным и нарушил Европейское равновесие. Чтобы исправить фундаментальную проблему, с точки зрения Британии, Германия после поражения должна быть ослаблена в качестве защитной меры. Никакой морали в этом вопросе нет, только соображения политики власти и выживания Британии.

Лорд Лотиан, бывший посол Великобритании в США, сказал в марте 1938 года, во время австрийского кризиса:

"Если наступит еще одна война и история ее будет написана, беспристрастный историк через сто лет скажет, что не одна Германия была ответственна за нее, даже если она нанесет первый удар, но что те, кто плохо управлял миром между 1918 и 1917 годами, несли в ней большую долю ответственности."[27]

В своей колонке 23 апреля 1944 года Карл фон Виганд написал:

"В апреле 1939 года, за четыре месяца до вторжения Гитлера в Польшу, посол Уильям К. Буллит, которого я знал 20 лет, вызвал меня в Американское посольство в Париже. Мы оба стояли перед камином в его кабинете, окна которого выходили на прекрасную Площадь Согласия, и Американский посол сказал мне, что решение о войне принято. Он не сказал, и я не спросил, кем. Он предоставил мне самому догадываться об этом. Когда я сказал, что в конце концов Германия будет загнана в объятия Советской России и Большевиизма, посол ответил: "Ну и что с того. Когда война закончится, Немцев не останется столько, чтобы их стоило большевизировать."[28]

Месяцем ранее, по данным Associated Press:

"Иосиф Сталин в одном из своих самых откровенных заявлений сказал всему миру, что Советская Россия не будет втянута в конфликт с Германией в качестве "кошачьей лапы" для вытаскивания Британских и Французских каштанов из огня... В основе политики невмешательства (против фашизма), по его словам, лежало желание как можно глубже втянуть Италию, Японию и Германию в войну против Советского Союза, а затем, когда все они ослабнут в результате конфликта, "выйти на сцену со свежими силами и диктовать мир."[29]

А через месяц после начала конфликта "Правда" сообщила:

"Мир и дружба между СССР и Германией также отвечают интересам всех народов Европы. Условия тревоги, вражды и взаимного недоверия в Восточной Европе выгодны только поджигателям войны, которые привыкли, чтобы другие вытаскивали для них каштаны из огня. Такие условия поддерживались в течение многих лет политикой подстрекательства одной страны против другой."[30]

Профессор Гарри Элмер Барнс в ответ на обвинение в воинственности Немецкого народа заявляет:

"Англия оказалась далеко впереди по относительной воинственности среди наций, в то время как Германия и Нидерланды стоят в самом низу списка, рядом с Данией".

К такому выводу подталкивают такие результаты, как данные, приведенные в книге профессора Куинси Райта "Исследование войны", где показано, что в период с 1480 по 1940 год произошло 278 войн с участием Европейских стран, процентное соотношение участия которых было следующим:

"Англия - 28; Франция - 26; Испания - 23; Россия - 22; Австрия - 19; Турция - 15; Польша - 11; Швеция - 9; Италия - 9; Нидерланды - 8; Германия (включая Пруссию) - 8; Дания - 7" (т. I, с. 221).

Аналогичным образом Питирим Сорокин в томе III, части II своей "СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ" показывает, что с XII века по 1925 год процент лет, в течение которых ведущие Европейские державы находились в состоянии войны, выглядит следующим образом (стр. 352):

Страна - процент лет войны:

Испания - 67; Польша - 58; Англия - 56; Франция - 50; Россия - 46; Голландия - 44 Италия - 36; Германия - 28.

Таким образом, Сорокин делает вывод, "что Германия имела наименьший, а Испания наибольший процент лет войны". Таким образом, из ведущих современных Европейских государств Англия, Франция и Россия демонстрируют почти вдвое большую воинственность, чем "любящие войну" Немцы.

Профессор Барнс продолжает:

"Президент Трумэн хорошо сказал, что конструктивные общественные действия должны быть основаны на правде. Очень жаль, что кто-то не смог шепнуть ему на ухо немного правды перед его отъездом в Потсдам. Мало шансов, что строение, возведенное полностью на лжи в 1945 году, выдержит больше, чем то, которое было полностью основано на лжи в 1919 году.

"И есть вероятность, что разочарование после Потсдама наступит гораздо быстрее, чем после Версаля. В период после 1919 года нам пришлось ждать несколько лет, чтобы получить ранее секретные документы, которые могли бы разрушить ложь периода войны и миротворчества. На этот раз расстраивающие факты уже доступны и настолько ясны, что любой честный и информированный человек может прочитать их на бегу. Единственное, чего нам нужно дожидаться, - это мужества, чтобы заявить о том, что сегодня хорошо известно и не

вызывает серьезных сомнений, - короче говоря, чтобы знать, что честный историк не будет немедленно занесен в список обвиняемых на процессе о массовом подстрекательстве."[31]

Подстрекательство к войне - ужасная вещь. Оливер Литтлтон, Британский министр производства, выступая в Лондоне 20 июня 1944 года перед Торговой палатой Америки, как сообщает United Press:

"Япония была спровоцирована на нападение на Соединенные Штаты в Перл-Харборе. Это пародия на историю - когда-либо говорить, что Америка была вынуждена вступить в войну."[32]

В настоящее время установлено, что во избежание войны с Соединенными Штатами Германия приказала своим подводным лодкам не предпринимать никаких ответных действий в случае нападения на них Американских сил по приказу из Вашингтона. В явное нарушение международного права наши корабли в Атлантике получили приказ за два месяца до Перл-Харбора обстреливать все встреченные суда Оси. В то время адмирал Старк направил адмиралу Киммелу сообщение о том, что "мы находимся в состоянии войны" в Атлантике.

Через два месяца после Перл-Харбора премьер-министр Черчилль заявил в Палате Общин:

"Когда я рассматриваю и подсчитываю силы Соединенных Штатов и их огромные ресурсы и чувствую, что теперь они вместе с нами, с Британским Содружеством Наций, все вместе, как бы долго это ни длилось, до смерти или победы, я не могу поверить, что во всем мире есть какой-либо другой факт, который может сравниться с этим. Это то, о чем я мечтал, к чему стремился и ради чего работал, и теперь это свершилось."[33]

Наша программа ленд-лиза была протолкнута через Конгресс с минимальным перевесом в качестве "мирной меры". Однако сенатор

Гласс выдал ее истинную цель, когда заявил, что он выступает за предоставление Великобритании всего военного оборудования, которое мы можем выделить, "чтобы стереть Германию с лица карты." [34] Он имел смелость сказать то, что было на уме у многих деятелей в Вашингтоне и за его пределами.

Гитлер был осужден как нарушитель международных пактов и соглашений; Однако, когда мы послали эсминцы в Британию задолго до Перл-Харбора и позже позволили многим нашим судам быть взятыми Британскими офицерами, мы нарушили Раздел 3 Статьи V Закона от 15 июня 1917 года, который предусматривает, что во время войны, в которой Соединенные Штаты являются нейтральной страной, незаконно посылать за пределы юрисдикции Соединенных Штатов любое судно, построенное, вооруженное или оборудованное как военное судно с любым намерением или с разумной причиной полагать, что оно будет использовано любой воюющей страной. Мы также нарушили Гаагскую конвенцию, которая запрещает нейтральной стране поставлять любые военные материалы любой воюющей стране.

Нет необходимости продолжать этот спор. Мы показали, что существуют веские основания для сомнений, по крайней мере, в некоторой степени, в обвинении Немецкого народа в том, что он, в силу своей своенравной природы, своей воли и жажды войны, был единственным виновником позднего конфликта. Поэтому есть равные основания для сомнений в справедливости Потсдамской программы, призванной искалечить Германию и обречь ее народ на вечную нищету, и не менее веские моральные основания для отказа от этой программы.

О "Коллективной вине" и пропаганде

Победители в каждой войне считают, что они правы, а побежденные - нет. Последняя война не стала исключением. Продолжая

осуждать побежденных в этой войне как расу преступников и наказывать их соответствующим образом, как мы сначала собирались сделать, мы создадим самый опасный прецедент, о котором наши дети могут иметь все основания сожалеть. Ведь если мы когда-нибудь проиграем войну, мы можем рассчитывать только на подобное отношение.

Явно несправедливо обвинять и наказывать народ любой страны за действия его лидеров, особенно когда народ находится под пятой диктатуры, которая под страхом сурового наказания заставляет подчиняться указам и приказам лидеров.

Правда заключается в том, что народ ни одной страны в современной истории, включая нас самих, никогда не пользовался важным голосом при принятии важных решений о вступлении в войну или о заключении мира. Это один из величайших фактов, которые мы должны признать. Америка не сможет внести улучшения в грязную игру политики власти, которая ввергла народы мира в одну ужасную войну за другой, пока народ не заявит о себе и не потребует введения справедливости в мирные соглашения.

Но прежде чем это произойдет, они должны разрушить узы ложной пропаганды. Эта пропаганда идет с двух основных уровней - высшего и низшего. Поза Британии как защитницы праведности, в то время как на самом деле она занимается манипулированием системой баланса сил, является примером верхнего уровня. Этот тип пропаганды прекрасно описан покойным Джоном Мейнардом Кейнсом в книге "ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИРА":

"Политика власти неизбежна, и нет ничего особо нового в этой войне или в том, ради чего она велась; Англия уничтожила, как и в каждом предыдущем веке, своего торгового соперника; была закрыта могучая глава в светской борьбе между славой Германии и Франции.

Благоразумие требует в какой-то мере прислушиваться к "идеалам" глупых Американцев и лицемерных Англичан, но было бы глупо верить, что в мире, как он есть на самом деле, есть место для таких дел, как Лига Наций, или для какого-либо смысла в принципе самоопределения, кроме как в качестве гениальной формулы для перестройки баланса сил в своих собственных интересах."

Это было написано о Первой мировой войне, но это также применимо и ко второй. Другой Англичанин, великий Дизраэли, сказал:

"Все великие события были искажены, большинство важных причин скрыты, некоторые из главных героев никогда не появлялись, а все, кто фигурировал, были так неправильно поняты и искажены, что в результате получилась полная мистификация. Если история Англии когда-нибудь будет написана человеком, обладающим знаниями и мужеством, мир будет поражен"[35].

Министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин сказал правду о пропаганде нижнего уровня, когда заявил на Лондонской конференции министров иностранных дел 10 февраля 1946 года:

"Газета должна делать три вещи. Первое - развлекать, второе - развлекать, а остальное - вводить в заблуждение."[36]

То, что такая пропаганда сыграла огромную роль в разжигании большинства войн, не подлежит сомнению. Она обманывает и сбивает с толку общественность, разжигая и укрепляя ее врожденные предрассудки, которые цивилизационные процессы обычно сдерживают в приемлемых пропорциях. Люди могут точно судить только о тех вещах, которые входят в сферу их непосредственного опыта или которые им позволяют рассмотреть со всех сторон образовательные процессы. Когда средства массовой информации, на которые люди полагаются, чтобы донести до них иностранные новости, окрашивают и

выхолащивают факты, или даже создают их из ничего, как они иногда делают, у общества нет возможности узнать правду. Его коллективное мнение, точность которого является основой демократических процессов, не может быть надежным; напротив, если его мнение будет искажено, а страсти разгорятся в нужных целях, оно неизбежно поддержит безумные авантюры, несправедливые интервенции и другие трагические ошибки в международных делах.

Так, премьер-министр Невилл Чемберлен за месяц до начала войны с грустью заметил:

"К несчастью, плохие чувства между народами ежедневно разжигаются ядовитой пропагандой в прессе и другими средствами. Я не могу избавиться от чувства, что если только мы прекратим эту словесную войну и предпримем какие-либо действия, направленные на восстановление доверия народа к мирным намерениям всех государственных деятелей Европы - если только это можно сделать, то я все еще чувствую, что не знаю ни одного вопроса, который не мог бы и не должен быть решен путем мирных дискуссий. Выигрыш был бы огромен. С другой стороны, если начнется война, то какая бы сторона ни претендовала на окончательную победу, нет ничего более уверенного в том, что и победитель, и побежденный соберут страшную жатву человеческих страданий и несчастий"[37].

Американцы, как и Британцы, накануне войны были наводнены вводящей в заблуждение, нагнетающей обстановку пропагандой. Лишь немногие спокойные, информированные наблюдатели смогли, по-видимому, разобраться в этом. В письме в компанию Hugh W. Long & Co. один из руководителей Roosevelt & Son из Pine Street написал за шесть месяцев до того, как мы были втянуты в войну:

"Я не могу воздержаться от выражения своего презрения к тем, кто сейчас политически манипулирует мотивом страха и рисует картину Соединенных Штатов, захваченных Адольфом Гитлером. Никогда не было страны, которая была бы так сильно расположена стратегически для обороны, как эта, и когда, кроме того, эта страна имеет больше нефти, чем любая другая страна в мире, и больше практических изобретательских достижений на ее счету (включая оригинальное изобретение и большинство значительных усовершенствований самолета), и имеет установленную и признанную способность к массовому производству, мне ясно, что она обладает особым гением для механизированной войны, и что все разговоры о том, что вооруженные силы Адольфа Гитлера могут сделать с нами, просто вздор.

"Нет. Если тоталитаризм придет в Соединенные Штаты, он придет потому, что Американский народ может быть очарован неискренними, поверхностными, ловкими политиками и не требовать лидерства от людей с характером, мужеством, честностью"[38].

Возможно, самой ядовитой из всех пропагандистских тем, распространяемых в этой стране на страницах газет и в других местах, было предполагаемое заявление Адольфа Гитлера о том, что когда-нибудь он придет сюда и покончит с "загнивающим Янкидомом". Этот отрывок был оформлен как прямая цитата и помещен над именем Адольфа Гитлера. Было сделано все возможное, чтобы создать впечатление, что он взят из *Mein Kampf*; в то время как это было то, что Герман Раушниг сказал, что Гитлер сказал - ничем не подкрепленное свидетельство одного человека, беженца.

Такое предложение полностью противоречит тому, что Гитлер написал в *Mein Kampf*, где он осуждает уязвимость Германии из-за ее открытых границ и малой протяженности ее национальной территории и

восхваляет Соединенные Штаты из-за "их огромного пространства, которое эквивалентно площади континента" и их "несравненной внутренней силы"... "Гигантское Североамериканское Государство", - говорит он, - "с огромными ресурсами своей почвы, гораздо более неуязвимо, чем окруженный Германский Рейх". И снова он говорит:

"Военные решения быстрее, легче, полнее и эффективнее принимаются в отношении государств, имеющих обширные территории. Более того, величина национальной территории сама по себе является определенной гарантией того, что внешняя держава не станет поспешно рисковать и вторгаться; ведь в этом случае борьба за власть должна быть долгой и изнурительной, прежде чем можно будет надеяться на победу. Риск столь велик, что для такой агрессивной авантюры должны быть чрезвычайные причины. Поэтому именно территориальные размеры государства создают основу, на которой национальная свобода и независимость могут быть сохранены с относительной легкостью..."[39]

О том, насколько прочно пропаганда закрепила в обществе впечатление, что Mein Kampf предлагает программу завоевания мира, свидетельствует следующая выдержка из стенограммы периода вопросов после выступления посла Джона Кюдахи перед Чикагским советом по международным отношениям за полтора месяца до Перл-Харбора.

"Председатель Бентли: У меня есть вопрос в письменном виде: "Как вы согласуете объявленный Гитлером план мирового завоевания с его заявлениями, сделанными вам?". "Мистер Кюдахи: Я не знаю ни о каком плане мирового завоевания. (Крики "А как насчет Mein Kampf?" из зала).

"Я очень внимательно прочитал Mein Kampf и не нашел в ней никакого плана завоевания мира". (Крики "Ох-х-х-х" из зала). Раньше

меня клонило в сон, но после того, как я побывал в Германии, я прочитал ее очень внимательно. Гитлер сделал ряд заявлений, которые указывают на то, что он мечтал о мировой империи, но я полагаю, что Гитлер может быть виновен в некотором красноречии кампании.

"Я знаю, что эта война была вызвана прошлой войной."

Никогда не было никаких фактических доказательств того, что замышлялось завоевание мира. Генерал Маршалл, начальник штаба армии, в своем двухгодичном отчете, опубликованном в октябре 1945 года, заявил, что оценка Генеральным штабом военного министерства допросов высокопоставленных членов Немецкого высшего командования "не выявила какого-либо общего стратегического плана Германии по завоеванию мира." [40]

Заключение

Программа союзников по перевоспитанию Немцев - это случай, когда одна заблуждающаяся группа пытается ввести в заблуждение другую. Наше убеждение в том, что Немцы были напичканы ядовитой пропагандой, совершенно верно, и наше стремление искоренить последствия этой пропаганды - благое. Однако мы не сможем достичь своей цели, если многие из наших собственных идей ложны, и особенно если Немцы знают об этом на собственном опыте. Чтобы быть успешным, учитель должен пользоваться уважением тех, кого он пытается научить. Он должен завоевать это уважение, демонстрируя превосходство своих знаний и понимания. Часть того, чему мы пытаемся научить Немцев, является правдой и может оказать самое благотворное влияние на мировоззрение Немцев, если только мы сможем заставить их слушать с уважением и сочувствием. Но слишком многое из того, во что мы пытаемся заставить их поверить, Немцы знают как неправду, и

это знание с их стороны заставляет их терять уважение к нам и оставаться глухими ко всему, что мы говорим.

Наша программа перевоспитания должна начинаться дома. Если бы мы только смогли преодолеть влияние наших собственных иллюзий, порожденных пропагандой и невежеством, проистекающим из недостатка глубокого знания Европейских дел, если бы мы только смогли овладеть фактами и затем мужественно взглянуть им в лицо, мы не только смогли бы перевоспитать Немцев, но и устранить многие ошибочные и трагически опасные черты нашей Германской программы. Если мы не пересмотрим наши собственные идеи и программу, которую эти идеи породили, мы рискуем потерять Германию, Европу и все, ради чего мы вели эту дорогостоящую войну. Хочется надеяться, что эта книга поможет указать путь к истине, а значит, и к нашему будущему успеху.

Наш опыт в Европе уже преподавал нам несколько горьких уроков и заставил нас в некоторой степени смягчить ту суровую и жестокую программу, которую мы собирались навязать нашему побежденному врагу. Но нам предстоит еще многому научиться и внести еще много изменений в нашу политику, прежде чем мы сможем надеяться на успех нашей Германской авантюры. Учитывая эти факты, мы предлагаем следующие предложения.

Краткий план для Германии

Срочно отправьте в Германию чрезвычайные запасы продовольствия. Немедленно поднять базовый рацион до 2,200 калорий на человека в день, а зимой - до 2,500 калорий. Разрешить функционирование Центрального Красного Креста. Снять все ограничения на частную помощь.

Организуйте, по возможности, большие акции под эгидой правительства для обеспечения одеждой, топливом, лекарствами и другими предметами первой необходимости, которых сейчас не хватает.

Освободить всех Немецких военнопленных, вернуть их в Германию и предоставить им необходимые инструменты, чтобы они могли работать в Германии, кормить и обеспечивать Немецкий народ, и тем самым снять тяжелое бремя с наших плеч. Выдать всем пленным полную профсоюзную зарплату за работу, полученную ими после дня Победы, чтобы они могли восстановить свое существование и обеспечить своих оставшихся в живых иждивенцев.

Вернуть все Немецкие земли и восстановить границы Рейха 1937 года. Провести плебисциты на всех других территориях, населенных Немцами в 1937 году, включая Данциг и Австрию, чтобы определить, в соответствии с Атлантической хартией, под каким флагом эти народы хотят жить.

Чтобы ослабить нынешнее невыносимое демографическое давление, поощряйте все страны с низкой плотностью населения, такие как США, Канада, Латинская Америка, Австралия и Африка, снизить планку и позволить избыточному Немецкому населению эмигрировать.

Оказывать всю возможную помощь для восстановления Немецких городов, восстановления основных общественных служб и создания достойных жилищных условий.

Снять все ограничения на промышленное производство и поощрять максимально возможный выпуск продукции (кроме боеприпасов), в соответствии с тезисом, что "процветание, как и мир, неделимо."

Поощрять Немецкую внешнюю торговлю, чтобы Немцы могли как можно скорее обеспечить себя. Установить стоимость марки по

отношению к другим валютам, чтобы сделать возможной частную Немецкую внешнюю торговлю. Разрешить производство и эксплуатацию коммерческих дирижаблей и океанских судов.

Восстановить национальные финансы и предотвратить инфляцию путем стабилизации валюты. Сократить существующую валюту, обращаясь к непогашенным маркам и обменивая их на новые марки по принципу: пять старых марок за одну новую, и сделать все долги и контракты оплачиваемыми в новых марках в том же соотношении взамен старых. Пусть эксперты определяют точное соотношение, необходимое для этой операции, целью которой будет снижение уровня цен до уровня 1937 года. После этого изменения в общем предложении платежных средств должны соответствовать изменениям в национальной производственной способности.

Снижение налогов для возрождения стимулов и мотива прибыли.

Снять все ограничения на научные исследования и изобретения, сохранив запреты только в области атомного деления, ядовитых газов и военного оружия.

Составить мирный договор с Германией и официально завершить войну.

Позволить Немцам создать единое центральное правительство по своему выбору, в соответствии с Атлантической хартией, только с таким внешним контролем, как упомянутые ниже. Поощрять Немцев к разработке Конституции для себя, при этом все партии, выступающие за диктатуру или революцию, должны быть отстранены от участия в Конституционном собрании.

После этого выведите все оккупационные войска, снимите военные правительства и упраздните все зоны. Однако постоянно продолжать разоружение и запретить производство боеприпасов и всего военного

оружия. Для обеспечения контроля со стороны ООН установить систему наблюдения и внезапных инспекций бродячими патрулями, которым разрешается проверять любые записи и деятельность и которые поддерживаются военной мощью США и других стран ООН. Нарушителей судить в Немецких судах прокурорами союзников, приговоры обжаловать и при необходимости повторно рассматривать в трибуналах союзников.

Настаивать на отмене любой дискриминации в пользу перемещенных лиц и других лиц и сделать всех людей в Германии равными перед законом.

Свернуть программу перевоспитания как можно быстрее и изящнее. Заменить общие антинацистские указы конкретными законами, запрещающими распространение и пропаганду определенных четко определенных и конкретных идей или видов деятельности, сделав эти запреты применимыми ко всем, включая Коммунистов, так что если определенный принцип, ранее пропагандируемый Нацистами и объявленный вне закона как социально опасный, оказывается также пропагандируемым Коммунистами, запрет будет применяться как к Коммунистам, так и ко всем остальным, а не только к бывшим Нацистам, как сейчас. Отмените все другие указы, устанавливающие политическую дискриминацию, и дайте бывшим Нацистам шанс вновь стать продуктивными, уважаемыми, законопослушными гражданами с полными правами. Отменить цензуру и облегчить общение между Немцами и внешним миром. Разрешить Немцам свободно путешествовать в другие страны, а гражданам других стран посещать Германию по своему желанию.

Только на таком примере мудрости и человечности мы сможем эффективно научить Немцев преимуществам нашего образа жизни.

Выдвигая такую программу и добиваясь ее принятия нашими союзниками, мы могли бы мгновенно завоевать поддержку и симпатии практически всех Немцев. Замыслы России в отношении Германии были бы сорваны, война между Востоком и Западом стала бы ненужной, мир был бы избавлен от еще одного трагического холокоста.

ИСТОЧНИКИ:

1. Associated Press, Wuerzburg, Germany, March 11, 1946.
2. Associated Press, Wiesbaden, Germany, April 26, 1946.
3. Associated Press, Ottawa, Ontario, July 15, 1946.
4. Lee Hills, Berlin, July 10, 1946, Chicago Daily News Foreign Service.
5. Willard Edwards, Washington, May 2, 1946, Chicago Tribune Press Service.
6. Chester Manly, Washington, Aug. 6, 1946, Chicago Tribune Press Service.
7. David J. Dallin, "Germany Between War and Peace." New Leader (World Events Section), Vol. XXVIII, No. 51, Dec. 22, 1945.
8. Larry Rue, Prague, Czechoslovakia, Dec. 15, 1945, Chicago Tribune Press Service.
9. Dorothy Thompson, "Moscow's Plan for Germany," Chicago Daily News, July 18, 1946.
10. From Henry Morgenthau, Jr., "Morgenthau on Economic Problems," The Chicago Sun, Sept. 12, 13, and 14, 1945.
11. Associated Press, London, April 5, 1945.
12. April 7, 1946.
13. Financial Times, London, May 24, 1946, on report of Swedish Minister of Foreign Trade, M. Gunnar Myrdal.
14. Cf. Chicago Daily Tribune, April 16, 1946, p. 14.
15. Associated Press, London, April 6, 1946.
16. William H. Stoneman, London, Sept. 8, 1945, Chicago Daily News Foreign Service.
17. The Chicago Sun, (editorial), Sept. 14, 1945, p. 16.
18. Henry Morgenthau, Germany Is Our Problem (New York: Harper and Bros., 1945), Chapter I (esp. p. 2) and Chapter 8, "Germany Has the Will to Try It Again."

19. Statement on "The Bretton Woods Agreement," as released by Treasury Dept., pp. 3 and 5.
20. June 12, 1945, p. 4, of U.S. Treasury press release.
21. Feb. 14, 1945, p. 2, of U.S. Treasury press release.
22. Address before Bar Association of the District of Columbia, Dec. 1, 1945, Press Service No. V-148, p. 5.
23. Before the Lower East Side Citizens Committee, at the Seward Park High School, New York City, April 19, 1945, Press Service No. 45-89, p. 2.
24. Before New York Chapter, American Society of Chartered Life Underwriters, Waldorf-Astoria Hotel, New York City, Friday, April 20, 1945, Press Service No. 45-91, p. 4.
25. From Congressional Record, Nov. 16, 1943, pp. 9672 ff.
26. Col. C.H. Lanza, Chicago Daily Tribune, Sept. 6, 1945.
27. Chicago Leader, Jan. 10, 1941.
28. Chicago Herald-American, April 23, 1944, p. 18.
29. [29]Associated Press, Moscow, March 11, 1939.
30. Associated Press, Moscow, Sept. 30, 1939.
31. Harry Elmer Barnes, "Britain's Top War Criminal," The Progressive, Sept. 17, 1945, p. 8.
32. Congressional Record, June 21, 1944, p. 6429.
33. Congressional Record, Dec. 8, 1942.
34. United Press, Washington, Jan. 3, 1941.
35. Congressional Record, Dec. 11, 1945, p. A-5815.
36. Associated Press, London, Feb. 10, 1946
37. David Darrah, London, July 31, 1939, Chicago Tribune Press Service.
38. Roosevelt and Son, 30 Pine St., N.Y., to Hugh W. Long and Co., 155 Exchange Place, Jersey City, N.J., May 8, 1941.
39. Mein Kampf (London: Hurst and Blackett, Ltd), p. 125. Cf. also pp. 127, 463, and 520.

40. Walter Trohan, Washington, Oct. 9, 1945, Chicago Tribune Press Service.